K44 6/70

COPY

№ 49249
XV – № 212

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

НА ПОЛѢ БРАНИ.

Эпизоды и разсказы изъ первой половины нынѣшней войны.

2-ая тысяча

ПЕТРОГРАДЪ.

КНИГИ Г. Т. Сѣверцева-Полилова.

На полѣ брани Эпизоды и разсказы первой половины нынѣшней войны Ц. 1 р. 25 к.

По старинному заморскому пути. Путев. очерки, итоги и впечатлѣнія. Ц. 1 р.

Среди коронованныхъ особъ, встрѣчи и воспом., ц. 1. 25 к.

Вездѣ женщина. Разсказы, ц. 1 р. 25 к.

Кряжъ Романъ, ц. 1 р. 30 к.

Слѣпая любовь. Романъ, ц. 1 р. 25 к.

Въ погоню за славой и золотомъ. Романъ изъ жизни оперней богемы. Ц. 1 р. (распродано).

На оперныхъ подмосткахъ. Разсказы изъ жизни оперныхъ пѣвцовъ. Ц. 1 р.

Отъ шарманки - на сцену. Романъ извѣстн. пѣвицы ц. 80 к.

Ядъ. Ром. изъ жизни артист.—любит. 2-ое изд., ц. 75 к.

Послѣ грозы. Три повѣсти соврем. растер., ц. 1 р. 25 к.

Проснулась женщина. Разсказы изъ совр. жизни въ Финляндіи, ц. 1 р.

Въ странѣ труда. Финляндскіе разсказы, ц, 1 р.

Аттестатъ на дурака. Разсказы, ц. 1 р. (распрод.)

Наши дѣды-купцы. Картины начала XIX столѣтія. Роскошное изданіе съ рис. худ. Апсита. Получивш. отъ Импер. Акад. Наукъ почетный отзывъ имени А. С. Пушкина, ц. 3 р., въ колонк. стил. пер. 3 р. 75 к.

Странички прошлаго. Истор. разсказы. Роскошн. издан. съ рис. худ. С. И. Панова, ц. 2 р. 25 к.

Кому лучше? Романъ, 2-ое роскошное изданіе съ рис. Фридберга, ц. 2 р. 25 к. Одобрено Особ. Отд. Ученаго Ком. Мин. Нар. Просв.

Ты бывала въ Порторико, танцовала контрадансъ. Веселые разсказы, п. 80 к.

Мелкая дробь. Веселые разсказы, ц. 40 к.

Ошибки. Веселые разсказы, ц. 80 к.

Онѣ. Новеллы, ц. 1 р.

Трудящіеся. Повѣсти, ц. 1 р.

Аккорды бытія. Разсказы, ц. 1 р. 25 к.

Развиватели. Романъ, ц. 75 к.

Своя вина. Романъ, 2-ое изданіе, ц. 1 р.

На паровозѣ жизни. Очерки и разсказы, ц. 1 р.

Въ морѣ житейскомъ. Разсказы, ц. 1 р.

Поваръ испанскаго короля. Разсказы, ц. 1 р.

Подъ шрапнелью и ядрами. Разск., 2-ое изд. ц. 50 к.

Боярыня Морозова. Ист. повѣсть, 2-ое изд., ц. 65 к.

} распроданы.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Въ паутинѣ рока. Разсказы съ большой фантазіей

Русло. Романъ.

49249

ст

Х44 6/70

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

НА ПОЛѢ БРАНИ.

Эпизоды и разсказы изъ первой половины нынѣшней войны

289/3

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія И. Шурухтъ. Крюковъ кан., 25. Тел. 475-64

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 625
10 — I 1931 г.

Передъ поднятіемъ занавѣса.

I.

Императорская яхта направлялась къ югу.

Галсъ ея былъ неожиданно измѣненъ по повелѣнію самаго императора. Такое приказаніе всѣхъ изумило. Еще не далѣе, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, германскій властелинъ твердо высказалъ свое намѣреніе идти дальше на сѣверъ, проплыть мимо норвежскихъ шхеръ, добраться до своего любимаго Капа, гдѣ ночное солнцестояніе хотя уже и оканчивалось, но солнце все-же на короткое время погружалось въ океанскія глубины съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ снова подняться на небосклонъ.

Что могло заставить такого твердаго въ своихъ намѣреніяхъ императора измѣнить свое рѣшеніе?

Если нѣсколько часовъ тому назадъ онъ, обнявъ за плечи принца Оскара, ходилъ съ нимъ вдоль борта и, весело разговаривая съ нимъ, указывалъ на любопытныхъ тюленей, нырявшихъ въ зеленоватыхъ волнахъ.

Правда, что безпроволочный телеграфъ принесъ какую-то загадочную короткую депешу, заставившую Вильгельма задуматься, нахмуривъ брови, но не надолго. Онъ опять шутливо разговаривалъ со своимъ адъютантомъ Дона-Шлобитеномъ, и вдругъ неожиданный приказъ, данный прямо въ рубку командиру самимъ императоромъ по телефону,—идти къ югу.

Спускалась ночь.

Прозрачныя сѣверныя ночи мая и іюня уже исчезли, смѣнившись сильнымъ покровомъ сумрака, очертанія береговъ исчезли изъ виду, они только чувствовались. Но небо попрежнему было свѣтлымъ, горизонтъ не затянулся тучами.

Глухо стучали сильныя машины, трубы давали густыя струи дыма, онъ медленно тянулся за яхтой, оставляя длинный слѣдъ.

Пахнуло ночной сыростью. Отъ воды несло здоровымъ запахомъ соли, смѣшанной съ іодомъ.

Въ большой столовой кончали обѣдать.

Вильгельмъ былъ подавленъ какой-то мыслью, но старался это скрыть подъ маской радушія хорошаго хозяина и не разъ повторялъ командиру яхты:

— Вамъ сегодня стоять ночь на вахтѣ, капитанъ, не забудьте и выпейте стаканчикъ рома, мнѣ его прислалъ мой старый пріятель, президентъ Тодди Рузвельтъ.

Морякъ, польщенный словами владыки, не смѣлъ отказаться отъ предложеннаго рома.

Грозилъ пальцемъ Вильгельмъ и своему сыну, принцу Оскару, который наливалъ себѣ уже третью рюмку рейнвейна.

Но скрыть свою заботу императору не удалось, она проявлялась въ каждомъ его движеніи, въ нервномъ покусываніи

губъ, въ небольшой складкѣ, пробѣгавшей по загорѣлому лбу.

Обѣдъ окончился.

Вильгельмъ, опершись руками о столъ, наклонилъ на минуту голову, затѣмъ громко прочиталъ молитву, и всѣ присутствующіе, поблагодаривъ вѣнценоснаго хозяина, вышли изъ столовой.

II.

Всю ночь, по желанію императора, яхта шла умѣреннымъ ходомъ. Видимо, онъ разсчитывалъ время и даже среди ночи справлялся по телефону у стоявшаго на вахтѣ капитана, гдѣ они сейчасъ находятся, на какой широтѣ.

Утро еще не прогнало сумрака ночи, востокъ слабо окрасился зарею за высокими скалами восточнаго норвежскаго берега, когда Вильгельмъ вышелъ изъ своей каюты и въ тепломъ морскомъ бушлатикѣ, въ туфляхъ, поднялся на палубу.

Пройдя на носъ яхты, онъ прислонился къ влажному еще отъ ночной сырости борту и пристально устремилъ

взглядъ въ клубящійся предутренній туманъ.

Мѣрный стукъ машины помогалъ мыслямъ владыки логически развиваться; точно большой клубокъ, распутывалась нить его думъ, она тянулась далеко впередъ, туда, къ той преградѣ, черезъ которую не можетъ проникнуть человѣческое познаніе.

Властитель Германіи весь ушелъ въ глубокую думу...

Въ своихъ горделивыхъ помыслахъ онъ сознавалъ себя въ настоящую минуту вершителемъ судебъ всей Европы... Европы, нѣтъ, вѣрнѣе сказать—всего свѣта.

Развѣ не отъ мановенія его руки зависитъ миръ или кровопролитная война, война, которая можетъ залить кровью всѣ континенты, чудовищное человѣкоистребленіе, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ исторіи!

Заря разгоралась. Клубы тумана таяли .. На палубѣ стало свѣтлѣе.

«Гогенцоллернъ» продолжалъ идти къ югу. Тихо шумѣла вода подъ килемъ, погасли баковые фонари...

Чуть затепливался день.

Въ глубинѣ трюма, гдѣ-то тамъ, пробили склянки. Императоръ вздрогнулъ. Хотя и любитель моря, онъ всетаки ввелъ на своей яхтѣ новый обычай, чтобы каждое утро звучала кавалерійская труба. Ожидать ее не пришлось долго. Скоро рѣзкій окликъ мѣди зазвучалъ надъ мирно покоющимся океаномъ.

Владыка Германіи нервно запахнулъ бушлатикъ, пытаясь засунуть за бортъ его свою сухую руку, и пошелъ вдоль яхты, направляясь въ свою спальню.

III.

Жизнь на «Гогенцоллернѣ» проснулась. Забѣгали матросы, авральная работа закипѣла. Экипажъ пользовался временемъ утренняго отдыха монарха, чтобы до его появленія привести все въ порядокъ. Но Вильгельмъ не спалъ.

Пройдя въ спальню, онъ велѣлъ своему камердинеру приготовить ванну изъ морской воды, которую бралъ ежедневно во время плаванія, затѣмъ одѣлся, прошелъ въ кабинетъ и началъ работать.

— Его Величество всталъ и работаетъ,—шопотомъ сообщилъ Дона-Шлобитену камердинеръ.

Нѣсколько депешъ безпроволочнаго телеграфа, пришедшія за ночь, сейчасъ-же были переданы императору. Вильгельмъ досталъ тетрадку кода и, не прибѣгая къ помощи секретаря, самъ расшифровалъ ихъ. На суровомъ лицѣ владыки появилась загадочная улыбка. Рука привычно топорщила «знаменитые усы».

Онъ нажалъ пуговку электрическаго звонка. Въ дверь изъ краснаго дерева тихо постучали.

— Войдите,—твердо пригласилъ императоръ стучавшаго. Онъ зналъ, что это его любимецъ Дона-Шлобитенъ.

— Судьба намъ благопріятствуетъ,—промолвилъ Вильгельмъ,—сегодня намъ предстоитъ интересная встрѣча. Ты не можешь угадать?

— Ваше Величество, — осклабился генералъ-адъютантъ,—ваши слова для меня положительная загадка.

— Догадывайся, говори,—настаивалъ Вильгельмъ.

Шлобитенъ растерянно проговорилъ:

--- Президентъ Рузвельтъ?

— Ха-ха-ха,—раскатился по каютѣ смѣхъ державнаго хозяина.—Тодди сейчасъ въ Нью-Іоркѣ, гдѣ онъ читаетъ рефераты о своемъ путешествіи по Амазонкѣ! Нѣтъ, не онъ... Ищи, ищи, поройся въ своей памяти, вѣдь, ты не дуракъ... Но, впрочемъ, что тебя мучить, я не хочу насиловать твоего воображенія, мы сегодня встрѣтимъ.... другого президента... милѣйшаго Пуанкарэ!

Хитрый Шлобитенъ постарался выразить на своемъ лицѣ изумленіе. Впрочемъ, это удалось ему безъ труда.

— Да, мой милый, не далѣе, какъ сегодня подъ вечеръ, мы будемъ имѣть честь,—насмѣшливо подчеркнулъ императоръ послѣднее слово,—принимать здѣсь, на нѣмецкой яхтѣ «Гогенцоллернъ», президента французской республики! Ха-ха-ха! Русскіе отказали мнѣ въ пріемѣ, не желая, чтобы я предупредилъ господина Пуанкарэ; они мнѣ только сыграли въ руку! Я встрѣчусь съ нимъ здѣсь, на нейтральной полосѣ океана, и надѣюсь, что

это свиданіе принесетъ большую пользу намъ, германцамъ! Во всякомъ случаѣ, охладитъ дружбу русскихъ съ Франціей.

День уже развернулся, яркое солнце лило съ безоблачнаго неба золотые лучи на водяное пространство, на плывущій «Гогенцоллернъ», оно точно благословляло горделивые планы нѣмецкаго императора, сулило ему удачу, успѣхъ его ловкому маневру.

— Ну, мой сынъ, ты сегодня увидишь мосье Пуанкарэ; наблюдай, милый, какъ монархъ, властитель Германіи, будетъ съ нимъ вѣжливъ и обходителенъ, учись, мой сынъ, помни, что языкъ данъ людямъ не для того, чтобы болтать, а для того, чтобы обманывать.

На горизонтѣ показалось какое-то судно. Вильгельмъ поднялъ къ глазамъ цейссовскій бинокль и посмотрѣлъ.

— Купецъ,—увѣренно сказалъ онъ и прибавилъ:—вотъ счастливая случайность, русскій, обратившись къ стоящему сзади него Дона-Шлобитену, шутливо онъ прибавилъ:

— Потѣшимъ нашихъ милыхъ сосѣдей: когда они поравняются съ нами, скажи, чтобы оркестръ вышелъ на верхнюю палубу и сыгралъ русскій гимнъ. Не мешаетъ сдѣлать небольшую рекламу; Вольфъ сейчасъ же передастъ въ своихъ телеграммахъ по всему міру, что германскій императоръ привѣтствовалъ русское коммерческое судно національнымъ гимномъ. Неправда-ли, эта блестящая идея?

Дѣйствительно, когда русское судно, проходило мимо императорской яхты, съ борта послѣдней полились плавные звуки «Боже Царя храни» и взвился русскій флагъ.

Купеческій пароходъ былъ пораженъ такимъ вниманіемъ со стороны монарха, и на реяхъ взвились нѣмецкіе флаги. Вильгельмъ, стоя на верхнемъ мостикѣ, добродушно смѣялся, но въ этомъ смѣхѣ чувствовалась иронія... Большой актеръ сказался въ этой выходкѣ.

— Будемъ приготовляться къ встрѣчѣ и къ пріему, — обратился Вильгельмъ къ сопровождавшимъ его сыну и Дона-Шлобитену.

День перевалилъ уже на вторую половину, время близилось къ четыремъ часамъ.

IV.

Желанная встрѣча должна была произойти около шести часовъ, какъ это разсчитывалъ императоръ. Онъ тщательно вмѣстѣ съ другими приближенными лицами отыскалъ на картѣ мѣсто, гдѣ суда должны были встрѣтиться и заранѣе отмѣтилъ крестикомъ прибавивъ:

— Этотъ крестъ на могилѣ русско-французской дружбы водружу я здѣсь.

Время, шло но на горизонтѣ не появлялось никакое судно... Лѣниво протянулся только англійскій угольщикъ, да проплыли два-три норвежскіе парусника съ рыбой... Дымковъ дредноута «France», на которомъ возвращался изъ Петербурга президентъ Пуанкарэ, нигдѣ не было видно.

Правая рука Вильгельма, одѣтая въ бѣлую перчатку, нетерпѣливо постукивала по ручкѣ бамбуковаго кресла, на которомъ онъ сидѣлъ. Ожиданія его не оправдывались, онъ начиналъ думать, что пре-

зидентъ отложилъ свой отъѣздъ изъ Стокгольма, который онъ посѣтилъ на обратномъ пути изъ Петербурга.

Склянки пробили уже пять ударовъ, что означало семь часовъ, но дымковъ и высокихъ трубъ французской эскадры нигдѣ не было видно.

Снова нахмурились брови императора, онъ, какъ опытный шахматный игрокъ, не любилъ, чтобы его, вѣрно намѣченные, ходы не исполнялись.

Восемь часовъ... Надъ Нѣмецкимъ моремъ сгрудились сумерки, опять блеснули красный и зеленый баковые огни... Депеши безпроволочнаго телеграфа летѣли одна за другой, но ни въ одной изъ нихъ не говорилось о замедленіи проѣзда президента.

Ни одно изъ сторожевыхъ судовъ, вышедшихъ изъ портовъ, принадлежащихъ Германіи, не сообщало ничего новаго...

Спустилась ночь, ожидать больше было нечего. Ночная встрѣча не входила въ разсчеты германскаго владыки.

Разсерженный, но скрывающій подъ маской спокойствія свой гнѣвъ, Вильгельмъ

разсѣянно разговаривалъ съ лицами своей свиты. Онъ инстинктивно сторонился Шлобитена, которому такъ хвастливо говорилъ еще утромъ о встрѣчѣ съ президентомъ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ.

Снова успокоился «Гогенцоллернъ», ушелъ на покой и самъ императоръ.

Покой! Онъ не былъ покоенъ. Сегодняшняя неудача его волновала чрезвычайно. Канцлеру Бетманъ-Гольвегу была послана депеша сообщить во что бы то ни стало, гдѣ находится дредноутъ, везущій французскаго президента, и этого отвѣта Вильгельмъ ожидалъ, какъ ждетъ ребенокъ обѣщанной игрушки.

Но отвѣтъ не приходилъ...

Германскій монархъ не могъ забыться сномъ, его планы, его горделивыя мечтанія принимали другой оборотъ, нужно было по новому комбинировать всѣ свои дѣйствія, измѣнять ходъ событій.

Вильгельмъ обладалъ недюжиннымъ умомъ, его мысль летѣла далеко впередъ, она точно предвидѣла событія. Но горделивое самомнѣніе мѣшало ему оцѣнивать

ихъ по достоинству и спокойно смотрѣть на вещи.

Только поздно утромъ была получена короткая депеша, въ которой сообщалось: «Французскій дредноутъ «France»» прошелъ Большой Бельтъ ночью».

У императора невольно вырвалось громкое выраженіе неудовольствія, когда онъ прочиталъ это извѣстіе.

— Придется пересдать игру,—проговорилъ онъ и грубо кинулъ генералъ-адъютанту,—ступай, я хочу отдохнуть...

. . . . . .

Прошло нѣсколько дней... Императорская яхта «Гогенцоллернъ» снова повернула на сѣверъ, но красивые виды шхеръ, океанская волна, морской отдыхъ не интересуютъ больше императора... Онъ снова полонъ думъ, онѣ зрѣютъ у него въ головѣ; близится къ цѣли та программа, которую онъ задумалъ вмѣстѣ съ покойнымъ эрцгерцогомъ Фердинандомъ въ замкѣ Канопиштэ.

Ихъ нужно привести скорѣе въ исполненіе, время не ждетъ, драма подготовлена, прологъ ея инсценированъ, остается

только дать первый звонокъ, за нимъ второй, третій, и занавѣсъ взовьется для той всемірной драмы, скорѣе трагедіи, которая должна ужаснуть весь міръ...

Да, ждать больше нечего, Германія вооружена, Австрія подожгла уже костеръ въ Сербіи, огонь разгорается, затрещали орудійные выстрѣлы, полилась кровь, нужно подготовить общественное мнѣніе въ Германіи, натравить народъ на русскихъ, пусть газеты, вся пресса трубятъ о неблагодарности этихъ жалкихъ славянскихъ рабовъ, судьба которыхъ быть навозомъ для тевтонскаго племени! Италія поможетъ; она крѣпкій щитъ на югѣ, отвлечетъ часть французской арміи на себя, на Босфорѣ, въ Константинополѣ, сидитъ Сандерсъ, онъ сумѣлъ подготовить Турцію...

Англія... О, она не захочетъ вмѣшаться въ войну, къ чему ей тратить средства, рисковать своими владѣніями, она хорошо знаетъ, насколько силенъ германскій флотъ, а о небольшихъ государствахъ говорить нечего. Въ Бельгіи все подготовлено, германская армія прой-

детъ свободнымъ корридоромъ черезъ эту страну, возстаніе въ Польшѣ готово разразиться, въ Россіи тоже, въ самомъ Петербургѣ идутъ уже рабочіе безпорядки...

Самый удобный моментъ, счастливая минута въ моей жизни, наконецъ, я смету желѣзнымъ германскимъ кулакомъ всѣхъ этихъ славянъ и французовъ, такъ хвастливо говорящихъ о реваншѣ!

Все больше и больше раскручивается клубокъ мыслей германскаго императора.

Безпроволочный телеграфъ работаетъ безъ остановки.

Послѣдняя депеша была направлена въ Петербургъ къ германскому посланнику. Содержаніе ея каждому извѣстно...

Такъ начался первый актъ великой драмы человѣчества, благодаря горделивому безумію германскаго властелина.

Вѣщее.

Познакомился я съ нимъ въ Иванову ночь...

Всѣ изъ нашего пансіона разбрелись, кто куда. Одни пошли на берегъ рѣки смотрѣть, какъ жгутъ смоляныя бочки, другіе направились въ паркъ, къ развалинамъ, разумѣется, преимущественно женщины, поэтически настроенныя, и въ саду пансіона остался только я одинъ. Убѣжала и прислуга.

Я вошелъ въ одну изъ маленькихъ бесѣдокъ и убѣдился, что тамъ имѣется еще другое человѣческое существо.

Въ уголку, прижавшись къ стѣнкѣ, сидѣлъ старенькій человѣчекъ и любовался на нѣсколько десятковъ шкаликовъ,

освѣщавшихъ фронтонъ пансіона—незатѣйливая иллюминація нашего дома.

Старикъ улыбался, на его изрѣзанномъ морщинами лицѣ расплылось выраженіе удовольствія, выцвѣтшіе глазки были устремлены на мигающіе огоньки, впавшій ротъ сложился въ улыбку.

Я не сталъ мѣшать ему и удалился молча. Это былъ старикъ-садовникъ. Какъ его звали, мнѣ не было извѣстно. Говорили только, что ему болѣе сотни лѣтъ, но для своего возраста онъ былъ достаточно бодръ и подвиженъ.

О чемъ думалъ дѣдъ въ эту минуту? Вспоминалъ ли онъ давно прошедшія времена, всѣ радости невозвратной молодости, грезилось ли ему беззаботное дѣтство, товарищи, веселыя игры въ эту полную таинственной прелести Иванову ночь, переломъ лѣта... Кто знаетъ?

Съ тѣхъ поръ я только еще разъ видалъ стараго садовника, когда онъ привязывалъ къ колышкамъ разметанные ночнымъ дождемъ въ клумбѣ цвѣты. Онъ мнѣ показался совсѣмъ ветхимъ старцемъ...

Миновали іюньскіе дни. Надвинулся удушливо жаркій іюль. Въ лугахъ запахло ароматомъ скошенной травы, зашелестѣли колосья озимыхъ хлѣбовъ, заволновалась желтая нива, точно безбрежное море, созрѣвалъ хлѣбъ.

Скоро и жатва. Зерно налилось добротное, янтарное. Радуются хлѣборобы. По ночамъ зарницы заблистали, кой-когда легкій, теплый дождикъ вспрыскивалъ, освѣжалъ, но не вредилъ хлѣбу.

У насъ въ пансіонѣ время было мирное, лѣтне-лѣнивое.

Всѣ отдыхали отъ зимнихъ занятій, жили растительной жизнью, много гуляли, казалось, что и конца не будетъ такому умственному прозябанію.

Это было 19-го іюля...

Стояла удушливая ночь. Несмотря на открытое окно, въ комнатѣ было нечѣмъ дышать. Мнѣ не спалось. Я чиркнулъ спичку, посмотрѣлъ на часы: близилось къ полуночи. Огонь совершенно прогналъ мой сонъ, я наскоро одѣлся, спустился по лѣстницѣ въ нижній этажъ и выбрался

въ садъ, оттуда было недалеко пройти и на дорогу.

Шоссе пролегало подъ сѣнью густыхъ каштановъ и вязовъ. И днемъ-то оно было полно таинственнаго сумрака, а теперь это была какая-то бездонная пропасть, зіяющая темнота...

Ощупавъ руками, я перешелъ на другую сторону дороги и сѣлъ на каменную тумбочку.

Темнота сконцентрировала мои мысли, я чувствовалъ какую-то особенную жуть отъ этого невольнаго одиночества, отчужденность...

Я зналъ, что направо, черезъ нѣсколько десятковъ саженъ, лежали ворота замка, за которыми притаились древнія развалины, на лѣвую руку шоссе убѣгало въ поле, минуя тоже очень старое зданіе общественнаго зернохранилища.

Теперь не помню, долго ли находился я въ такомъ абсолютномъ состояніи покоя. Окружающая тишина и темнота буквально давили меня.

Неожиданно пронесшійся какой-то глухой стонъ заставилъ меня вздрогнуть.

Меня охватилъ страхъ. Секунда, другая, стонъ снова пронесся, еще жалостнѣе, еще тяжелѣе...

Снова наступила тишина. Я онѣмѣлъ... Не зналъ, бѣжать ли мнѣ обратно или ждать. Изъ этого оцѣпенѣнія меня вырвалъ человѣческій голосъ. Кто-то бормоталъ... Словъ я не могъ разобрать.

Я обрадовался случайному сосѣду и, стараясь сдержать волненіе, спросилъ:

— Кто тутъ?

Недалеко отъ меня послышалось слабое шуршаніе, шлепанье шаговъ, ко мнѣ кто-то подошелъ и на плохомъ русскомъ языкѣ проговорилъ:

— Не бойтесь, это я.

Слова его успокаивающе на меня подѣйствовали. Я чиркнулъ спичку и посмотрѣлъ на говорившаго. Это былъ старый садовникъ.

— Слышали? — подавленнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да. Что это такое?

— Земля плачетъ, она чуетъ кровь, много прольется ея,—тихо говорилъ старикъ.—Не первый разъ я слышу этотъ

плачъ. О, я его уже слышалъ много лѣтъ назадъ и тогда былъ онъ справедливъ...

Объятый ужасомъ, я молчалъ. Сердце усиленно билось, слова садовника показались мнѣ пророческими, хотя въ эту минуту я не могъ себѣ представить, не могъ вообразить, что они означаютъ...

— Много прольется крови, насквозь пропитается ею земля... Вотъ она и стонетъ, ей тяжело принять человѣческую кровь,—бормоталъ старикъ.

Таинственные звуки больше не повторялись. Все успокоилось. Надъ вершинами вязовъ и каштановъ пронесся вѣтерокъ, они зашумѣли кронами. Темнота немного разсѣялась, изъ-за строеній пролился слабый лучъ луны, онъ упалъ на группу изъ нѣсколькихъ деревьевъ, отъ нихъ протянулась по травѣ слабая тѣнь.

Мои глаза невольно устремились на колышащіяся тѣни, фантазія разыгрывалась, тѣни волновались, складывались въ формы, вырѣзывались очертанія.

Я вздрогнулъ, когда до моей руки коснулась высохшая рука стараго латыша.

— Смотрите,—прошепталъ онъ, указывая на тѣнь отъ луны,—смотрите внимательнѣе.

Творилось что-то странное.

Была ли это игра воображенія, или какое-нибудь непонятное, таинственное явленіе, имѣвшее начало гдѣ-то тамъ, далеко, въ невѣдомыхъ намъ силахъ...

На тѣни вырисовывалась громаднаго роста бѣлая женщина, движенія ея были величавы, она подняла правую руку, вотъ вырисовалось лицо, очертился станъ; да, это русская одежда, сарафанъ, на головѣ кокошникъ.

Еще мгновеніе и около нея появилась другая фигура, тоже громадная, она волновалась, и затѣмъ сложилась въ яркую форму солдата въ каскѣ, со штыкомъ на перевѣсъ. Солдатъ направилъ штыкъ противъ женской фигуры, готовясь проткнуть ее...

Я затаилъ дыханіе, поражаясь все больше и больше этимъ явленіемъ. Нѣсколько короткихъ мгновеній... штыка больше нѣтъ, ружье свалилось, фигура

солдата откинулась назадъ, а бѣлая женщина попрежнему величаво красуется, съ неподвижно поднятою въ высь рукой...

— Видѣлъ?—торжественнымъ шопотомъ сказалъ мой странный собесѣдникъ, невольно переходя на «ты». — Запомни, господинъ! Это вѣщее... Богомъ намъ дается...

Не помню, какъ добрался до нашего пансіона; я былъ весь полонъ этимъ страннымъ случаемъ, этимъ таинственнымъ явленіемъ...

— —

А черезъ нѣсколько часовъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что война объявлена.

Вотъ, что видѣлъ я и слышалъ въ старинномъ Зегевольдѣ 19-го іюля 1914 года.

Турханчикъ.

Казачья сотня, развернувшись лавой, лихо налетѣла на австрійцевъ.

Въ своей отвагѣ станичники не подумали о количествѣ враговъ. Оказалось, что они напали на цѣлую кавалерійскую дивизію.

Закипѣла сѣча.

Услышавъ дикое казачье гиканье и замѣтивъ блестящую полосу пикъ, австрійскіе кавалеристы невольно дрогнули и подались назадъ. Но, убѣдившись, что казаковъ совсѣмъ мало, пріободрились и стали рубиться съ казаками.

Тутъ только замѣтили станичники, что силы неравны.

— Дядя Матвѣй, — крикнулъ одинъ изъ нихъ,—пожалуй, что и не совладать

намъ съ ними, ишь, сколько ихъ, чертей, насѣдаетъ на насъ.

— Помалкивай, Васюка, самъ вижу,— откликнулся рыжебородый пожилой казакъ.

Но молодцы станичники, несмотря на превосходство противника, упрямо не отступали и дрались. У многихъ ужъ отброшены пики, рука лихо рубитъ враговъ, стрѣлять въ бою некогда и неудобно. Кое-кто изъ казаковъ поизраненъ, съ сѣдла похилились, а ноги все же крѣпко стремя держатъ—не хочется лихому воину свалиться на земь, быть истоптаннымъ конями, а того хуже—къ недругу въ плѣнъ попасться.

— Горюнъ, Горюнъ,—крикнулъ одинъ изъ казаковъ, указывая на сотника, падавшаго съ лошади,—никакъ его высокородіе ранены.

Казаки сейчасъ же подскочили къ падающему съ лошади офицеру, подхватили его и поняли горькую правду: пуля одного изъ австрійцевъ попала въ глазъ русскаго, онъ былъ убитъ наповалъ.

— Эхъ!—пронесся печальный возгласъ казака.

Онъ перетащилъ трупъ убитаго къ себѣ на сѣдло, скомандовалъ отступленіе, и сотня, подобравъ раненыхъ и захвативъ четверыхъ убитыхъ, бойко вынеслась изъ рядовъ противника.

Пытался было врагъ преслѣдовать, но, какъ вихрь унеслись станичники.

— Поработали хорошо, здорово порубились,—довольнымъ тономъ произнесъ одинъ изъ казаковъ, переводя поводья въ правую руку; лѣвая, усѣченная австрійской саблей, висѣла, какъ плеть.

— Такъ-то оно такъ, братцы, — отозвался рыжебородый,—да только бѣда, командира потеряли, сгубили его треклятые.

Потупились казачки. Кое-кто слезу смахнулъ съ загорѣлаго лица, въ душѣ пожалѣлъ сотника, — молодой еще офицеръ, свой, изъ одной станицы, дома у него жена на сносяхъ осталась.

— А что, Панкратьичъ, не было бъ намъ выговора отъ командира, что вожака своего потеряли, ругаться станетъ, не уберегли молъ,—протянулъ кто-то изъ сотни.

Позамолчали всѣ, никто не отозвался. Тяжело было говорить.

— А Турханчикъ гдѣ?—неожиданно встрепенулся рыжій,—неужто мы врагамъ его отдали?

Всѣмъ вспомнился красивый конь убитаго сотника. Умный былъ, дома выращенъ, а статей такихъ и не сыщешь, ходъ какой! Не попади проклятая пуля, лихо вынесъ бы своего хозяина изъ боя, домой бы съ нимъ прискакалъ.

— Эхъ вы, фефелы, фефелы, — укоризненно крикнулъ тотъ же рыжакъ,— коня-то такого упустили, вѣдь любой сейчасъ триста цѣлковыхъ за него далъ бы, а вдовѣ-то такія деньги къ разу бы были.

— Не вернуться ли, что ль, отбить...— робко спросилъ кто-то изъ молодыхъ казаковъ.

— Ну, ну, Горюнъ, нечего послѣ драки волоса считать, неужто отбить возможно? Поди, самъ видалъ, какая ихъ тьма тьмущая съ нами сѣклась—угрюмо крикнулъ Панкратьичъ.

Молодой казачокъ стыдливо замолчалъ.

Преслѣдованіе прекратилось, сотня дала волю конямъ, шли тихо. Раздавались только изрѣдка стоны раненыхъ, да

качались перекинутые черезъ сѣдла трупы убитыхъ товарищей.

Было тоскливо, скучно, недовольство овладѣвало всѣми. ____

Несмотря на потери, налетъ казачьей сотни оказался удачнымъ,—онъ разстроилъ важный планъ противника и заставилъ его кавалерію остерегаться подходить близко къ русскимъ войскамъ.

Похвалилъ начальникъ казаковъ, только погрозилъ пальцемъ, прибавивъ:

— Дѣло-то ладно сдѣлали, а негоже, что офицера потеряли.

Потупились рыжакъ и Панкратьичъ, считавшіеся старшими въ сотнѣ и доложившіе обо всемъ случившемся.

— Воля Божья, ваше высокородіе, не попади пуля, живъ бы остался...—вздохнувъ, рѣшился отвѣтить рыжакъ.

— Знаю, знаю, лихой былъ казакъ, отплатилъ бы за себя,—согласился полковникъ и кивкомъ головы отпустилъ станичника, — постой, ты, рыжій, а гдѣ мастачекъ покойнаго сотника, ужъ больно онъ хорошъ у него былъ, я бы охотно себѣ его взялъ.

Съежились оба казака, услышавъ вопросъ полковника. Приходилось признаваться въ потерѣ извѣстнаго всѣмъ въ полку коня.

— Утеряли, ваше высокородіе, Австріаки его забрали,—шопотомъ отозвался Панкратьичъ.

Смилостивился его смиреннымъ видомъ полковникъ или самъ понялъ, что нѣтъ тутъ никакой вины со стороны казаковъ, махнулъ рукой, проговоривъ:

— Ну, ступайте, коли такъ.

Самолюбіе казаковъ было задѣто. Хоть и не укорилъ ихъ старшой, а затѣяли они во что бы то ни стало раздобыть обратно Турханчика.

— Ужъ я не я буду, коли нашего мастачка отъ Австріака не отобью,—похвастался рыжакъ,—въ самый огонь за нимъ полѣзу, какъ только увижу.

— Ну, ну, кумъ не храбрись, гдѣ его теперь раздобыть, поди, куда-нибудь угнали, вѣдь австріаки въ коняхъ толкъ-то тоже понимаютъ.

Дня два не ходила послѣ этого сотня въ дѣло, а тутъ вдругъ вышелъ приказъ

обойти всѣмъ полкомъ передовыя непріятельскія позиціи и ударить съ фланга.

Когда убитаго сотника рыжакъ подхватилъ къ себѣ на сѣдло, Турханчикъ, почувствовавъ, что сѣдока на немъ нѣтъ, порывался ускакать за остальными казацкими лошадьми, да, къ сожалѣнію, поводья его запутались за что-то на землѣ.

Тщетно рвалась умная лошадь освободиться отъ случайной задержки, но кожаныя связи были крѣпки. Качалась благородная голова коня, хрипѣлъ онъ, глаза наливались кровью, переднія копыта упирались настойчиво въ землю. Ничего не могъ сдѣлать онъ, напрасно вздымался на дыбы.

Усилія казацкой лошади сейчасъ же были замѣчены. Одинъ изъ австрійскихъ адъютантовъ взглянулъ на бьющагося коня, опытный глазъ кавалериста сразу оцѣнилъ рѣдкія статьи животнаго; подскакалъ къ нему австріецъ и не распутывая поводьевъ, схватилъ ихъ и отрубилъ саблей отъ препятствія.

Рвался Турханчикъ изъ вражескихъ рукъ, но кавалеристъ умѣло сдерживалъ его и, подведя ближе къ своей лошади, пересѣлъ на казацкое сѣдло. Свою же лошадь онъ отдалъ подержать одному изъ солдатъ.

Почувствовавъ на себѣ новаго всадника, Турханчикъ понесся по направленію умчавшихся своихъ степныхъ товарищей. Австріецъ далъ ему волю проскакать нѣкоторое пространство, затѣмъ умѣлой рукой туго натянулъ поводья и повернулъ обратно.

Чуялъ благородный конь, что имъ управляетъ не дружеская рука хозяина, а чужая,—не привыкъ онъ къ такому обращенію, на дыбы вздыбился, сбросить чужого сѣдока попытался, но не совладалъ. Хорошимъ ѣздокомъ оказался адъютантъ. Шпоры ему далъ, хлыстомъ ударилъ и заставилъ исполнить свою волю.

Покорился степной скакунъ, поскакалъ назадъ, только ушами насторожился, волю свою дикую затаилъ.

— Какую хорошую лошадь я себѣ раздобылъ, — похвастался адъютантъ своимъ

товарищамъ, вернувшись обратно къ стоянкѣ полка.—Настоящую степную, мчится она, какъ птица, а ну-ка — полюбуйтесь.

Спѣшившіеся кавалеристы внимательно осматривали дико озиравшуюся лошадь, любовались ея точно точеными ногами, изящно обрисованной головой, красивой статью.

Счастливый пріобрѣтеніемъ, адъютантъ умѣло гарцовалъ на степномъ скакунѣ.

— —

Кромѣ перестрѣлокъ и небольшихъ ружейныхъ встрѣчъ, противники молчали почти два дня.

— Лейтенантъ Хорсекъ, благосклонно обратился къ адъютанту генералъ, кокомандовавшій дивизіей,—мнѣ сообщили, что у васъ оказалась въ рукахъ превосходная лошадь, отбитая у казаковъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство,—почтительно отозвался австріецъ.

— Я слышалъ, что она мчится, какъ вѣтеръ; вообще, казацкія лошади чрезвычайно выносливы, онѣ могутъ пробѣгать большое пространство...

Адъютантъ продолжалъ слушать.

— Дѣло въ томъ, что мнѣ нужно послать одни важные документы въ нашъ корпусъ, расположенный довольно далеко отсюда. Вы знаете дорогу? Я вамъ сейчасъ укажу.

И, подойдя къ картѣ, висѣвшей на стѣнѣ, генералъ подробно показалъ офицеру путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать. Путь шелъ изгибами и въ одномъ мѣстѣ довольно близко подвигался къ русскимъ позиціямъ.

— Въ этомъ мѣстѣ вы должны соблюдать особую осторожность и проскользнуть незамѣтно, — наставительно продолжалъ начальникъ,—документы эти очень важные, въ нихъ находится диспозиція нападенія на русскихъ, которую мы предполагаемъ выполнить завтра вечеромъ.

— Будетъ исполнено, ваше превосходительство, — шелкнувъ шпорами, отозвался адъютантъ.

— Вы должны выѣхать съ наступленіемъ темноты, это дастъ вамъ возможность, подъ покровомъ ночи, совершить порученіе безопаснѣе.

Обрадованный такимъ порученіемъ, которое давало ему возможность отличиться, Хорсекъ сейчасъ же началъ приготовляться къ ночной поѣздкѣ.

Казацкое сѣдло понравилось австрійцу, оно было удобнѣе обыкновеннаго кавалерійскаго,—въ особенности оказались удобны переметныя сумки, въ которыя можно было много чего положить.

Большой пакетъ съ документами стѣснялъ офицера, находясь въ его мундирѣ, и онъ съ особымъ удовольствіемъ помѣстилъ его въ одну изъ сумокъ.

Спустился вечеръ, темный, настоящій южный, удушливый,—и лейтенантъ Хорсекъ, съ горделивыми надеждами отличиться, выѣхалъ на своемъ новомъ конѣ по указанному пути.

——

Далеко ужъ отъѣхалъ посланный отъ расположенія своего полка. Дорога шла по знакомымъ мѣстамъ, еще недавно тутъ происходили бои, послѣ которыхъ австрійскія войска отступили глубже въ западную Галицію.

Хорсекъ былъ лихой кавалеристъ и хорошій офицеръ. Онъ чутко прислушивался къ каждому шороху, когда проѣзжалъ по лѣсной тропинкѣ, внимательно вглядывался въ обочину дороги, выѣзжая на открытя мѣста и стараясь не производить особаго шума, для чего онъ подвязалъ свою бряцавшую саблю, направлялся онъ все дальше и дальше.

Вотъ и та ложбина, въ которой два дня тому назадъ была стычка ихъ съ казаками. Еще валяются двѣ убитыя лошади, трупы уже убраны, чуть блеснула изъ подъ куста сломанная казацкая пика. Адъютантъ вздрогнулъ. Ему вспомнилась эта жестокая сѣча, въ которой было порублено не мало его товарищей. Три офицера поплатились жизнью, а двое были сильно ранены казацкими шашками. Солдатъ больше десятка было перебито, да и раненыхъ оказалось тоже не мало.

Лошадь фыркнула. Она почуяла знакомое мѣсто. Туже натянулъ поводья Хорсекъ и, стараясь преодолѣть желаніе коня скакать по старой русской дорогѣ, повелъ его, продолжая туго держать по-

водья, по своему желанію, немного правѣе. Таковъ былъ его путь.

Но стало еще темнѣе. Ночь погасила всякій отблескъ свѣта. Приходилось поневолѣ ѣхать почти наобумъ.

Хорсекъ на минуту остановилъ коня, обдумывая, гдѣ лежитъ настоящій путь. Онъ помнилъ, что недалеко отъ этого мѣста онъ будетъ находиться въ разстояніи всего какой-нибудь полуверсты отъ русскихъ, и сознавалъ необходимость соблюдать наибольшую осторожность.

Для этого адъютантъ повернулъ немного направо, твердо увѣренный, что это отдалитъ его отъ русскихъ. Но чѣмъ дальше онъ скакалъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что дорога ускользаетъ изъ-подъ ногъ его скакуна. Онъ скакалъ теперь по травѣ.

Времени нельзя было терять, до конечной цѣли не близко, и австріецъ прибавилъ рыси.

—

Казачій конь несся. Сѣдокъ былъ имъ доволенъ. Онъ понималъ, что умное животное, наконецъ, покорилось волѣ своего новаго владѣльца и послушно исполняетъ ее.

Долго продолжался бѣгъ. Гдѣ-то раздался хрустъ вѣтокъ. Другая лошадь ударила подковой о подкову.

Хорсекъ встрепенулся. У него екнуло сердце отъ радости.

«Вотъ и наши, добрался—наконецъ!», мелькнуло у него въ головѣ, и онъ, ослабивъ поводья, далъ коню ходу.

Все ближе и ближе приближался онъ къ невидимому еще отряду. Тьма стала рѣдѣть. Звѣзды потухли.

Вотъ ужъ онъ совсѣмъ близко, ржаніе нѣсколькихъ лошадей послышалось громче, раздались голоса. Но ихъ нельзя было понять, вѣтеръ относитъ въ другую сторону.

Конь прибавляетъ все больше и больше рыси, усталый долгой ѣздой, адъютантъ предвкушаетъ все удовольствіе хорошо выспаться, отдохнуть среди своихъ. Вспомнилась въ эту минуту ему вся важность порученныхъ документовъ, горделивая улыбка мелькнула на его губахъ.

Онъ сознавалъ, что удачѣ своей поѣздки обязанъ въ бо̀льшей мѣрѣ своей новой лошади, другой конь не вынесъ бы такого

дальняго пути и мало-ли что могло случиться въ это время.

Хорсекъ уже предвкушалъ награду. Онъ знаетъ, что генералъ не скупъ на нихъ. А тамъ дальше, дальше, радужныя мечты все больше и больше овладѣвали молодымъ офицеромъ.

— Стой! откуда, куда?—послышался грубый окликъ на русскомъ языкѣ.

Хорсекъ отъ неожиданности чуть даже не свалился. Одна нога даже выскочила изъ стремени, когда онъ покачнулся, натянувъ поводья.

Что такое случилось? Гдѣ онъ находится, почему его спросили не по-венгерски или по-нѣмецки?

Сразу все перемѣшалось въ головѣ мечтательнаго австрійца. Онъ никакъ не могъ предположить, что попалъ къ русскимъ, и ничего не отвѣтилъ на предложенный вопросъ.

Послышался звукъ взведеннаго курка, но выстрѣла не послѣдовало. Еще минута, и злосчастный австрійскій офицеръ оказался въ кругу бородатыхъ казаковъ.

Въ слѣдующее мгновеніе онъ былъ снятъ, какъ ребенокъ, съ сѣдла, у него отобраны сабля и револьверъ, крѣпкія руки держали Хорсека.

— Эй, да это нашъ пріятель Турханчикъ, это ты, милый, — послышался изъ темноты обрадованный голосъ Панкратьича,—ай да умница, къ своимъ вернулся, да еще гостинецъ привезъ. Дай-ка я тебя въ морду поцѣлую.

— Вотъ такъ конь, истинно значитъ, свой, не продалъ русскихъ за австрійскій ячмень,—отозвался кто-то изъ сотни.

Героя коня всѣ обнимали, точно это было не животное, а человѣкъ, а рыжакъ не утерпѣлъ и бросился къ полковнику.

— Ваше высокородіе, «Турханчикъ»-то...

Занятый разговоромъ съ другимъ офицеромъ, полковникъ съ изумленіемъ спросилъ:

— Какой «Турханчикъ», что тебѣ, Василій?

— Да мастачекъ-то, ваше высокородіе, что послѣ нашего сотника остался, утеряли котораго въ прошлый разъ...

— Ну, сказывай, что дальше,—нетерпѣливо перебилъ его полковникъ.

— Вернулся самъ, да австріака еще привезъ, на-те, молъ, вамъ, землячки милые, подарокъ отъ меня, вы меня зря въ бѣдѣ оставили, а я этого не помню, самъ сумѣлъ вызволиться,—торопливо разсказывалъ казакъ, его рыжая борода тряслась отъ удовольствія.

Заинтересованный разсказомъ станичника, полковникъ велѣлъ привести къ себѣ лошадь.

Поусердствовали казачки. Вмѣстѣ съ лошадью доставили и плѣннаго австрійца.

Смущенъ былъ послѣдній. Всѣ его розовые планы разлетѣлись. Порученіе, которое ему было дано, такое важное, должно было погибнуть. Непріятно чувствовалъ себя въ эту минуту тщеславный Хорсекъ. Онъ готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Полковникъ небрежно посмотрѣлъ на щеголеватаго адъютанта, улыбнулся и спросилъ по-нѣмецки:

— Куда это вы катались такъ поздно ночью, господинъ офицеръ?

Ничего не отвѣтилъ ему австріецъ. Краска стыда залила все его лицо.

Разсвѣтало. Казаки продолжали миловать «Турханчика», притащили сѣна, довольный конь радостно пофыркивалъ, очутившись среди своихъ.

— Въ торосахъ что-то есть, ваше высокородіе, объявилъ Панкратьичъ и, вытащивъ злополучный пакетъ, принесъ его полковнику.

Блеснули глаза стараго казака. Лицо оживилось, едва только онъ прочиталъ надпись на конвертѣ.

— Сейчасъ же ординарца!

Минуту спустя послѣдній несся на горбоносомъ мастачкѣ, увозя найденные документы въ близъ лежащій штабъ.

А вечеромъ того же дня неожиданнымъ нападеніемъ конницы весь хитроумный планъ австрійцевъ былъ разрушенъ, и они въ испугѣ принуждены были отходить, оставляя въ рукахъ русскихъ множество плѣнныхъ, орудій и обозовъ.

Подъ звуки колоколовъ...

Мнѣ удалось присутсвовать при чрезвычайно трогательномъ событіи...

Старый, уже давно сформированный полкъ ушелъ со своей постоянной стоянки на войну. Отъ него остался кардъ офицеровъ и солдатъ; возвратились запасныя, недавно еще отпущенные въ запасъ; развернулся новый полкъ.

Полковая машина сразу наладилась: прямо не вѣрилось, что этотъ полкъ только-что народился. Пришелъ и за нимъ чередъ.

Нужно отправляться въ дѣйствующую армію. Назначенъ день выступленія, все приготовлено, длинные обозы потянулись на ближайшую станцію желѣзной дороги, молодежь простилась со своими матерями, женами, не было слезъ, слышались только

молитвы, родители благословляли сыновей, жены—мужей, отпуская ихъ на брань со врагомъ за честь страны родной, на ея охрану.

Старый полкъ ушелъ со своего становища съ развернутымъ знаменемъ, уже перенесшимъ немало боевъ въ двухъ предыдущихъ кампаніяхъ. У него былъ и хоръ трубачей, вѣдь онъ былъ давно сформированъ и послужилъ немало родинѣ.

У новаго же полка еще ничего нѣтъ.

Страстно жаждали солдаты получить отъ Государя Императора знамя, ожидали его, но приходилось пока выступать съ мѣста стоянки безъ онаго.

Послѣ полудня назначено было выступленіе. Нужно переправить черезъ рѣку на паромѣ немало людей, это займетъ долгое время, а еще предстоитъ переходъ до желѣзнодорожной станціи.

Молча, сосредоточенно стоятъ молодые солдаты; выравнялись рядами на площадкѣ передъ стариннымъ хра омъ, тихо все...

А душа рвется нарушить эту тишину, проявить свой пылъ...

Забили барабаны въ походъ. Неожиданно для всѣхъ, распахнулись широкія двери храма, и оттуда потянулась золотая лента крестнаго хода.

Затрепетали подъ дуновеніемъ вѣтерка шелковыя хоругви, запѣлъ согласно хоръ пѣвчихъ, на ступеняхъ храма показался пожилой священникъ. Онъ спустился къ стоящему передъ полкомъ молодому командиру, но уже испытанному въ бояхъ полковнику и, подавая ему большой серебряный крестъ, проговорилъ трогательно.

— Вотъ вы всѣ идете на великій подвигъ, на борьбу съ непріятелемъ, объявившимъ войну нашей родинѣ. Вашъ полкъ только что сформировался, народился... Какъ каждаго рожденнаго въ міръ человѣка наша святая церковь воспринимаетъ и благословляетъ крестомъ, такъ и я благословляю васъ, воины, вашъ новорожденный полкъ этимъ крестомъ, носите его съ собой и храните. Да будетъ онъ благословеніемъ вамъ отъ Русской Земли и да спасетъ онъ васъ отъ бѣдъ и напастей.

Какъ офицеры, такъ и солдаты слушали это трогательное напутствіе со слезами на глазахъ.

— Тотъ прежній полкъ, изъ нѣдръ котораго народился вашъ, въ настоящее время уже въ бояхъ. Онъ ушелъ отсюда съ развернутымъ знаменемъ при звукахъ трубъ. У васъ же нѣтъ ихъ. Пусть же вмѣсто звуковъ послѣднихъ васъ сопровождаетъ церковное благовѣстіе.

— Дѣти мои, — воскликнулъ растроганный священникъ. — церковные колокола радостно, какъ въ день святой Пасхи, зазвонятъ вамъ во слѣдъ. Пусть этотъ звукъ сопровождаетъ васъ всегда, онъ будетъ призывнымъ къ побѣдѣ и напомнитъ вамъ объ оставленныхъ вами здѣсь близкихъ.

По знаку священника съ колокольни раздался торжественный трезвонъ колоколовъ, они звонили, точно въ Пасху. Звонкая мѣдь переливалась, звуки ея далеко летѣли черезъ рѣку, пропадали гдѣ-то тамъ далеко, въ лугахъ, висли здѣсь въ старинной рощѣ и красивымъ гармоническимъ аккордомъ отдавались въ стѣнахъ полковыхъ зданій.

Точно одинъ крикъ, вырвалось изъ этой многотысячной толпы громогласное «ура». Труба заиграла походъ, и полкъ бодро началъ сбѣгать къ пригорку, къ рѣкѣ, гдѣ его уже ожидалъ паромъ.

Во всей этой картинѣ было необычайно трогательное, глубоко западавшее въ душу настроеніе. Если и было у кого-нибудь уныніе, такъ оно въ эту минуту исчезло, какъ отлетаетъ темная тучка съ лучезарнаго небосклона.

За обѣдомъ у императора.

Императоръ перенесъ свой штабъ въ Люксембургъ, но не остановился въ самомъ городѣ и не занялъ ни одного изъ городскихъ помѣщеній. Его превосходно приспособленный для быстраго передвиженія баракъ былъ раскинутъ около моста Адольфа, на скатѣ холма.

Никто изъ приближенныхъ не рѣшился возразить суровому властелину. Боялся ли императоръ оставаться въ самомъ городѣ или находилъ для себя лучшимъ поселиться вблизи своихъ полковъ,—это трудно было рѣшить.

Большой разборный баракъ быстро сложили особые саперы, которымъ онъ былъ порученъ, и спустя часа полтора времени императоръ, весело разговаривая

сь приближенными, вошелъ въ уютное помѣщеніе.

Баракъ германскаго властелина представлялъ собою самое послѣднее слово удобствъ подобнаго рода сооруженій. Не говоря уже о томъ, что въ комнатахъ его былъ настланъ паркетъ, висѣли зеркала, стояли столы, имѣлись даже на окнахъ гардины, онъ сейчасъ же соединялся отовсюду электрическими проводами, и на походной плитѣ, хитроумномъ изобрѣтеніи друга самаго Вильгельма, заводчика Крупа, быстро поспѣвалъ обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня.

На этотъ разъ Вильгельмъ перемѣнилъ свою штабъ-квартиру послѣ полудня, и когда вошолъ съ свое помѣщеніе, то матовые иллюстріоны, расположенные по стѣнамъ, проливали въ комнатѣ мягкій, но сильный электическій свѣтъ.

— Мнѣ кажется, генералъ, мы сегодня достаточно поработали, чтобы имѣть право на хорошій отдыхъ,—замѣтилъ императоръ, покровительственно глядя на стоявшаго противъ него генерала,—фран-

цузы получили сегодня урокъ и, вѣроятно, не полѣзутъ къ намъ сейчасъ же.

Съ легкой усмѣшкой Вильгельмъ прошелъ дальше въ свою спальню, кинулъ на кровать тяжелыя краги-перчатки, сбросилъ головной уборъ и, осторожно снявъ саблю, внимательно посмотрѣлъ на нее и только затѣмъ поставилъ въ уголъ. Онъ не любилъ, чтобы на походѣ ему прислуживали въ этихъ случаяхъ.

Минута раздумья, мимолетный взглядъ въ висѣвшее надъ умывальникомъ зеркало, привычный жестъ пальцами, приподнявшій немного опустившіеся усы, и императоръ, прищуривъ глаза, смѣло вышелъ въ большую комнату, гдѣ его ожидали генералы и свита.

— Обѣдъ нашъ сегодня немножко запоздалъ, господа, ну, что-жъ дѣлать, тѣмъ вкуснѣе онъ намъ покажется,—послышался голосъ властителина.

— Шлобитенъ, я хочу дать тебѣ маленькое, но щекотливое порученіе,— обратился онъ къ своему любимому генералъ-адъютанту.

Послѣдній весь превратился въ слухъ и, слегка склонивъ голову, ожидалъ.

— Мнѣ кажется, господа, что среди насъ не хватаетъ одного элемента,—шутливо прибавилъ Вильгельмъ, окидывая глазами присутствовавшихъ,—неужели вы не догадываетесь, на что я намекаю? Въ нашемъ обществѣ отсутствуютъ дамы.

— Ваше величество, мнѣ кажется, это едва ли вамъ интересно въ настоящее время,—вкрадчиво отозвался одинъ изъ коронованныхъ гостей императора.

— Ну, ты сталъ слишкомъ большимъ пуристомъ, Рудольфъ, хотя ты не понялъ мою мысль вѣрно!—свысока отозвался императоръ.

Онъ опустился на кресло, въ головѣ стола, и движеніемъ руки пригласилъ остальныхъ послѣдовать его примѣру.

— На поляхъ сраженія мечтать о дамскомъ обществѣ никто изъ закаленныхъ воиновъ не долженъ, но тутъ дѣло идетъ о совершенно другомъ,—и, снова кивнувъ головой Шлобитену, прибавилъ:

— Ты возьмешь автомобиль и отправишься во дворецъ къ великой герцогинѣ.

Вильгельмъ насмѣшливо подчеркнулъ послѣдній титулъ и остановился, ожидая эфекта, какъ опытный актеръ.

— ... Отъ моего имени ты пригласишь ее сдѣлать честь отобѣдать съ нами здѣсь, у меня!

Звонко отчеканивая слова, Вильгельмъ старался придать каждому изъ нихъ особое значеніе.

Дона-Шлобитенъ отдалъ честь вѣнценосному хозяину и сейчасъ же вышелъ.

— Присутствіе этой дамы намъ не будетъ мѣшать, надѣюсь, господа?—съ легкой ироніей въ голосѣ спросилъ императоръ.

Никто изъ присутствовавшихъ не посмѣлъ возразить, только на лицахъ нѣкоторыхъ появилась льстивая улыбка.

— Ваше величество, я не понимаю, для чего она вамъ понадобилась?—слегка сдвинувъ брови, спросилъ наслѣдный принцъ баварскій.

— Ай, какой ты, Рупрехтъ, еще юный, тебя волнуетъ присутствіе молодой хорошенькой женщины! Неужели ваши патеры заставляютъ васъ такъ сурово смотрѣть на женщинъ?—шутилъ Вильгельмъ.

Своей болтовней онъ старался заглушить охватившее его волненіе отъ непріятнаго извѣстія, полученнаго имъ незадолго передъ возвращеніемъ въ штабъ-квартиру. Французы не только не отступили, но даже угрожали передовымъ позиціямъ германцевъ, которые сдерживали натискъ врага съ большими усиліями.

— Такъ, значитъ, мы черезъ два-три дня, самое позднее, въ Парижѣ, господа?—пытался новой бравадой заглушить свое волненіе державный вождь нѣмцевъ.—Они насъ ожидаютъ, первый мой приказъ—въ захваченной нами столицѣ Франціи поставить на сценѣ Грандъ-Опера оперу «Берлинскій Роландъ» — вы ее слышали?

И, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ:

— Текстъ—мой, а музыка милѣйшаго и прибавлю, одного изъ самыхъ

талантливыхъ авторовъ во всемъ мірѣ, маэстро Леонкавалло.

— Ну, а если у нихъ нѣтъ нотъ?—пошутилъ кто-то изъ присутствовавшихъ, осмѣлившійся на это, замѣчая настроеніе Вильгельма.

— Ну, мы имъ дадимъ нѣкоторыя дипломатическія ноты, и я увѣренъ, что французскіе пѣвцы постараются исполнить эту оперу превосходно.

— А гимнъ Эгиру вы не заставите ихъ разучить, ваше величество?—грубоватымъ тономъ спросилъ одинъ изъ вѣнценосныхъ союзниковъ.

— О, я совсѣмъ забылъ про него... разумѣется, французскія трубы должны исполнить германскій побѣдный гимнъ,— громко выкрикнулъ императоръ и, нажавъ пуговку электрическаго звонка, сказалъ появившемуся на порогѣ комнаты метръ-д'отелю.

— Шварцбахъ, не забудьте, что сегодня у насъ обѣдаетъ дама, позаботьтесь о чемъ-нибудь сладкомъ, но настоящемъ нѣмецкомъ блюдѣ. Что вы можете намъ предложить?

Бритое лицо пожилого кулинара расплылось въ пріятную улыбку и онъ поспѣшилъ отвѣтить:

— Ваше величество, у меня есть великолѣпный кенигсбергскій марципанъ, онъ сладокъ и нѣженъ изумительно.

— Превосходная идея! Нужно пріучать нашихъ новыхъ подданныхъ къ нѣмецкимъ кушаньямъ, а кенигсбергскій марципанъ прекрасное блюдо; я помню, еще когда былъ ребенкомъ, и даже пожалуй позднѣе, я постоянно выпрашиу моей матери это безцѣнное лакомство.

— Ваше величество, когда я былъ въ Москвѣ, то помню, что меня угощали какимъ-то лакомствомъ, слегка напоминавшимъ марципанъ, но оно было еще мягче и душистѣе—поднялъ голосъ одинъ изъ принцевъ.

Вильгельмъ развелъ руками.

— Ну, я не знаю его; во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, что намъ удастся отвѣдать это хваленое блюдо и, вѣроятно, скоро! Долго во Франціи намъ нечего задерживаться и тогда, господа, мы настоя-

щей лавиной обрушимся на нашихъ милыхъ русскихъ сосѣдей.

— Разумѣется, ваше величество, я вполнѣ увѣренъ, что задержки для этого не будетъ,—льстиво поддакнулъ грозный съ сѣдыми бакенбардами полный генералъ, съ лентой прусскаго орла черезъ плечо.

— Мы побѣднымъ маршемъ пойдемъ прямо къ Петербургу, ошибки Наполеона я повторять не стану: забираться дальше, въ Москву, это было бы слишкомъ глупо, мы изъ Петербурга продиктуемъ всѣ условія мира.

За тонкими стѣнами барака послышался шумъ колесъ автомобиля. Въ дверяхъ комнаты появился Дона-Шлобитенъ.

Императоръ вскинулъ глаза на прибывшаго.

— Ты одинъ? А гдѣ же великая герцогиня?—тѣмъ же тономъ спросилъ онъ.

— Ваше величество, она чувствуетъ себя нездоровой, не можетъ явиться,- съ легкимъ замѣшательствомъ промолвилъ посланный.

— Ахъ, эти дамы, съ нимъ всегда что-нибудь случится. Но я не вѣрю ея

болѣзни. Милый Шлобитенъ, поѣзжай еще разъ и подтверди отъ моего имени, что мое желаніе видѣть великую герцогиню здѣсь у себя за столомъ стало еще настойчивѣе. Ты понимаешь, мой милый? Я стремлюсь увидѣть прелестную даму среди насъ во что бы то ни стало!

Генералъ-адъютантъ понялъ, что императоръ не отступится ни передъ чѣмъ, что-бы заставить упрямую дѣвушку пріѣхать, онъ зналъ хорошо своего повелителя.

Сузившіеся глаза послѣдняго, ихъ настойчивый металлическій блескъ ясно говорили, что Вильгельмъ не шутя сердится.

Не ожидая новаго приказанія, Дона-Шлобитенъ отправился за упрямой герцогиней.

Шутливое настроеніе, которое старался разлить императоръ среди присутствовавшихъ, угасло. Онъ самъ нервно постукивалъ ладонью руки по столу и, устремивъ взоръ на дверь, нетерпѣливо ожидалъ возвращенія своего генералъ-адъютанта.

— Господа, въ ожиданіи обѣда, не выпить ли намъ по кружкѣ хорошаго нѣмецкаго пива?—послышался голосъ Вильгельма, по своей привычкѣ подчеркнувшаго слово «нѣмецкаго».—Въ нашихъ новыхъ владѣніяхъ еще не научились варить такое превосходное пиво.

Минута, и на столѣ передъ каждымъ запѣнилась увѣсистая кружка пшоръ-бира.

— Ну, что, Рупрехтъ, я думаю, нашъ берлинскій пшоръ не уступитъ вашему мюнхенскому?—обратился къ наслѣднику баварскаго престола императоръ.

Рупрехтъ спокойно посмотрѣлъ на хозяина; ему, видимо, не нравились шутки послѣдняго.

— На войнѣ, ваше величество, можно быть довольнымъ даже лувенскимъ пивомъ.

Изрѣзанный морщинами лобъ властителя Германіи нахмурился. Онъ уловилъ насмѣшку въ словахъ принца, напомнившаго ему о разрушенномъ Лувенѣ, за что чуть ли не вся Европа назвала нѣмцевъ современными варварами.

Присутствовавшіе замѣтили недовольство монарха, и кто-то изъ генераловъ сказалъ.

— Мнѣ кажется, ваше величество, что августинеръ-брей не уступитъ пшору!

Вильгельмъ благосклонно кивнулъ говорившему.

— Нѣтъ, генералъ, онъ слишкомъ сладокъ,—и, слегка повысивъ голосъ, императоръ приказалъ вошедшему на звонокъ метръ-д'отелю:—Дайте намъ потомъ августинеръ-брей,— коротко добавивъ:—скорѣе обѣдать!

Вильгельмъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и закрылъ двери. Съ нимъ удалился одинъ изъ его любимцевъ. Остальная свита и приглашенные генералы остались въ столовой; не желая безпокоить своего властелина, отдѣленнаго отъ нихъ только тонкой дверью, собравшіеся говорили вполголоса.

Проворные слуги быстро сервировали обѣдъ. Любимый камердинеръ Вильгельма принесъ большой букетъ розъ и поставилъ на столъ.

Императоръ скоро вернулся изъ своей комнаты. Онъ успѣлъ переодѣться. Вмѣсто мундира, на немъ была венгерка изъ мягкаго темнаго драпа. На шеѣ красовался только одинъ орденъ pour le mèrite. Онъ зорко окинулъ своихъ гостей, точно выискивая кого-то, и затѣмъ нетерпѣливо произнесъ:

— Что же наша милѣйшая герцогиня не пріѣзжаетъ? Дозжно быть, этотъ плутъ Шлобитенъ плохо ухаживаетъ за ней!

Нотка нетерпѣнія смѣнилась въ голосѣ императора недовольствомъ.

— Сядемте за столъ, господа, не моя вина, что имъ обоимъ придется ѣсть простывшія кушанья.

Съ нѣмецкой тактичностью присутствовавшіе усѣлись безшумно за столъ, императоръ акуратно засунулъ за воротъ венгерки салфетку и слегка хлопнулъ въ ладоши. Сейчасъ же принесли супъ. За окномъ снова зашумѣлъ автомобиль. Монархъ насторожился, глаза его уставились на дверь. Чуткое ухо уловило шелесть женскаго платья. Точно легкое

облачко, на лицѣ императора проскользнула саркастическая усмѣшка.

Въ комнату вошелъ Дона-Шлобитенъ, впереди него шла молодая, цвѣтущая дѣвушка, съ блѣднымъ лицомъ и съ закушенной губой. Глаза ея смотрѣли строго.

Вильгельмъ, опираясь руками на столъ, чуть привсталъ и склонилъ голову, привѣтствуя вошедшую.

— Наконецъ-то вы удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ,—обратился онъ къ прибывшей, не называя ее титуломъ:— прошу!

Генералы подвинулись, по лѣвую сторону хозяина образовалось свободное мѣсто.

Великая герцогиня принужденно сѣла. Она не снимала перчатокъ.

— Сейчасъ видно, сударыня (gnädiges Fräulein), — съ ироніей замѣтилъ Вильгельмъ,—что вы живете вблизи Франціи, и усвоили всѣ ея чопорныя манеры. Ну, какъ же вы будете ѣсть супъ въ перчаткахъ?

Дѣвушка посмотрѣла на своего вѣнценоснаго сосѣда и нашлась отвѣтомъ:

— Ваше, величество, я не только могу обѣдать въ перчаткахъ, но умѣю не снимая ихъ, стрѣлять изъ револьвера!

Ого, какая вы воинственная, я совершенно не зналъ этого! Но теперь, когда вы находитесь въ союзѣ нѣмецкихъ государствъ, я надѣюсь, вы станете болѣе женственной. Я постоянно говорю императрицѣ: «Ты должна, Августа, помнить, что женщина обязана знать только кухню, дѣтей и...

Гордо откинулась герцогиня на спинку стула.

— ... И свою честь, ваше величество,—рѣзко опередила она говорившаго.

Вильгельмъ сузилъ глаза. Это доказывало, что онъ сердится.

— Честь — это очень растяжимое слово. Для меня лично честь и слава Германіи выше всего,—напыщенно заключилъ онъ.

Чтобы перемѣнить разговоръ, видимо, обострявшійся, императоръ взялъ изъ стоявшей передъ нимъ вазы роскошную розу и передалъ ее своей сосѣдкѣ. Роза была яркокрасная.

Не замѣтила ли герцогиня протянутаго цвѣтка, или намѣренно не взяла его, но рука кайзера небрежно опустила розу на салфетку гостьи. На бѣлоснѣжномъ полотнѣ роза казалась чудовищной каплей крови.

Бойкая дѣвушка сдѣлала видъ, что испугалась.

--- Что съ вами, сударыня?—участливо спросилъ монархъ.

— Мнѣ показалось, что моя салфетка обагрена кровью...

— Кровь тамъ, на поляхъ сраженія, а мы здѣсь находимся въ мирной бесѣдѣ между друзьями, - слегка нахмурившись, проговорилъ властелинъ.

—Я не вполнѣ этому вѣрю, ваше величество,—не унималась бойкая дѣвушка,—друзья такъ не поступаютъ, какъ поступаете вы!

— Вы сердитесь, фрейленъ, какая тому причина? строго спросилъ Вильгельмъ.

— Ваше величество, когда вашъ передовой отрядъ появился передъ моимъ городомъ, я выѣхала къ нему навстрѣчу, и

вотъ здѣсь недалеко, на мосту Адольфа, стала ожидать его.

— Вы хотѣли защищать ваше государство?—насмѣшливо протянулъ императоръ.

— Да, у меня было это намѣреніе, но вашъ офицеръ, подскочивъ къ моей колясскѣ, позволилъ сказать мнѣ, чтобы я уѣхала прочь. На это я ему отвѣтила, что останусь здѣсь и не двинусь съ мѣста. Онъ выхватилъ револьверъ и грубо крикнулъ мнѣ, что будетъ стрѣлять. Въ кого? Въ беззащитную женщину! Развѣ это рыцарскій поступокъ? Гдѣ же тутъ пресловутая германская честь, которой вы такъ гордитесь, ваше величество?—блестя глазами спросила герцогиня.

Смущеніе на одно мгновеніе овладѣло Вильгельмомъ, но онъ сейчасъ же попытался обратить все это въ шутку.

— Успокойтесь, милая фрейленъ, онъ никогда бы васъ не застрѣлилъ, мои солдаты не воюютъ съ женщинами.

— Это неправда: Льежъ, Лувенъ и множество другихъ городовъ и селеній

доказали противное,—не унималась герцогиня.

Присутствовавшіе чувствовали себя неловко, нѣкоторые наклонились къ тарелкамъ, дѣлая видъ, что заняты своимъ супомъ, другіе слегка отвернулись, только Дона-Шлобитенъ пришелъ на помощь къ своему повелителю. Онъ во-время нажалъ пуговку электрическаго звонка и громко замѣтилъ вошедшему метръ д'отелю:

— Его величество приказалъ подавать слѣдующее блюдо!

Водворившееся было молчаніе прервалось. Вильгельмъ нашелся.

— Мнѣ такъ надоѣла политика, что я радъ отдохнуть хотя немного здѣсь, среди моихъ друзей. Вы, генералъ Мольтке—обратился онъ къ племяннику знаменитаго полководца,—разскажете намъ что-нибудь интересное, веселое! У васъ такой неисчерпаемый запасъ анекдотовъ...

Какой-то бѣсъ овладѣлъ молодой герцогиней.

— Позвольте мнѣ разсказать, ваше величество, я знаю одинъ очень интерес-

ный анекдотъ!—послышался ея голосъ, прежде чѣмъ Мольтке успѣлъ отвѣтить.

Рука Вильгельма нервно закрутила усъ.

— Это было давно, ваше величество, при вашемъ дѣдѣ... Дядя генерала, фельдмаршалъ Мольтке...—я разсказываю со словъ моего покойнаго отца...

— Интересно, что вы знаете про моего дядю? Что-нибудь новое, чего мнѣ не приходилось слышать?—любезно спросилъ генералъ.

— Да, генералъ, интересное, хотя далеко не новое,—отозвалась герцогиня.—Вашъ покойный дядя, великій стратегъ,—имя, которое ему дано исторіей, — сказалъ незабываемыя слова: «Отыми отъ врага все, что ему дорого, оставь ему только глаза, чтобы онъ могъ оплакивать потерянное». Неправда ли, веселый анекдотъ, господа?—звонко выкрикнула дѣвушка и, торжествующимъ взглядомъ окинувъ всѣхъ присутствовавшихъ, остановила его на лицѣ вѣнценоснаго хозяина.

— Дерзкая!—вырвалось у императора.

. . . . . .

Въ телеграмахъ европейскихъ газетъ недавно проскользнуло извѣстіе, что герцогиня Люксембургская выселена въ Германію и заточена въ замокъ, близъ Нюренберга.

Казачье

Подразнить захотѣлось молодымъ казакамъ засѣвшаго въ городѣ врага...

Выбрали ночку потемнѣе, сговорились четверо и отправились къ сотнику просить разрѣшить имъ «подразнить» нѣмцевъ.

Улыбнулся офицеръ, выслушавъ ихъ просьбу. Знаетъ онъ казацкую удаль, самъ вѣдь такой-же казакъ. Охота тоже потѣшиться надъ врагомъ, да нельзя. Если вся сотня пойдетъ замѣтятъ нѣмцы, во время встрепенутся.

Подумалъ немного, махнулъ согласно рукой.

— Ступайте, ребята, только помните, не попадитесь въ плѣнъ, а то накажу!

Ее-ей, накажу! — наставительно сказалъ онъ имъ.

Обрадовались станичники. Давно имъ охота до нѣмцевъ добраться, какую нибудь каверзу врагамъ устроить. Сговорились межъ собою, приготовились, подпруги потуже подтянули, шашки, пики разсмотрѣли, все ли въ порядкѣ, сами оглядѣлись, пріободрились, лихо, птицами взлетѣли на сѣдла, да, благословясь, и отправились.

Недалеко городъ, а нужно пробраться осторожно, чтобы никто не замѣтилъ, а тамъ, какъ въ немъ очутятся, побольше вреда нѣмцу нанести, да и обратно, айда, къ своимъ вернуться!

Сказано—сдѣлано.

Точно тѣни, пробрались во вражескій станъ казачки, подъ брюхо лошадей спрятались. Бредутъ однѣ лошади, да и все тутъ. Нѣсколько часовыхъ удалось отважнымъ ребятамъ кинжалами снять, а одного нѣмца солдата пикой закололи, такъ упалъ, и не вскрикнувъ, сердечный!

А какъ въ городѣ очутились, спугнули, переполоху надѣлали среди враговъ, да ласточками назадъ и упорхнули.

Упорхнули, да не всѣ: на бѣду спотк-нулась у одного казака лошадь, да, падая, придавила своего всадника. Барахтался недолго станичникъ, выбрался... Товарищи далеко, пѣшимъ не угнаться, а лошадь позапуталась въ поводьяхъ.

Торопится станичникъ ее выправить, да въ поспѣшности руки не какъ нужно работаютъ, а тутъ кругомъ набѣжали нѣмцы, плотнымъ кольцомъ обхватили русскаго.

Отбиваться пытался казакъ, немало врага посѣкъ, да больно много народу на него насѣло, не совладать съ ними.

Схватили, въ плѣнъ взяли. Радуются, да и какъ не порадоваться: самаго злѣйшаго врага взяли.

— Казакъ, казакъ въ плѣнъ попался!— слышатся рядостныя восклицанія по всему городку.

Руки, ноги связали, въ подвалъ темный бросили,—пусть до утра полежитъ такъ, а тамъ завтра и допросъ съ него снимемъ,—рѣшили германцы.

Немало передумалъ злополучный станичникъ за эту ночь, всячески поло-

малъ голову, какъ бы ему изъ плѣна себя вызволить, на свободу удрать!

Гдѣ тутъ! Стѣны крѣпкія, каменныя, отдушина есть, да въ нее развѣ кошка пролѣзетъ, а гдѣ тутъ человѣку?

А тутъ еще руки и ноги связаны. Плюнулъ даже съ досады казакъ. И неволя-то томитъ его, дума невеселая въ головѣ роится, вспомнилъ онъ и о наказѣ своего офицера:

«Накажу, молъ, если кто изъ васъ попадется къ нѣмцамъ».

А тутъ вонъ и попался, точно куръ во щи! Какъ ребенка малаго свивальникомъ опутали!

Еще больше загоревалъ плѣнникъ. Слушокъ прошелъ, что нѣмцы казаковъ не терпятъ, коли поймаютъ всякое зло имъ, пытки чинятъ, а убьютъ, такъ трупъ позорятъ, до гола раздѣваютъ, воронамъ на клевъ бросятъ!

Не боится смерти станичникъ, съ тѣмъ и воюютъ, что смерть постоянно въ глаза глядитъ. Какой-же тогда и казакъ былъ бы, если бы трусилъ!

II.

Забыли ли про плѣнаго нѣмцы, или просто хотѣли его продержать подольше въ погребѣ.

Ѣсть заходѣлось казаку. Знаетъ, что время за полдень перешло, а никто не идетъ.

Снова подкатился къ отдушинѣ, зоркимъ взглядомъ обмѣрилъ ее.

— Нѣтъ, узка, не выбраться!—прошепталъ онъ и принялся перегрызать на ногахъ веревки.

Это ему удалось. Крѣпки казачьи зубы,—все перегрызутъ. Всталъ, размялся, нѣсколько шаговъ сдѣлалъ, кровъ по жиламъ пробѣжала. Руки не развязать, назадъ закручены. Не обо что веревку потереть, гладкія стѣны, ни крюка, ни связи желѣзной, ничего нѣтъ, все замазано.

А тутъ загремѣлъ засовъ у двери, два дюжихъ нѣмца вошли, съ винтовками, изъ двери еще двое выглядываютъ, къ безоруженому плѣннику боятся подступить — одно слово, казакъ, пугало для нѣмцевъ!

Зовутъ съ ними идти. Хотѣли ноги развязать, а у него и веревокъ на нихъ нѣтъ.

— Проклятый казакъ!—невольно вырвалось у одного изъ солдатъ, въ спину прикладомъ со злости плѣнника ударилъ.

Выбрались наружу.

Кругомъ осмотрѣлся станичникъ, видитъ, улица. Повели по ней. Все примѣчаетъ зоркій казакъ.

Ведутъ его, а любопытные повсюду стоятъ. Солдаты германскіе глазами впились въ плѣнника, посмѣиваются, шутки злыя ему вслѣдъ кричатъ.

Кое-что по русски и по польски умѣютъ, язвятъ.

Подошолъ молодой офицеръ нѣмецъ, вплотную къ плѣннику придвинулся, злобно глазами блеснулъ и чисто по русски замѣтилъ:

— Ну, казакъ, попался въ наши руки, вспомнишь, какъ съ нѣмцами драться! Теперь не убѣжишь!

На лицѣ станичника насмѣшка показалась.

— Э-эхъ, не вамъ бы хвастаться, да не мнѣ бы слушать, бѣжите то вы отъ насъ, а казакъ ни отъ кого не бѣгалъ!— увѣренно отвѣтилъ онъ нѣмцу и отвернулся.

Вскипѣлъ офицеръ, хотѣлъ было ударить дерзкаго русскаго, да, видимо, побоялся, что тотъ ему оскорбленіемъ отвѣтитъ, пожалуй, еще въ лицо плюнетъ!

Точно желѣзнымъ кольцомъ окружили нѣмцы казака, ведутъ, а сами съ него глазъ не спускаютъ, боятся, чтобы не убѣжалъ.

Вотъ ужъ и площадь недалеко. Чуетъ станичничекъ, что здѣсь его конецъ придетъ. Хорошо еще, если подъ разстрѣлъ поставятъ, а то хуже что нибудь придумаютъ, казацкую свободную честь запятнаютъ!

И снова горько стало на душѣ отважнаго парня. Такъ бы вотъ выхватилъ саблю у кого-нибудь изъ враговъ, да принялся бъ ихъ косить: лучше смерть въ честномъ бою, пусть убиваютъ!

Руки связаны, затекли. Плечами повести трудно.

— Попросить, не развяжутъ-ли, курнуть, скажу, хочется!

Не втерпежъ, спросилъ у одного изъ солдатъ, руками показалъ. Понялъ усмѣхнулся, но только головой отрицательно покачалъ. «Нельзя дескать».

На площадь пришли. Кругомъ пушки стоятъ, на дома казенные наставлены, чтобы въ конецъ разрушить, если кто сопротивляться изъ жителей станетъ. Часовые разставлены. И такъ солдаты нѣмцы вездѣ шныряютъ, а надъ однимъ домомъ вражескій флагъ развѣвается.

Смекнулъ казачокъ. «Должно быть, генералъ постоемъ здѣсь стоитъ».

Радостью загорѣлся взглядъ плѣнника-когда онъ замѣтилъ своего мастачка, котораго держали два кавалериста въ поводьяхъ—и невольно свистнулъ.

Отозвался конъ на знакомый призывъ хозяина, радостно заржалъ.

— Ишь, Михрютъ-то мой признался,— мелькнуло въ головѣ у плѣннаго и весело стало у него на сердцѣ, своего близкаго почуялъ!

III.

Долго пришлось ждать. Жарко печетъ августовское солнце. Шапки на головѣ нѣтъ, вчера потерялъ. Но держится казачекъ, вида не подаетъ, только глазами сверкаетъ.

Нѣмцы смѣяться устали надъ нимъ, а ему хоть бы что: вся мысль только, какъ бы руки освободить!

Дождались. Вышелъ на балконъ генералъ, въ каскѣ, важный такой, усы сѣдые покручивалъ. Съ лѣстницы сошелъ офицеръ, медленно направился къ плѣннику. Своихъ солдатъ глазами окинулъ, велѣлъ себѣ казачью лошадь подвести, съ помощью ординарца на сѣдло сѣлъ.

Не привычно казацкое сидѣнье, стремена неудобны. Натянулъ поводья, по кавалерійски лошадь тронулъ, а казачій мастачекъ только усами прядетъ, а самъ ни съ мѣста.

Хлыстомъ ее сѣдокъ вытянулъ, въ шпоры далъ.

Задними ногами конь вскинулъ, недовольный этимъ, а самъ ни на шагъ не продвинулся.

Немало времени промучился нѣмецкій всадникъ съ казацкимъ конемъ, какъ ни старался, ничего не выходило.

Подбѣжали два кавалериста-солдата, въ хлысты упрямое животное взяли—и этимъ сдѣлать ничего не могли, только на дыбы подымается, да сбросить нѣмца хочетъ.

Разсерженно слѣзъ германскій офицеръ съ сѣдла, плечами пожалъ.

Генералу, что на балконѣ стоялъ, по нѣмецки разсказываетъ, видимо, оправдывается, всю вину на лошадь складываетъ.

Радостно казаку, что его мастачекъ подъ нѣмцемъ ходить не захотѣлъ.

Смѣлый планъ въ голову станичнику внѣдрился, серьга даже въ ухѣ затряслась, глаза скосилъ, къ себѣ солдатика-нѣмца подзываетъ.

— Пусть, молъ, офицеръ, со мной вмѣстѣ на лошадь сядетъ, я ему все, какъ вслѣдъ, покажу и конемъ владѣть выучу.

Понялъ нѣмецъ, рысью подбѣжалъ къ неудачному всаднику, отрапортовалъ.

Нахмурился сперва тотъ, а потомъ съ генераломъ переговорилъ, согласился, «гутъ» сказалъ, головой кивнулъ.

Сообразилъ казачокъ, что его планъ удаваться начинаетъ, на руки указалъ, чтобъ развязали.

Освободились руки, затекли, пальцы насилу шевелятся. Отмахалъ ими, чувствуетъ кровь заиграла, силушка вернулась. Къ лошади подошолъ темнымъ глазомъ взглянуло животное на своего хозяина, тихо заржало.

Офицеръ на сѣдло вскочилъ, оглянулся кругомъ: больше сотни нѣмцевъ повсюду насторожѣ стоятъ, а тамъ дальше эскадронъ кавалеріи на консвяеяхъ держится.

Успокоился нѣмецъ, рукой махнулъ русскому,—садись, молъ!

Птицей взлетѣлъ казакъ на крупъ своего мастачка, гикнулъ и, какъ стрѣла, полетѣлъ по площади.

Генералъ даже въ ладоши захлопалъ, браво закричалъ.

Не ко времени пришлось оно. Улучилъ минуту станичникъ, лѣвую руку закинулъ вокругъ шеи своего случайнаго сосѣда, да крѣпко прижалъ къ себѣ, а правой изъ кобуры, что на поясѣ у нѣмца висѣла, револьверъ вытащилъ, къ груди

офицера приставилъ; слова не сказалъ, по взгляду тотъ догадался и шевелиться пересталъ.

Понесся мастачекъ еще сильнѣе. Обомлѣли нѣмцы, поняли, чѣмъ это дѣло пахнетъ, закричали:

— Стой, стой! Стрѣлять будемъ!

Еще громче загикалъ удалый станичникъ, и голову своего плѣнника крѣпче прижалъ.

Какъ тутъ стрѣлять, въ своего же офицера попадешь!

Примѣтилъ еще вчера казакъ, по какимъ улицамъ изъ города выѣзжать нужно, такъ стрѣлой по нимъ и понесся. Нѣкоторые нѣмецкіе солдатики, что навстрѣчу попадались, и понять не могутъ, почему ихъ офицеръ вмѣстѣ съ солдатомъ скачетъ, потѣснились, пропустили скакавшихъ.

На просторѣ поля не догнать казака: тутъ онъ самъ себѣ хозяинъ, только бы конь не выдалъ!

Верстъ десять промчались, тяжело нести казацкой лошади двухъ сѣдоковъ, да на всемъ ходу итти.

Посчастливилось станичнику на своихъ наткнуться.

— Это откуда?—изумленно крикнулъ офицеръ, командовавшій казацкимъ разъѣздомъ.

Узналъ свое начальство станичникъ, не отрывая лѣвой руки отъ полузадушеннаго пруссака, онъ приложилъ руку къ своей непокрытой головѣ и громко выкрикнулъ:

— Здравія желаю, ваше высокородіе, честь имѣю донести, что приказъ вашъ исполнилъ, нѣмца привезъ!

Пастырь-герой.

I.

Большое селеніе въ Холмщинѣ — въ сильномъ волненіи. Да какъ же и не волноватся, когда непріятель каждую минуту можетъ сюда явиться и, захвативъ село, начать его грабить? Какъ онъ поступаетъ въ другихъ захваченныхъ имъ мѣстностяхъ, уже дошло до свѣдѣнія сельчанъ.

На защиту надѣяться не на кого, село лежитъ у самой границы. И то нужно изумляться, что до сихъ поръ врагъ оставляетъ сельчанъ въ покоѣ, хотя съ объявленія войны прошло уже шесть дней.

— А все-жъ, такъ зря мы ему въ руки не дадимся, — увѣренно говорилъ старшина, еще не старый крѣпкій мужчина съ вы-

бритой, по мѣстному обычаю, бородой и съ густыми рыжими усами:—чѣмъ-нибудь да нанесемъ ему вредъ!...

— Какъ же его встрѣчать-то? Разумѣется не съ хлѣбомъ и солью, а съ ружьемъ въ рукахъ да топоромъ!—сердито сплюнувъ, отозвался пожилой сельчанинъ, тоже крѣпышъ, Симеонъ Гнѣздко.—Я первый башку раздроблю австріяку.

— И я, и я не отстану!—послышались одобрительныя восклицанія изъ собравшейся кучки сельчанъ.

Молодежь особенно горячо высказывалась за то, чтобы не сдаваться безъ боя.

— Все дѣло надо, какъ слѣдъ обдумать, въ порядокъ привести, — солидно рѣшилъ писарь, мнѣніемъ котораго дорожили сельчане:—сказывайте по толку, кто чѣмъ будетъ бить врага? Я такъ и раздѣлю васъ.

У большей половины нашлись ружья, кто предложилъ идти съ топорами, у одного нашлась гдѣ-то старая заржавленая пика, а у старшаны и еще у троихъ сельчанъ отыскались даже револьверы.

Подсчитали, оказалось войска всего на всего, не больше шестидесяти человѣкъ. Но такое малое количество не устрашило храбрыхъ защитниковъ.

— Мы не всѣ сразу на него пойдемъ, а изъ засады стрѣлять будемъ, изъ разныхъ мѣстъ, пусть думаетъ что тутъ солдаты позасѣли,—рѣшили сельчане и сейчасъ же составили планъ, кто что долженъ дѣлать.

Которые за домами засѣсть, тѣ въ кустахъ притаиться, третьи залечь въ канавахъ, помоложе въ перелѣскѣ находиться, перебѣгать его по разнымъ направленіямъ, чтобы сбить непріятеля съ толку и заставить его думать, что въ селѣ находится много войска.

Все было выяснено, оружіе собрано, приготовлено. Главнокомандующимъ назначенъ писарь, а въ помощники къ нему пошелъ Игнатъ, служившій не такъ давно въ солдатахъ.

— Мы ему покажемъ, отвѣдаетъ онъ свинцоваго гороха,—увѣренно повторялъ Игнатъ, сжимая привычной рукой охотничью винтовку.

II.

— А мнѣ что, братики, дѣлать?—спросилъ о. Іосифъ, мѣстный священникъ, молчавшій, пока все не было вырѣшено.

Старшина обернулся, посмотрѣлъ на священнослужителя, только въ эту минуту вспомнивъ о его присутствіи

— Да ужъ, батюшка, я право.... — нерѣшительно началъ онъ, но о. Іосифъ перебилъ его.

— Вѣдомо, что мнѣ дѣлать надлежитъ,—спокойно проговорилъ онъ:—пока вы со врагомъ въ брань вступаете, буду молебствовать въ святомъ храмѣ и возносить къ Господу силъ мольбы о дарованіи вамъ побѣды и спасеніи отъ супостатовъ.

— Истину сказалъ, отецъ! Вѣрно! Молись о насъ, пастырь добрый, чтобы Господь помогъ одолѣть супостата!—послышались одобрительные голоса

Сборище это происходило рано по утру, какъ только чуть забрезжило.

На колокольню сейчасъ же отряжены два мальчугана, которые должны были зорко смотрѣть во всѣ стороны, въ особен-

ности по направленію къ границѣ,—не покажутся-ли откуда-нибудь непріятельскіе солдаты и какъ только замѣтятъ ихъ, должны были сейчасъ же ударить въ колоколъ и звонить не переставая

— Вотъ, такъ то ладнѣе будетъ,—съ довольномъ видомъ промолвилъ дряхлый старикъ Глѣбъ, одинъ изъ самыхъ почетныхъ лицъ въ селеніи.—Съ помощію Божіей осилимъ врага...

— Не сумлѣвайся, дѣдушка, въ руки ему не дадимся, знаемъ мы ихъ, этихъ австріяковъ: идутъ сюда, а поди у самихъ душа въ пятки ушла,—вызывающе крикнулъ Ивась, молодой парень не достигшій еще призывного возраста.—Полюбуешься, дѣдушка, нашей работой, посчитаешь, сколько мы этихъ австріяковъ наколошматимъ!

— Ну, ну внучекъ, не хвались напередъ, сперва одолѣй враговъ-то! Вѣдь, не съ голыми они руками сюда тоже идутъ, всякая ружейная справа у нихъ съ собой имѣется.

Отвага охватила защитниковъ. Они уже предвкушали побѣду надъ врагами,

совершенно забывая о своей малочисленности, о недостаткѣ оружія и о превосходствѣ враговъ.

Весь день прошелъ въ ожиданіи прихода австрійцевъ, но ихъ не было. Нѣкоторые изъ сельчанъ начали выражать даже сомнѣніе.

— Кто знаетъ, можетъ и не пойдутъ къ намъ, въ другое какое мѣсто ударятъ,— слышались толки.

— Нѣтъ, насъ не минуютъ,—увѣренно отвѣтилъ писарь:—имъ село наше знакомо, сколько разъ здѣсь бывали, все высмотрѣли, выглядѣли. Только днемъ не рѣшаются, думаютъ, нѣтъ-ли здѣсь случайно казаковъ, а какъ только къ ночи дѣло настанетъ, помяните меня, такъ они сейчасъ же и притащатся.

III.

Спустился вечеръ, нисколько не освѣжившій природу послѣ удушливаго дня. А тамъ и ночь покрыла темнымъ покровомъ все село, раскинувъ его и на окрестный перелѣсокъ, и на сжатыя поля, и на рѣчку,

чуть слышно говорившую съ прибрежными камешками.

Затихло село. Затаились кое-гдѣ сторожевые, грѣхомъ сказать и позадремали которые.

Туда, ближе къ опушкѣ лѣса—вышли два сельчанина постарше. Имъ не спится, насторожились, слушаютъ, не хрустнетъ-ли вѣтка, не зашелеститъ-ли солома. Пока все тихо, пѣтухи уже пропѣли. Завыла гдѣ-то собака...

Снова тишина... Жуткая... гнетущая...

— Слышь? — прошепталъ одинъ изъ сельчанъ.

Его товарищъ насторожился.

По полю изъ далека несся гулъ, какъ будто подвигалась толпа народа.

— Идутъ, — спокойно отозвался тотъ,— ты пока здѣсь погоди, послушай, что будетъ дальше, а я побѣгу на село, нужно въ колоколъ будетъ вдарить.

— Не, не надо, такъ повѣстимъ потихоньку, чтобы австріяки не знали, что мы ихъ встѣтить хочемъ.

Немного спустя, все селеніе уже знало о приближеніи врага и стало готовиться,

Бабы попрятались съ дѣтьми въ подполицы, мужички разошлись съ оружіемъ, какъ было раньше условлено, а о. Іосифъ, войдя въ церковь, затеплилъ передъ мѣстными иконами свѣчи и началъ служить молебенъ.

Псаломщикъ ушелъ съ другими обывателями навстрѣчу врагу, священнослужитель молебствовалъ одинъ, да кой-когда подтягивалъ ему полуслѣпой церковный сторожъ.

Служба шла торжественная, медленная. Батюшка восторженно читалъ эктеніи, становился на колѣни передъ иконами и, весь отдавшись молитвенному настроенію, умолялъ Творца помочь отразить супостата.

Черезъ неплотно закрытую дверь въ храмъ донесся первый выстрѣлъ, за нимъ сейчасъ же зазвякали другіе...

О. Іосифъ вздрогнулъ, молитвы понеслись еще горячѣе изъ его устъ. Вся душа его была переполнена экстазомъ, онъ былъ весь объятъ священнымъ восторгомъ.

Какъ градъ, защелкали частые выстрѣлы австійцевъ, они стрѣляли наугадъ, не зная, куда мѣтятъ; темнота ночи мѣшала имъ.

Враги остановились, не подойдя къ самому селу, и продолжали осыпать перелѣсокъ и то мѣсто, гдѣ они предполагали, что находятся дома, свинцовымъ горохомъ изъ своихъ пулеметовъ.

Скоро нашлись у нихъ факелы, темнота немного разсѣялась, они отыскали дорогу и плотной толпой отряды пошли впередъ.

Сельчане на мигъ прекратили стрѣльбу, они боялись, что ихъ заряды скоро придутъ къ концу, и разсѣялись.

Ободренные такимъ неожиданнымъ молчаніемъ австрійцы подошли ближе и, наконецъ вошли въ самое село.

На церковной площади было пустынно, чуть теплится огонекъ въ церквѣ.

Офицеръ, предводитель отряда, опасаясь засады, нѣсколько разъ выстрѣлилъ изъ резольвера въ двери храма, но никто ему не отвѣтилъ.

— Эй, вы, ступайте, крикнулъ онъ на сокольскую дружину, состоящую изъ однихъ только подростковъ.

Тѣ точно ждали его приказанія и, какъ бѣсенята, ворвались въ церковь.

Темнота, царившая въ храмѣ, на минуту остановила толпу, но, присмотрѣвшись и замѣтивъ, что, кромѣ священника и дряхлаго старика, въ церкви никого нѣтъ, они бросились къ священнослужителю, продолжавшему служить молебенъ, и, окруживъ его, начали дергать за бороду и за волосы. Натѣшившись надъ о. Іосифомъ, они сорвали съ него облаченіе и начали всячески надъ нимъ издѣваться

IV.

Ободренный задорными крнками соколятъ, въ церковь вошелъ офицеръ и грубо, подойдя къ священнику, спросилъ его по-польски:

— Что ты тутъ дѣлаешь ночью?

— Возношу моленіе Творцу,—отвѣтилъ ему на томъ же языкѣ, не смущаясь наглаго обращенія австріяка, о. Іосифъ.

— Лучше выдай намъ скорѣй метрическія книги, мы ихъ посмотримъ!—грубо крикнулъ на него офицеръ.—Да у меня живо, торопись!

Священникъ, не выражая своего волненія, указалъ рукой на шкафъ.

— Если онѣ, вамъ нужны, вонъ берите. Я вамъ не слуга.

Разсвирѣпѣлъ офицеръ. Онъ бросился на іерея, чтобы ударить его, какъ въ эту минуту снаружи затрещали снова выстрѣлы и вся банда вмѣстѣ съ офицеромъ, испуганно толкая другъ друга, бросилась вонъ изъ церкви.

Смоляные факелы кому-то изъ сельчанъ, незамѣтно подкравшись къ нимъ, удалось погасить.

На австрійцевъ посыпались неожиданно удары со всѣхъ сторонъ. Ихъ били топорами, убѣгавшихъ обратно враговъ разстрѣливали изъ перелѣска. Закипѣлъ бой. Молодые соколы метались взадъ и впередъ по площади, не зная, куда имъ бѣжать.

Къ довершенію всего кто-то испуганно крикнулъ:

— Казаки!

Этого слова было достаточно, чтобы весь австрійскій отрядъ обратился въ бѣгство.

Такое смятеніе среди враговъ еще болѣе ободрило сельчанъ. Они били бѣжавшихъ, чѣмъ попало. Трупы молодыхъ соколовъ валялись повсюду.

Паническій страхъ овладѣлъ нападающими, они уже чувствовали на своихъ спинахъ острыя казацкія пики и готовы были все отдать, чтобы спастись отъ преслѣдователей.

— Вотъ, тебѣ за поруганіе нашего храма!

— А это за батюшку! — слышался одобрительный крикъ другого сельчанина,

— За всѣхъ насъ, поганцы, получите!—басомъ гремѣлъ старшина, ударяя топоромъ зазѣвавшагося врага.

Кое-гдѣ австрійскіе солдаты пробовали сопротивляться, но разсвирѣпѣвшіе сельчане укладывали ихъ на мѣстѣ.

— Довольно, — остановилъ зарвавшихся товарищей громкій голосъ Ивася:— пусть бѣгутъ, поработали, довольно, спать пора.

И сельчане, торжествуя побѣду, возвратились обратно.

Проходя мимо церкви и замѣтивъ открытую дверь, всѣ они зашли въ свой родной храмъ.

О. Іосифъ, снова облачившись въ ризу, стоя на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, трепетнымъ голосомъ шепталъ молитву.

— Батюшка, прогнали мы недруговъ, которыхъ побили, которые убѣгли!—торжествуя, проговорилъ старшина.

Священникъ обернулся къ вошедшимъ, поднялся съ колѣнъ и растроганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Братья христолюбцы, становитесь на колѣни, вознесемъ горячую благодарственную молитву Господу Богу!

И прерывающимся отъ волненія голосомъ запѣлъ:

«Тебе Бога хвалимъ». . . . . .

Разсѣялся ночной мракъ, проглянуло радостное солнце.

Вся площадь передъ церковью, дорога въ перелѣсокъ—были усѣяны трупами австрійцевъ и сокольской молодежи.

Сельчане собрали трупы убитыхъ, выкопали общую могилу за перелѣскомъ,

ближе къ полю и похоронили ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Радоваться долго не приходилось. Врагъ съ новыми силами несомнѣнно долженъ былъ скоро вернуться, чтобы отомстить за убитыхъ товарищей.

Но сельчане, ободренные первымъ успѣхомъ, приготовились ихъ встрѣтить.

Запасъ оружія, которое осталось брошеннымъ врагами послѣ ночного нападенія, былъ значителенъ.

— На Господа, братіе, надѣйтесь, на Его Единаго!—говорилъ священникъ.—Онъ покоритъ супостата...

Современный пиръ Валтасара.

I

Форты Льежа лежали въ развалинахъ...

Торжествующій побѣдитель нагло ворвался въ этотъ цвѣтущій промышленный городокъ трудолюбивой страны.

Мирный трудъ, точно испугавшихъ этихъ дикихъ полчищъ современныхъ гунновъ, улетѣлъ. Остановились всѣ фабрики, умолкъ безостановочный говоръ машинъ, погасли доменныя печи въ Серенѣ.

Печально смотритъ бронзовый англичанинъ Джонъ Ксккериль на опустѣлыя заводскія зданія, не слышитъ онъ лязга прокатываемыхъ рельсъ, грохота многотоннаго молота, не слѣпитъ ему глаза бриліантовый отблескъ бессемеруемой стали. На грудахъ шлака, гдѣ выросли

уютные садики для дѣтей рабочихъ, теперь пусто, а по текущей мимо рѣкѣ плывутъ только трупы.

Самый городокъ сталъ неузнаваемъ: попрятались мирные жители по своимъ жилищамъ, вездѣ слышится грубый нѣмецкій говоръ, дерзкій взглядъ побѣдителя выискиваетъ все мало-мальски цѣнное, разоряетъ магазины, жилища зажиточныхъ гражданъ, нещадно ломаетъ, рушитъ все, съ такой любовью созданное трудолюбивыми горожанами...

Добрались пруссаки и до сосѣдней столицы. Вотъ они уже въ Брюсселѣ, какъ лава, разлились по цвѣтущему городу, заняли площади, рыщутъ вездѣ, какъ голодные волки.

Перекинулась дикая стая и за рѣку, въ окрестностяхъ столицы раскидались нѣмецкіе орды...

Лэкенъ, цвѣтущій уютный уголокъ, гдѣ бельгійская царственная чета находила себѣ пріютъ. Здѣсь послѣ покойнаго короля Леопольда, остались великолѣпныя оранжереи, одни изъ лучшихъ въ мірѣ, гордость страны, въ нихъ помѣщаются на-

стоящіе тропическіе лѣса пальмъ, весною, въ особенности въ маѣ, когда католическая Бельгія приноситъ Святой Мадоннѣ, покровительницѣ страны, цвѣтущихъ первенцовъ улыбающейся весны, эти оранжереи залиты волною разноцвѣтныхъ озалій, камелій, рододендроновъ. Ароматъ отъ нихъ кружитъ голову, точно находишься въ сказочномъ царствѣ цвѣтовъ...

II.

Пустыненъ дворецъ. Умолкла въ немъ жизнь. Только нѣсколько сторожей оставленные для надзора за королевскимъ жилищемъ, печально обходятъ его опустѣлыя залы, да кое-гдѣ, въ оранжереяхъ, копошатся садовники, не желавшіе разстаться съ этимъ чуднымъ уголкомъ флоры.

Лошадиный топотъ кавалерійскихъ разъѣздовъ нарушилъ благоговѣйное молчаніе стариннаго королевскаго парка. Прусскіе уланы доскакали до самаго дворца. Нѣсколько солдатъ, соскочивъ съ коней, стучатъ въ парадную дверь, нетерпѣливо ожидая, чтобы имъ отворили.

Трепещущія руки стараго преданнаго королю слуги нерѣшительно повертываютъ ключъ въ замкѣ, распахиваются двери— офицеръ вваливается въ вестибюль, за нимъ врывается весь отрядъ.

Тщетно останавливаетъ ихъ старый лакей.

— Господа, вѣдь это королевскіе покои, пожалуйста, не царапайте полъ вашими саблями, не ломайте мебели,— упрашиваетъ онъ ихъ.

— Теперь въ Бельгіи нѣтъ никакого короля, да и самой Бельгіи не существуетъ, это германское государство, у всѣхъ у насъ одинъ императоръ Вильгельмъ,—дерзко выкрикиваетъ молоденькій лейтенантъ пруссакъ и нагло смѣется.

Загремѣли сабли и ружья въ опустѣлыхъ покояхъ, волной разлился отрядъ по всему уютному дворцу. Дерзкій хохотъ не умолкаетъ, грубыя шутки солдатъ звучатъ повсюду, они пробуютъ саблями стѣны, точно опасаясь тайныхъ засадъ или отыскивая, не скрылся ли гдѣнибудь за этими дивными гобеленами,

самъ король, или кто-нибудь изъ его близкихъ.

Никого нѣтъ. Дворецъ точно вымеръ. Дикая орда пруссаковъ прошла въ оранжереи. Не пощадили они драгоцѣнныхъ экземпляровъ южныхъ странъ, рубятъ толстые стволы дѣтей тропиковъ. Трещитъ гигантская пальма отъ ударовъ прусской сабли, испуганныя обезьянки забились далеко наверхъ, подъ стеклянный куполъ и жалобно пищатъ.

Надоѣдливо кричитъ громадный разноцвѣтный какаду, потревоженный необычнымъ шумомъ.

Офицеръ хладнокровно вынимаетъ револьверъ и, прицѣлясь, убиваетъ крикливую птицу.

Это начало.

— Устроимте, господа, здѣсь охоту. Отчего не поохотиться въ тропическомъ лѣсу? — предлагаетъ все тотъ же молоденькій офицеръ.

Загремѣли выстрѣлы. Съ высокихъ пальмъ валятся шалуньи мартышки, нѣжныя уистити. Одно изъ упавшихъ живот-

ныхъ, умирая, глядитъ полными слезъ глазами на нарушителей ихъ покоя.

— Интересно было бы посмотрѣть, какъ горятъ пальмы, какъ ты думаешь, Густавъ?—неожиданно спрашиваетъ товарищъ лейтенанта, прыщеватый, съ рыжими усами, тоже молодой офицерикъ.

— О, мы сейчасъ попробуемъ, это будетъ чрезвычайно занятно,—соглашается Густавъ. Толстые стволы вѣковыхъ пальмъ затрещали отъ огня.

Злобное пламя красной струйкой поползло вверхъ.

Слуги и садовники, прибѣжавшіе въ оранжерею, уже не пытаются остановить варваровъ, они только печально смотрятъ на погибающія растенія.

III.

Дерзкая забава прусскихъ лейтенантовъ, вѣроятно, разрушила бы весь лэкенскій дворецъ, если бы во время ни прибылъ сюда на автомобилѣ генералъ изъ арміи кронпринца.

Разсердился старый нѣмецъ на безпечную молодежь. Сейчасъ же велѣлъ пре-

кратить пожаръ, выгналъ солдатъ изъ помѣщенія дворца, а молодымъ офицерамъ прочиталъ отеческую нотацію, причемъ прибавилъ:

— Если другой разъ это повторится, предупреждаю васъ обоихъ, вы будете строго наказаны.

Дворецъ спасенъ, случаемъ, неожиданностью...

Молодой Гогенцоллернъ, первородный сынъ кайзера въ своемъ самомнѣніи будущаго повелителя не только Германіи, но и всѣхъ покоренныхъ ею земель, рѣшилъ отпраздновать захватъ бельгійской столицы торжественнымъ обѣдомъ въ королевскомъ дворцѣ.

Молодой Фридрихъ-Вильгельмъ отлично знаетъ этотъ дворецъ. Не разъ онъ былъ здѣсь гостемъ у теперешняго своего врага, короля Альберта. Ему хорошо извѣстны и чудные покои короля, и великолѣпныя, несравнимыя оранжереи.

Наслѣдный принцъ горитъ желаніемъ угостить своихъ друзей и соумышленниковъ въ этомъ чудномъ дворцѣ, похвастаться передъ ними могуществомъ Гер-

маніи, между прочимъ, и своимъ правомъ, правомъ побѣдителя.

Старый генералъ хлопочетъ объ устройствѣ во дворцѣ блестящей встрѣчи сыну своего повелителя. Нужно поправить тѣ поврежденія, которыя успѣли уже совершить здѣсь нѣмецкіе уланы: тамъ прорваны гобелены, здѣсь изрублены рѣдкіе палисандровые стулья, отбитъ конецъ рамы у портрета въ картинной галлереѣ, тутъ исковеркана саблей стильная дверь изъ краснаго дерева—всего нельзя усмотрѣть.

Все маскируется наскоро, завтра долженъ совершиться обѣдъ, на немъ будетъ присутствовать болѣе сотни приглашенныхъ, все это вѣнценосные союзники германскаго императора, видные генералы его арміи, офицеры товарищи наслѣднаго принца.

Дамъ не будетъ, какія же дамы на походѣ! Но вина, вина приготовлено много. Въ королевскихъ погребахъ оно въ изобиліи.

Наслѣдный принцъ не прочь дотронуться до стакана. Генералъ распорядитель это знаетъ.

Полусожженную ротонду въ королевской теплицѣ возстановить нельзя, сгорѣвшія растенія выкидываются вонъ, куда-то исчезли и трупы разстрѣлянныхъ животныхъ. Все готово къ завтрашнему торжеству.

IV.

Для безопасности сына германскаго властелина, весь старинный королевскій паркъ оцѣпленъ солдатами. Въ немъ разъѣзжаютъ кавалеристы, наверху на пригоркѣ стоитъ нѣсколько орудій.

— Кто ихъ знаетъ, этихъ бельгійцевъ, вздумаютъ внезапно напасть на дворецъ, если пронюхаютъ, что въ немъ обѣдаетъ такая важная особа,—говоритъ самъ себѣ генералъ.

Но брюссельцамъ не до того. Имъ желѣзнымъ кольцомъ перетягиваютъ горло вандалы-побѣдители, требуя со штыкомъ въ рукѣ золота, золота, только одного его.

Войска страны далеко отсюда. Они ушли со своимъ королемъ на сѣверъ, къ Антверпену, чтобы тамъ защитить остав-

шуюся свободной часть своей страны, своего короля-героя и его семью.

Къ подъѣзду королевскаго дворца одинъ за другимъ подъѣзжаютъ шумящіе автомобили, подскакиваютъ на коняхъ офицеры, все это приглашенные на обѣдъ.

Сегодня уже нѣтъ старыхъ слугъ бельгійскаго короля. Повсюду виднѣются въ ливреяхъ Гогенцолерновъ услужливые камердинеры наслѣднаго принца.

Самъ онъ только что пріѣхалъ, его длинная сутуловатая фигура появилась въ этихъ старинныхъ покояхъ, точно нарушая очарованіе своимъ дерзкимъ вторженіемъ.

Загремѣли сабли приглашенныхъ, раздались тяжелые шаги прусскихъ генераловъ, въ большой столовой короля накрытъ его же тонкимъ столовымъ бѣльемъ громадный столъ. Рѣдкая посуда, отлитая въ Шерлеруа на заводахъ, нарочно для королевскаго двора, переливается радугой отъ врывающихся въ комнату золотыхъ сноповъ свѣта.

Ножи, вилки, ложки—все это издѣлія страны, трудъ ея сыновъ.

Сѣли за столъ. Наслѣдный принцъ, подражая своему вѣнценосному отцу, помѣстился въ главѣ стола, на мгновеніе опустилъ голову и слабымъ, непріятнымъ голосомъ прочелъ молитву.

Съ шумомъ опустились приглашенные на стулья, обѣдъ начался.

Все, что было лучшаго, дорогого, въ королевскихъ погребахъ, все появилось на столѣ передъ пирующими. Столѣтнія вина искрятся въ бокалахъ и въ фужерахъ, лежитъ окровавленное мясо, только что сегодня затравленнаго въ королевской чащѣ оленя, блестятъ золотистыми опереніями убитые сегодня же здѣсь фазаны.

Шумно за столомъ. Всѣ понимаютъ, что кронпринцъ не самъ кайзеръ. Онъ не въ силахъ сдержать расходившуюся толпу. Громкій смѣхъ растетъ все больше и больше, грубыя шутки летятъ черезъ столъ, кто-то пытается даже запѣть, но болѣе благоразумные его обрываютъ.

Пѣніе умолкаетъ, но громкій разговоръ переливается волной, гдѣ-то спорятъ, кто-то ударилъ кулакомъ по столу.

Фридрихъ-Вильгельмъ не обратилъ на это вниманіе. Онъ весь ушелъ въ бесѣду со своимъ сосѣдомъ, генераломъ Мольтке...

Вино изсякло на столѣ. Новая гекатомба богу Бахусу появилась изъ королевскихъ погребовъ, кто-то негодуетъ на отсутствіе женщинъ. Слышатся поддакиванія другихъ гостей. Вино надоѣло, требуютъ пива. Нѣмецъ сказался...

Несмотря на шумливую красочную обстановку, обѣдъ производитъ жалкое впечатлѣніе:

Это не торжество побѣдителя, это хвастливое бахвальство надъ непобѣжденнымъ еще врагомъ, жалкій пиръ разнузданной толпы современныхъ гунновъ—нѣмецкихъ варваровъ.

Удальцы.

I.

Лѣтнія сумерки сгрудились надъ экономіей; день еще боролся съ ночью, но послѣдняя осиливала.

Очертанія построекъ мало-по-малу сглаживались и исчезали въ полумракѣ; громадныя старинныя деревья принимали небывалые размѣры. Видъ всей мѣстности измѣнился.

Половина полей была уже убрана, оставались еще позднія яровыя, за уборку которыхъ предстояло вскорѣ приняться.

Лѣто было жаркое съ перепадавшими кой-когда дождями, и урожай выдался хорошій.

Работники въ экономіи, вернувшись съ полей, ужинали въ большомъ сараѣ,—

въ избу забираться было душно. Туда же сошлись и дивчата. Не слышно было ни смѣха, ни веселаго разговора. Кто-то разсказывалъ, остальные внимательно слушали, стараясь не проронить ни слова.

— Вотъ онъ обозлился, что воли ему надъ сербяками не даютъ, и пошелъ,— степенно разсказывалъ рыжій Грицко, старый пасѣчникъ, считавшійся среди рабочихъ наиболѣе свѣдущимъ и бравшимъ у управляющаго для чтенія газетку.

— А что жъ, дядя Грицай, сюды онъ не придетъ?—съ любопытствомъ, тараща глаза на стараго разсказчика, спросилъ молодой парень.

— Кто его знаетъ, ему воли не закажешь; самъ, поди, знаешь, что на самой границѣ сидимъ. И кавалерія и инфантерія у него имѣется, автомобили тоже ходятъ. Возьметъ да и шаркнетъ.

— Ну, чего ему тутъ дѣлать-то!— окликнулся другой работникъ. — Не видалъ онъ, что ли, экономій? Онъ прямо въ городъ направится,—тамъ богатыхъ много.

— Сказывай тоже!—послышался негодующій протестъ пожилого работника Аркадія.—Статочное ли дѣло, чтобы его въ городъ-то пустили! Тамъ и войско и пушки.

— Простъ ты больно, дядя Аркадій! Разбери-ка: у насъ два казака въ стражникахъ имѣются, за нами блюдутъ, да и мы сами не малыя ребята, кто съ косой, кто съ топоромъ,—все отстоимъ!

— А въ самомъ дѣлѣ, гдѣ наши охранители-то? — оглядывая ужинающихъ, спросилъ рыжій пасѣчникъ.

— Да они пораньше поѣли и въ объѣздъ пошли,—отозвалась вся загорѣвшая отъ солнца, какъ негритянка, стряпка Ганка.—Даве все другъ съ другомъ что-то шептались, пистоли свои чистили, саблюшки вострили.

— Э-э,—протянулъ Аркадій и, захвативъ деревянной ложкой изъ стоявшей передъ нимъ миски кусокъ говядины, сталъ прожевывать ее бѣлыми крѣпкими зубами.—Должно, звѣря чуютъ. Казачки—народъ дошлый.

— На скрипкѣ бы теперь вдарить, пѣсню спѣть,—тоскливо проговорилъ молодой черноватый парень Казиміръ.

— Ну, ну, объ этомъ и думать не стоитъ:—время не то, и впрямь какъ бы австріякъ сюда не набѣжалъ! Сиди, работай зубами да помалкивай!—наставительно сказалъ Грицко.

Не дологъ рабочій ужинъ. Усталыя спины просятся на покой, утомленныя руки и ноги требуютъ отдыха.

Стали стлаться на полу, на соломѣ, полной еще аромата полей. Стряпка и другая работница помоложе спѣшно прибирали миски, ложки и рушники со стола. Гдѣ-то въ углу слышалась тихая молитва Аркадія. Онъ былъ изъ средней губерніи, не ложился и не вставалъ никогда, не прочитавъ молитвы. Ему вторилъ старый Грицко, перемѣшивая слова молитвы. Затѣмъ оба старика распрощались, и рыжій пчеловодъ отправился къ себѣ на пасѣку.

Скоро въ сараѣ все затихло, только слышалось сопѣніе работниковъ да громкій храпъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Погасли огни и въ домѣ управляющаго. Вся экономія погрузилась въ сонъ.

II.

Короткія сумерки давно уже смѣнились мглистой ночью. На югѣ день быстро смежается съ такой темнотой.

Два полевыхъ сторожа, служащіе въ экономіи, казаки Зонтіевъ и Біевъ, на низкорослыхъ мастачкахъ, попыхивая трубочками, тихо ѣхали по старинной аллеѣ, состоявшей изъ вѣковыхъ вязовъ и каштановъ. Изрѣдка они перекидывались словами, но тихо, вполголоса, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, доносившемуся со стороны лѣса и поля.

Знаетъ казакъ свою обязанность, нѣтъ лучшаго сторожа на свѣтѣ, какъ наши станичники.

— А что, братику, не проѣхать ли намъ по опушкѣ, а тамъ свернемъ краемъ поля, да вокругъ ударимъ,—дѣловито замѣтилъ Біевъ Зонтіеву. Послѣдній ничего не отвѣтилъ товарищу, и они, свернувъ съ широкой аллеи, пробрались межъ кустарниковъ и пошли опушкой.

Здѣсь вниманіе обоихъ сторожей еще болѣе усилилось: они жадно ловили ухомъ каждое дуновеніе воздуха.

— Взаправду думаешь, что австріякъ сюда придетъ? — спросилъ Біевъ.

Зонтіевъ наклонился къ нему ближе и повелительнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Чего глотку деришь! Помалкивай, слышь!

Этого замѣчанія было достаточно для того, чтобы они, какъ змѣи, соскользнули съ сѣделъ и, не выпуская изъ рукъ поводовъ, приникли ухомъ къ землѣ.

Земля чуть слышно гудѣла отъ топота ногъ.

— Идутъ, должно, много людей,— чуть слышно замѣтилъ Біевъ.

Молча, они вскочили на лошадей и, стараясь не дѣлать шума, понеслись вдоль лѣса по мягкой тропинкѣ.

Прошло около двадцати минутъ, пока они добрались до другого конца перелѣска и стали снова слушать.

На этотъ разъ имъ стало ясно приближеніе довольно большого отряда. Слы-

шалось даже металлическое бряцаніе сабель и ружейныхъ стволовъ.

— Что жъ, братику, будемъ дѣлать? Всполошимъ, что ли, рабочихъ? — спросилъ Зонтіевъ.

— Нѣтъ, не стоитъ, пока безъ нихъ обойдемся, — спокойно отозвался другой казакъ и, повернувъ лошадь, той же дорогой направился къ лѣсной просѣкѣ, чрезъ которую пролегалъ путь къ экономіи.

Казаки знали, что австрійцы непремѣнно должны пройти здѣсь. Они отошли во время своей поѣздки отъ экономіи версты на три. Лѣсъ былъ густой, темная ночь благопріятствовала отважнымъ станичникамъ.

— Ты, братику, возьми коняку въ поводъ да ступай по ту сторону дороги, а я здѣсь засяду. Какъ пойдутъ австріяки проклятые, такъ и зачнемъ въ нихъ палить, — сказалъ Біевъ. — Только смотри, жалѣй патроновъ, цѣлься ловчѣй!

— Знаю, дядько,—послышался отвѣтъ Зонтіева.

Они замолчали, ожидая съ нетерпѣніемъ, когда отрядъ австрійцевъ подойдетъ ближе.

III.

Тишина ночи, безлюдность заставляли австрійцевъ предполагать, что приходъ ихъ явится для всѣхъ неожиданнымъ. Вышли они довольно поздно вечеромъ и шли навѣрняка по хорошо размѣченнымъ картамъ, зная, что первой остановкой для нихъ будетъ богатая экономія, гдѣ они смогутъ основаться, и разсчитывали не встрѣтить сопротивленія, такъ какъ знали, что русскихъ войскъ здѣсь не было.

Высокій худощавый майоръ, ведшій отрядъ, шелъ рядомъ съ молодымъ поручикомъ изъ мадьяръ, жаждавшихъ поскорѣе сразиться съ русскими.

— Постоимъ здѣсь до завтрашняго дня, тѣмъ временемъ подойдутъ къ намъ подкрѣпленія, тогда и ударимъ всѣ вмѣстѣ на русскихъ,—съ довольнымъ видомъ говорилъ майоръ.

— Покажемъ мы этимъ русскимъ, какъ нужно воевать!—хвастливо отвѣтилъ ему гонведъ.—А пока что, я проголодался. Такая ходьба усиленнымъ маршемъ возбуждаетъ аппетитъ. Вѣроятно, въ этомъ по-

мѣстьѣ мы найдемъ себѣ хорошій ужинъ. Разбудимъ хозяина и велимъ дать намъ все, что̀ у него есть лучшаго.

— Да, поѣсть я тоже не прочь,—отвѣтилъ на его разсужденія майоръ.

Въ лѣсу стало темнѣе. На минуту движеніе отряда остановилось. Подошли остальные офицеры, стали совѣщаться. Одинъ изъ нихъ, немолодой человѣкъ, недовѣрчиво спросилъ:

— Туда ли мы идемъ, господинъ майоръ?

— Прямой дорогой къ усадьбѣ,—увѣренно отозвался майоръ.—Вотъ смотрите сами.

Онъ вытащилъ небольшой планъ и при свѣтѣ электрическаго фонаря указалъ на него офицеру.

Дорога черезъ лѣсъ была ярко обозначена красной чертой, въ концѣ которой находилась экономія съ разбросанными строеніями.

— Тутъ недалеко, километра три-четыре, не больше,—увѣренно сообщилъ майоръ.

— Такъ чего же намъ ждать! Идемъ!—неожиданно вступилъ въ разговоръ кто-то изъ офицеровъ и скомандовалъ маршъ.

Отрядъ снова потянулся по лѣсной дорогѣ.

Притаившіеся казаки замѣтили при вспышкѣ электрическаго фонаря фигуры австрійскихъ солдатъ. Они были отъ нихъ не болѣе, какъ въ ста шагахъ.

Держа браунинги наготовѣ, станичники ждали когда врагъ подойдетъ поближе.

Луна яркой полосой падала на мундиры отряда, вырисовывая каждаго солдата.

Біевъ намѣтилъ себѣ высокаго майора. Зонтіевъ, какъ младшій, сообразилъ это, и его жертвой былъ молодой поручикъ-гонведъ. Казаки впились глазами въ обоихъ офицеровъ, расчитывая, когда наступитъ время стрѣлять. Они не хотѣли промахнуться.

Все ближе и ближе наступаетъ отрядъ Казацкія руки судорожно сжимаютъ маленькіе браунинги, палецъ готовъ нажать собачку. Мгновеніе и маленькіе смертоносные жучки полетятъ навстрѣчу врагу.

Австрійцы въ десяти шагахъ отъ лежащихъ станичниковъ. Мгновенія летятъ... Еще... еще...

«Звякъ... звякъ»,—раздались два выстрѣла, и оба офицера со стономъ свалились.

Отрядъ встрепенулся, замеръ, невольно остановился, и солдаты, приложивъ къ плечамъ ружья, начали обстрѣлъ безмолвнаго лѣса. Они не знали, гдѣ находится врагъ, стрѣляли наугадъ, пули впивались со свистомъ въ деревья, ломали частый кустарникъ, не нанося никому вреда. Между тѣмъ выстрѣлы казаковъ дѣлали свое дѣло. Ихъ браунинги, точно маленькія собачки, тявкали безъ конца и уносили все больше и больше жертвъ среди австрійцевъ.

Пораженные ужасомъ враги, предполагая, что въ лѣсу засада русскихъ войскъ, потеряли голову. Они не знали, что имъ дѣлать. Среди нихъ уже выбыло девять человѣкъ, изъ которыхъ трое были офицеры.

— Назадъ, назадъ, тамъ засада! — послышался чей-то голосъ, и австрійцы стали отступать.

Какъ только они отошли на довольно большое разстояніе, станичники перестали

стрѣлять и, вскочивъ на лошадей, окольными тропинками промчались мимо враговъ, направляясь въ близлежащій городъ Почаевъ.

IV.

Для сообщенія о появленіи австрійскаго отряда не потребовалось много времени.

Быстро собрались десятка два-три всадниковъ изъ объѣздчиковъ, вольныхъ охотниковъ. Они захватили винтовки и помчались вслѣдъ за обоими станичниками.

Недоумѣніе австрійцевъ продолжалось довольно долго.

Еще ночь далеко не перешла вторую половину, какъ къ стоявшимъ врагамъ подошли двѣ роты подкрѣпленія.

Они слышали перестрѣлку и поспѣшили на помощь къ товарищамъ.

— Тамъ засада! Русскихъ гибель! Съ такими силами мы не можемъ двигаться впередъ! — говорили оставшіеся въ живыхъ офицеры изъ двухъ первыхъ ротъ.— Подождемъ, пока подойдетъ кавалерія съ

пулеметами. Они такъ и сыпали на насъ пули!

Задумались и вновь пришедшіе офицеры. Рисковать быть убитымъ невидимымъ врагомъ, какъ это случилось съ двумя ихъ товарищами, имъ не улыбалось. Подождали съ часъ времени, но кавалерійское подкрѣпленіе не подходило.

Ночь стала смѣняться утромъ. Чуть забрезжилъ востокъ, но все было еще темно, ночной туманъ не спадалъ.

— Ждать больше нечего, сейчасъ утро, идемъ впередъ!—рѣшительно замѣтилъ старшій офицеръ изъ подошедшей позднѣе роты.—Завяжемъ бой, а тамъ подоспѣетъ и наша кавалерія.

Нехотя поднимались расположившіеся на травѣ солдаты, разобрали ружья, построились и слитной колонной пошли впередъ.

Съ ружьями наготовѣ они подошли къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ ихъ встрѣтилъ свинцовый дождь. Но на этотъ разъ они переступили страшное мѣсто благополучно.

Продвинулись дальше.

До конца лѣса уже недалеко, какъ вдругъ съ лѣсныхъ тропинокъ вылетѣли всадники и съ гикомъ понеслись на оторопѣвшихъ австрійцевъ.

И такъ уже напуганные ночнымъ нападеніемъ, австрійцы бросились бѣжать.

Навстрѣчу имъ неслись на своихъ мастачкахъ оба станичника, которые также принялись рубить отступающихъ враговъ.

И четыре роты австрійскихъ воиновъ постыдно бѣжали отъ горсти русскихъ храбрецовъ.

Австрійцы были вполнѣ увѣрены, что подверглись нападенію крупнаго русскаго кавалерійскаго отряда, засѣвшаго въ усадьбѣ и приготовившаго для нихъ ловушку.

Весь Почаевъ былъ полонъ восторга. Всѣ съ восхищеніемъ отзывались о храбрецахъ Біевѣ и Зонтіевѣ... Работники изъ усадьбы подобрали убитыхъ австрійцевъ и похоронили ихъ...

Доброволецъ изъ Канады.

I.

— Что ты поздно изъ лѣсу сегодня пріѣхалъ? — ласково спросилъ старикъ Демьянъ своего сына Матвѣя, возвращавшагося съ лѣсосѣки.

Старый духоборъ, еще крѣпкій для своихъ лѣтъ мужчина, съ окладистой темной бородой, въ которой проглядывала кое-гдѣ сѣдина, одѣтый въ обыкновенный костюмъ канадскихъ фермеровъ, съ большимъ краснымъ гаруснымъ шарфомъ на шеѣ, стоялъ у двери своего дома.

— Не могъ раньше справиться, батюшка. Сегодня дерево сѣчь было тяжело: больно толсты да крѣпки попались. Подрубали вмѣстѣ съ Петрухой Голубевымъ, боялись, какъ-бы не упало да не

задавило насъ,—дѣловито отозвался Матвѣй, похожій на отца, крѣпкій парень, лѣтъ двадцати восьми.

Взявъ подъ уздцы буланнаго меренка, запряженнаго въ передокъ повозки, на которомъ вывозили бревна, онъ повелъ его въ ворота на дворъ.

— Ты, того, Матюша, не ставь такъ-то сразу, поводи немного. Ишь, конь-то взопрѣлъ,—наставительно сказалъ ему отецъ и, придерживаясь рукой за притолку, прошелъ въ домъ.

Матвѣй отпрягъ лошадь, поводилъ ее по большому двору, затѣмъ, не снимая съ нея упряжи, провелъ въ стойло, гдѣ бросилъ въ кормушку охапку душистаго сѣна, затѣмъ погладилъ смирное животное по гладкому лбу и вышелъ изъ конюшни.

Матвѣй не любилъ торопиться; онъ спокойно подошелъ къ рукомойнику, висѣвшему по русскому обычаю около крыльца, помылъ руки, плеснулъ водой на лицо, утерся чистымъ, толстымъ рушникомъ, обскоблилъ щепочкой старательно свои толстые сапоги, чтобы не запачкать

полъ въ горницѣ, и только тогда вошелъ въ домъ.

Темнѣло. Солнце уже зашло, въ комнатахъ сгрудились сумерки.

У окна на столѣ привѣтливо кипѣлъ самоваръ, привезенный старикомъ съ далекой родины, изъ Россіи. Тутъ-же рядомъ, громыхая чашками, хлопотала незамужняя дочь Демьяна; старуха-жена второй годъ, какъ умерла.

Въ уголку стола, стараясь уловить послѣдніе лучи свѣта, сидѣлъ подростокъ Леонтій, второй сынъ хозяина, и внимательно читалъ книгу.

Матвѣй помѣстился на свой стулъ, сестра подвинула ему чашку съ чаемъ, подала сахарницу. Русскіе, по усвоенной съ дѣтства привычкѣ, пили чай вприкуску.

Старый Демьянъ, уже освободившійся отъ краснаго шарфа и снявшій суконную куртку, остался въ одной рубахѣ съ русскимъ косымъ воротомъ.

— А безъ тебя тутъ, Матюша, Алиса прибѣгала сосѣдская. Какое-то дѣло до

тебя ей понадобилось. Спрашивала, когда ты вернешься.

Молодой человѣкъ встрепенулся. Алиса Галаганъ, дочь ирландца фермера, осѣвшаго уже много лѣтъ въ Канадѣ, недалеко отъ духоборовъ, нравилась молодому русскому.

— Что бы ей нужно было,—проговорилъ Матвѣй и, положивъ огрызокъ сахара на опрокинутую чашку, задумался.

— Ужъ не знаю, сынокъ. Въ третій разъ прибѣгала, все тебя спрашивала. Должно быть, и впрямь какое дѣло до тебя имѣется. Ты-бы прошелъ къ ней... Ахъ, нѣтъ, я и забылъ, что ея дома нѣтъ, до самой ночи не будетъ: отецъ услалъ къ О-Руркамъ.

— Такъ я утромъ къ ней сбѣгаю. Петрушка одинъ можетъ порубить. Мы сегодня одно дерево зачали, не скоро прорубитъ онъ, толстенное.

Кончили пить чай. Матвѣй встряхнулъ пустой самоваръ, поговорилъ недолго со старикомъ отцомъ на порогѣ дома, поды-

шалъ вечернимъ воздухомъ, и скоро всѣ отправились на покой.

Трудовой день кончился, усталыя руки и ноги требовали отдыха.

II.

Солнце косымъ лучомъ проскользнуло въ комнату Матвѣя. Онъ сейчасъ же вскочилъ съ кровати, посмотрѣлъ на часы. Было еще только пять часовъ. Не прошло и получаса, какъ работящій парень былъ готовъ отправиться на работу. Онъ вспомнилъ въ эту минуту, что хотѣлъ зайти повидать Алису; спустившись внизъ къ отцу, гдѣ уже все было готово къ утреннему завтраку, онъ наскоро поѣлъ и кинулъ брату:

— Ленька, ты запряги-ка «Гнѣдка» въ передокъ и къ Галагановскому дому пригони. Я тамъ буду.

Когда онъ шелъ по широкой улицѣ поселка, его неожиданно остановилъ звукъ барабана, приближающійся къ нему.

— Это что такое?—изумился молодой духоборъ.—Съ коихъ поръ у насъ такую музыку придумали?

Настойчивые звуки дѣлались еще яснѣе, громче. Къ нимъ присоединился и человѣческій голосъ. Невидимый за кустами барабанщикъ, пробарабанивъ нѣкоторое время, громко повторялъ одну и ту же фразу:

— «Кто любитъ своего короля и хочетъ ему служить, пусть заявитъ объ этомъ шерифу».

Улыбка скользнула по румяному лицу парня, онъ прошепталъ:

— Опять, должно быть, съ кѣмъ-нибудь воевать нужно!

Хотя молодой Сидоровъ и незнакомъ былъ съ этимъ способомъ вербовки волонтеровъ въ войска Его Величества короля англійскаго, такъ какъ въ послѣднее время Англія ни съ кѣмъ войнъ не вела,— но все же слышалъ отъ старожиловъ объ этомъ обычаѣ. Ему, какъ духобору, который отказывается вступать въ войска, было чуждо подобнаго рода занятіе.

«Лучше оставаться у себя дома, жить мирнымъ трудомъ, работать, никого не обижать,»—раздумывалъ молодой чело-

вѣкъ и спокойно продолжалъ свой путь къ фермѣ ирландца.

Весь сѣдой, приземистый Вилли Галаганъ уже копался въ своемъ саду, подвязывая яблони. Желтые отъ табака зубы старика крѣпко сжимали короткую трубочку, изъ которой курился дымокъ.

— Здравствуйте, мистеръ Галаганъ! Я пришелъ къ Алисѣ; ей что-то было нужно меня видѣть,—проговорилъ русскій.

— Я сейчасъ,—послышался звонкій молодой голосъ, и среди зелени сада появилась плотная фигура молодой дѣвушки, выбѣжавшей къ гостю.

— Да, да, мистеръ Сидоровъ, мнѣ очень нужно было васъ видѣть. Вы слышали барабанъ и то, что говорилъ барабанщикъ?

Русскій усмѣхнулся.

— Какъ не слышать, зовутъ воевать. Но съ кѣмъ же вздумала воевать сейчасъ Англія?—небрежно спросилъ духоборъ.

На лбу молодой дѣвушки появилась упрямая складка.

— Какъ съ кѣмъ? Съ германцами! Они наши исконные враги, они мѣшаютъ нашей торговлѣ, вредятъ нашимъ колоніямъ!

— Меня это мало касается. Вы—настоящая британка, а я только недавно еще сдѣлался англійскимъ подданнымъ. Моя настоящая родина—Россія.

— Но вѣдь и съ нею германцы воюютъ! Развѣ вы этого не читали въ газетахъ?

— Съ Россіей, съ нами?!—вздрогнувъ, вскрикнулъ Матвѣй.—Я газетъ не читаю... Хорошо что вы сказали, Алиса!

— Объ этомъ я и хотѣла вамъ вчера разсказать... Мнѣ кажется...—она оборвала начатую фразу.

Русскій прикусилъ губу, на минуту задумался, кинулъ взглядъ на дорогу, пробѣгавшую мимо сада ирландца, и рѣшительно промолвилъ:

— Ладно, миссъ Алиса, вечеромъ мы съ вами объ этомъ еще потолкуемъ. Теперь нужно на лѣсосѣку итти.

Кивнувъ на ходу старому ирландцу, онъ большими шагами направился къ брату, подъѣзжающему стоя на передкѣ.

III.

Матвѣй сегодня работалъ плохо. Дѣло не спорилось, топоръ наносилъ слабые удары, пила, которой они пилили вмѣстѣ съ другимъ духоборомъ Петромъ, двигалась медленно, руки работника сами собой останавливались; въ головѣ затаилась дума, мысли отлетѣли далеко, далеко отсюда.

Невольно вспомнилась ему родина. Привольные луга на югѣ Россіи. Пахнуло роднымъ ароматомъ съ этихъ необъятныхъ пространствъ. Въ головѣ зазвенѣли волны поспѣвающей пшеницы, золотая стѣна колосьевъ предстала предъ его глазами... Все родное, испытанное имъ съ дѣтства, всколыхнулось въ душѣ. Пять, шесть лѣтъ, которые онъ провелъ здѣсь въ Канадѣ, какъ будто исчезли изъ его памяти. Ему вдругъ захотѣлось снова увидѣть родныя мѣста, вспоминалось ихъ богатое село, притаившееся въ ложбинкѣ,

мазанныя хаты, вишневные садики вокругъ и теплое, южное голубое небо.

— Матвѣй Демьянычъ, а Матвѣй Демьянычъ! Что ты нонѣ плохо работаешь?—робко замѣтилъ Петръ.—Заболѣлъ, что-ли?

Снова завизжала пила, разрушая смолистыя ткани канадскаго великана. Но руки Матвѣя двигались все медленнѣе и медленнѣе, пила лѣниво врѣзалась глуже.

— Да, нѣтъ ужъ, Матвѣй Демьянычъ, бросимъ что-ли. Должно, тебѣ не по себѣ! Я одинъ порублю, а ты прилягъ на корняхъ, отдохни,—предложилъ Петръ.

Матвѣй молча отошелъ къ сосѣднему дереву и, облокотившись на руку, задумался. Спать онъ не могъ. Мысль о далекой Россіи все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала имъ.

Вспомнился ему и отъѣздъ съ родины. Пришлось ему ѣхать позже другихъ, вдвоемъ съ товарищемъ. Раньше уѣхали всѣ ихъ духоборы, а ему съ Заторинымъ пришлось отправляться другой дорогой черезъ Гамбургъ на нѣмецкомъ пароходѣ.

Вспоминалось, какъ онъ садился на пароходъ, въ эмигрантское отдѣленіе, какъ нѣмцы плохо обращались съ пассажирами-эмигрантами, загнали ихъ въ темныя помѣщенія носового трюма; чтобы выручить побольше денегъ съ неприхотливыхъ пассажировъ, администрація нѣмецкаго парохода набрала эмигрантовъ громадное количество, переполнила ими весь пароходъ. Кормили плохо. Давали несвѣжее мясо, плохой супъ, и никто не смѣлъ ничего возразить: нахальные матросы угрожали наказаніемъ каждому, кто что-нибудь скажетъ противъ дурной ѣды. Плаваніе было настоящимъ адомъ. Въ тѣсномъ, удушливомъ трюмѣ эмигранты прямо задыхались. Имъ очень рѣдко разрѣшали выйти на палубу подышать свѣжимъ воздрхомъ. Да, это былъ тяжелый переѣздъ! Много пришлось натерпѣться и отъ грубости нѣмецкихъ матросовъ. Только въ Америкѣ, когда духоборы присоединились къ остальнымъ своимъ сельчанамъ, впечатлѣнія ужаснаго путешествія мало-по-малу изгладились. У Матвѣя съ тѣхъ поръ осталась затаенная злоба противъ

грубыхъ нѣмцевъ, противъ ихъ самоуправства и дерзости.

Звукъ барабана и настойчивый призывъ вывелъ его изъ раздумья.

— Кто любитъ своего короля и желаетъ ему служить...

«Нѣмцы идутъ противъ русскихъ,— копошилась въ мозгу Матвѣя мысль,— значитъ, они враги и мнѣ. Вѣдь я тоже русскій»!

Вспомнились обѣты духоборства противъ войны, но воображеніе рисовало картины, какъ тамъ, далеко на родинѣ, русскіе борются съ врагами, отстаивая родную землю...

— Матвѣй Демьянычъ, а Матвѣй Демьянычъ, поберегись: я дерево-то ссѣкъ, сейчасъ валиться станетъ,—услышалъ онъ окрикъ Петра и отскочилъ въ сторону.

Загрещалъ могучій стволъ, запатался исполинъ канадскихъ лѣсовъ и медленно грохнулъ на зеленую просѣку, ломая при паденіи многочисленныя вѣтви.

Матвѣй тяжело вздохнулъ, взялъ лежащій топоръ и принялся обрубать вѣтви у сваленнаго ствола.

IV.

Отпустивъ своего помощника съ лошадью по окончаніи работы домой, Матвѣй направился въ домъ Галагана. Алиса уже ждала его. У нея были приготовлены послѣдніе номера мѣстной газеты, и подчеркнуты карандашомъ мѣста, касавшіяся войны.

— Давайте вмѣстѣ читать,—предложила она молодому духобору, и они усѣлись въ саду подъ развѣсистой яблоней и, пока еще солнце не совсѣмъ зашло, принялись за чтеніе.

Въ газетѣ кратко, но ярко сообщалось о всемъ происходящемъ въ Европѣ, въ особенности выдѣлены были звѣрства нѣмцевъ въ Бельгіи и въ русскомъ Калишѣ.

Руки молодого человѣка невольно сжимались въ кулаки, и онъ шепталъ:

— Да неужели это правда! Ахъ, изверги!

Стало совсѣмъ темно. Алиса не могла уже разбирать строки, а молодые люди все еще сидѣли и толковали.

— Спасибо, миссъ Алиса, за сообщеніе. А я то и не зналъ, что у насъ на Руси тамъ дѣлается. Нужно скорѣе отцу сказать.

— Что же вы намѣрены дѣлать, мистеръ Мэтью?—строго глядя на собесѣдника, спросила ирландка.

Матвѣй молча опустилъ голову.

— Вы должны итти сражаться, это долгъ каждаго сына своей родины! Васъ зовутъ обѣ ваши родины, родная и пріемная, Россія и Британія,—продолжала Алиса.—О, если бы я была мужчиной!—прибавила она, блеснувъ глазами.

— Вы, Алиса, сказали то, что я храню у себя въ сердцѣ!—невольно вырвалось у Матвѣя.—Я готовъ сейчасъ итти на помощь братьямъ. Но что скажетъ отецъ?

— Мэтью, прошу васъ, сдѣлайте это для меня, если вы сами не можете рѣшиться. Я, слабая дѣвушка, которая васъ любитъ, готова пожертвовать вами, чтобы съ честью сказать: «да, онъ былъ достоинъ назвать меня своей женой».

Лицо Матвѣя преобразилось, онъ поднялся, расправилъ плечи и, протянувъ руку Алисѣ, твердо сказалъ:

— Благодарю тебя, дорогая!

Дѣвушка крѣпко обняла его, и они разстались.

V.

Демьянъ съ семьею уже кончалъ чаепитіе. Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на запоздавшаго сына.

— Что такъ поздно, Матюша? Аль заболтался у Галагана?

Матвѣй молча опустился на стулъ, собираясь съ мыслями, какъ сообщить отцу о своемъ рѣшеніи, и затѣмъ быстро, безъ перерыва, разсказалъ старику все, что сегодня узналъ о войнѣ.

Затуманилось лицо Демьяна. Глубокая дума избороздила лобъ.

— Вотъ оно дѣло-то какое! А мнѣ и невдомекъ: давно уже изъ Россіи намъ писемъ не бывало.

Онъ посмотрѣлъ на сына, точно ожидая, что скажетъ тотъ дальше.

— Батюшка... —началъ Матвѣй и запнулся.

— Говори сынокъ, не бойся. Чую, что ты мнѣ скажешь...

— Отпусти меня, отецъ, на войну, благослови...—невольно вырвалось у молодого человѣка.

Вздохнулъ старый духоборъ Демьянъ, поднялся, смахнулъ рукой съ лица, точно желая прогнать сомнѣнія, и тихимъ голосомъ проговорилъ:

— Сынокъ мой милый, не стану я тебѣ прекословить. Чую, что ты правъ. Ступай на защиту Руси родимой. Эхъ, если бы я самъ былъ молодъ!—невольно вырвалось у старика.

Матвѣй упалъ передъ отцомъ на колѣни.

VI.

«Кто любитъ своего короля»... настойчиво повторялъ барабанщикъ, проходя по лѣснымъ селеніямъ Канады, сзывая всѣхъ желающихъ поступить въ королевскія колоніальныя войска для борьбы съ врагомъ.

Много молодежи отправилось въ сосѣдній городокъ къ шерифу, гдѣ нужно было записаться и сообщить о своемъ желаніи вступить въ формируемые полки.

Однимъ изъ первыхъ явился къ шерифу Матвѣй.

Шерифъ, полный, еще не старый мужчина, съ красноватымъ одутловатымъ лицомъ, сидѣлъ за столомъ въ домѣ, гдѣ принимали рекрутовъ. Онъ небрежно взялъ протянутый Матвѣемъ заполненный имъ листъ и медленно прочиталъ:

— Мистеръ Мэтью Сидоровъ...—глаза шерифа съ любопытствомъ окинули плотную коренастую фигуру русскаго,— Вы желаете служить, сэръ, въ войскахъ Его Величества? Вы будете получать двѣ гинеи въ недѣлю,—опредѣлилъ онъ жалованіе вновь записавшимся.—Здѣсь васъ будетъ учить сержантъ первоначальнымъ пріемамъ, а затѣмъ отправитесь въ Квебекъ,—говорилъ шерифъ и протянулъ молодому человѣку руку, которую тотъ крѣпко пожалъ.

На другой день начались занятія. Человѣкъ полтораста, призванныхъ подъ

знамена, учились маршировать, выравниваться. Рослый сержантъ въ красной курткѣ съ небольшимъ кэпи на головѣ, придерживаемымъ тонкимъ ремешкомъ подъ бородкомъ, громко командовалъ новобранцамъ и показывалъ всѣ необходимые пріемы.

Во время перерыва молодой Сидоровъ осмотрѣлся и съ изумленіемъ замѣтилъ въ заднихъ рядахъ двухъ парней изъ своей общины.

— Андрей Вонифантьевъ, и ты сюда пришелъ?!—обрадованно крикулъ онъ знакомому.—Оська Калюжный тоже?

— Да какъ же, Матвѣй Демьянычъ, вѣдь кровь заговорила! Мы, русскіе, желаемъ повоевать за матушку Русь, нѣмцевъ поколотить.

Новобранцы оказались народъ понятливый, быстро выучили первоначальные пріемы. Не прошло и недѣли, какъ собралось человѣкъ триста, и всѣхъ ихъ отправили въ Квебекъ. Нельзя было и подумать, что вся эта молодежь пришла прямо изъ дѣвственныхъ лѣсовъ, рѣдко

бывала въ городахъ, а военнымъ дѣломъ никогда не занималась.

Во вновь сформированный полкъ поступали все молодецъ къ молодцу, всѣ горѣли желаніемъ сразиться съ общимъ врагомъ, германцами.

Квебекъ кишѣлъ новобранцами. Сюда собрались со всѣхъ уголковъ Канады, спѣшно обучались войска, готовились пароходы для отправки ихъ въ Европу на поля сраженій.

VII.

Дня за два до отплытія старшій сержантъ вызвалъ Матвѣя изъ рядовъ и громко сказалъ:

— Мистеръ Мэтью Сидоровъ, за ваши успѣхи и усердіе, совѣтъ офицеровъ рѣшилъ дать вамъ сержантскія нашивки.

Такое извѣстіе обрадовало молодого русскаго. Никто изъ его товарищей не былъ такъ отличенъ. Но, сдѣлавшись между ними старшимъ, онъ попрежнему остался хорошимъ товарищемъ.

Наступило время отъѣзда. Матвѣй извѣстилъ объ этомъ заранѣе своихъ до-

машнихъ и Алису. Они пріѣхали его проводить.

Въ статномъ сержантѣ старый Демьянъ съ трудомъ узналъ своего сына. Духоборъ благословилъ Матвѣя, но не могъ удержать слезъ, когда, прощаясь, далъ ему совѣтъ:

— Помни, сынокъ, что идешь на брань со врагомъ для защиты не только свой второй родины, но и Руси-матушки. Удастся тебѣ тамъ побывать, поклонись ей земно, родимой, и послужи ей.

Долго сдерживалась Алиса, прощаясь съ любимымъ человѣкомъ. Но слезы невольно показались у ней на глазахъ, когда она въ послѣдній разъ крѣпко пожала ему руку и, чувствуя себя не въ силахъ сдержаться, кинулась къ нему на шею.

— Прощай, Мэтью! Помни, что я за тебя всегда молюсь. Я вѣрю, что ты вернешься невредимымъ. Тебя ждетъ любящее сердце...

Въ послѣдній разъ поцѣловалъ онъ руку старика-отца, кинулъ любящій взглядъ на молодую ирландку и бодро перешелъ по сходнямъ на пароходъ.

Дохнулъ паръ въ машины, застучали металлическіе шатуны, завертѣлся винтъ и темные клубы дыма повалили изъ широкихъ трубъ океанскаго парохода.

Матвѣй стоялъ около борта, вглядываясь въ дорогія ему лица, оставшіяся тамъ, на берегу.

Скоро линія берега начала исчезать, паровой гигантъ все ускорялъ ходъ, точно стараясь поскорѣе довести на поле брани рвущихся сразиться съ врагомъ отважныхъ воиновъ.

Спустясь въ трюмъ, весь заполненный солдатами, Матвѣй отыскалъ свою койку, приготовилъ ее для ночи. Слухъ его невольно уловилъ нѣсколько русскихъ словъ. Онъ изумленно прислушался.

Ему было извѣстно, что въ его полку находилось только шесть русскихъ духоборовъ, всѣ остальные солдаты были кровными подданными англійскаго короля.

Въ сосѣднемъ помѣщеніи разговаривала по-русски большая кучка людей. Сидоровъ подошелъ къ нимъ и изумленно спросилъ:

— А вы, братцы, откуда?

— Изъ Россіи-матушки,--простодушно отвѣтилъ одинъ изъ говорившихъ, съ виду похожій на настоящаго европейца; только голубые глаза, свѣтлые волосы и круглое лицо выдавало въ немъ русскаго.—Заѣхали сюда на работу цѣлой артелью, благо заработки здѣсь хорошіе. Мы—костромичи, плотники и печники, а теперь, какъ нѣмецъ объявилъ Россеѣ войну, мы и домой. Нужно своимъ помогать. Насъ здѣсь не мало, почитай, сотни двѣ: сколько подмоги оказать можемъ! А ты что же, парень, агличаниномъ вырядился?

Матвѣй объяснилъ.

— Вотъ оно дѣло-то-какое! Ты, значитъ, на подмогу агличанамъ идешь! Что жъ, дѣло хорошее, они съ нами вмѣстѣ насупротивъ нѣмца идутъ. А ужъ мы проберемся къ себѣ домой, тамъ и въ войска поступимъ,—рѣшительно махнулъ рукой русскій.

Задумался Матвѣй. Очень ему хотѣлось вмѣстѣ съ остальными русскими пробрался на родину, чтобы въ родныхъ рядахъ сражаться противъ врага, но пришлось остаться у англичанъ. А костро-

мичи нашли себѣ попутный пароходъ, который отправлялся въ Швецію, откуда они разсчитывали пробраться въ Россію.

Гдѣ теперь сержантъ Сидоровъ—Богъ вѣсть. Можно только поручиться, что онъ не посрамитъ имя русскаго, сражаясь въ рядахъ англійскихъ армій.

За крестомъ.

I.

Это было недавно, до взятія Львова, когда мы шли въ Галицію, чтобы отвоевать Червонную Русь, этотъ исконный русскій удѣлъ, изъ цѣпкихъ рукъ Габсбурговъ.

Вся Галиція была насквозь пропитана австрійской ложью. Наши враги всячески старались извратить факты, распространяли клеветническіе слухи о томъ, что русскіе никого не жалѣютъ и такъ же жестоко обращаются со своими братьями славянами, какъ съ нѣмцами и венграми.

Нѣмецкія газеты были переполнены этой преднамѣренной ложью.

Поусомнились въ правотѣ такихъ извѣстій наши галиційскіе братья, но ав-

стрійцы настаивали, что это правда, что русскія войска—это звѣри въ образѣ человѣческомъ, для которыхъ ничего нѣтъ святого, что они истребляютъ женщинъ и дѣтей съ жестокостью древнихъ скифовъ, а въ особенности, казаки!

Повѣрили или нѣтъ этимъ предвзятымъ, ложнымъ слухамъ наши славянскіе братья' но въ австрійскихъ полкахъ немало оказалось ихъ: волей неволей, имъ приходилось идти на насъ и становиться врагами русскихъ, сражаться съ нами.

Русскія войска только что вступили въ предѣлы Галиціи. Послѣ упорныхъ боевъ австрійская армія была отброшена назадъ, но развѣдочные отряды ея по прежнему приближались къ нашимъ воинскимъ частямъ, чтобы разузнать расположеніе, тревожить ихъ, не давать имъ покоя... И вотъ произошло слѣдующее...

II.

Расположился одинъ изъ русскихъ полковъ на опушкѣ небольшого лѣса. Впереди раскинулась привольная степь, пере-

межающаяся полосками засѣяннаго хлѣба, небольшими балками и ложками.

Минула спокойно ночь. Никто не тревожитъ передовой отрядъ, точно непріятель за тридесять земель удалился. Тишина стоитъ ненарушимая.

— Просто удивленіе даже,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ:—всю ночь проспали спокойно, ни выстрѣлами не пугали, ни шрапнелью пытались засыпать, чудеса какія-то!

— Подожди, дружокъ, это они хитрятъ... Вывѣдываютъ, пойдемъ-ли дальше,— отозвался другой офицеръ.—Вотъ смотри къ вечеру откуда-нибудь и появятся, чтобы каверзу сдѣлать.

— Да пусть появляются! Мы ихъ какъ должно встрѣтимъ, угостимъ на славу,—добродушно сказалъ первый.—А теперь пока спасибо и на томъ, что роздыхъ дали; для новой работы подкрѣпиться успѣли.

— О чемъ, господа, толкуете?—спросилъ подошедшій къ разговаривающимъ полковой священникъ, пожилой батюшка, съ темными каштановыми волосами, среди

которыхъ уже блестѣли серебряныя нити.

— Да такъ, батюшка, о томъ, о семъ. Вотъ, Семенъ Прокофьичъ дивится, что австріяковъ не видать, а я его утѣшаю, что не скучай, молъ, скоро придутъ.

Священникъ прислонилъ ладонь къ глазамъ, внимательно смотря на разстилавшуюся зеленую даль.

— Благодать-то какая! Словно у насъ на Руси: приволье, духъ ароматный отъ хлѣбовъ-то несется! Эхъ, коли благодать бы да миръ на землѣ всегда царили! Вотъ было-бы хорошо!

Батюшка въ эту минуту вспомнилъ объ оставленной имъ дома семьѣ, которую онъ, слѣдуя долгу каждаго русскаго, покинулъ, какъ только прозвучала призывная труба: началась великая война.

— Поди, погулять, отче, вамъ захотѣлось? — шутливо спросилъ первый офицеръ.—Вѣдь, вы любитель пошагать-то?

— Не устали развѣ, отецъ, вѣдь сколько ужъ прошли!

— Чего тутъ, отдохнулъ вдосталь. И впрямь, совѣтъ добрый мнѣ подаете, господа, пройтись теперь по полю хорош

Ишъ, какая благодать,—восхищался окружающимъ ихъ видомъ полковой священникъ.

— Ну, отче, гулять такъ гуляйте, да далеко не заходите, а то невзначай откуда австріяки наскачутъ, пропадете такъ, зря!

— Твори Господь Богъ волю свою! Чего имъ на меня нападать, безоружнаго? Сами увидятъ, въ какомъ я санѣ. Не тронутъ пастыря...

— Ну, отецъ, на это много не надѣйтесь! Еще, пожалуй, за шпіона сочтутъ, а тамъ у нихъ, вѣдь, расправа недолга, — предупредилъ священнослужителя второй офицеръ.

Но послѣдній, добродушно улыбнувшись, отрицательно махнулъ рукой и быстрыми шагами выбрался съ опушки лѣса на не широкую тропку, ведущую черезъ засѣянную полосу прямо въ цвѣтущую степь.

III.

Офицеры покачали головой, посмотрѣли другъ на друга, точно говоря:

«Младенецъ, только и можно сказать про него!»

— Въ такое-то время гулять вздумалъ! Эхъ, отецъ, отецъ!—подтвердилъ мысль товарища второй офицеръ.

Они присѣли на травѣ и стали разговаривать о тѣхъ, далекихъ, но милыхъ ихъ сердцу, оставленныхъ тамъ, на родинѣ, семьяхъ.

Все дальше и дальше удалялся отъ расположенія полка священникъ. Высокая фигура его все виднѣлась среди желтыхъ колосьевъ спѣлаго хлѣба, еще нѣсколько поворотовъ, должно быть — гуляющему встрѣтился на пути овражекъ—и батюшка исчезъ изъ виду.

Одинъ изъ офицеровъ окинулъ взглядомъ степь и съ изумленіемъ убѣдился въ въ исчезновеніе священника.

— Куда это онъ спрятался? наклонился что-ли, не видать больше!

— Скоро больно ходитъ, теперь простымъ глазомъ и не разсмотришь,—отозвался его товарищъ: — гдѣ мой бинокль то? Надо посмотрѣть...

Онъ вытащилъ изъ кобуры цейссовскій аппаратъ, приложилъ къ глазамъ, но на всемъ видимомъ пространствѣ фигуры священника нигдѣ не оказалось.

— Присѣлъ, должно быть, отдыхаетъ.

У ротнаго котла собралось нѣсколько офицеровъ; шли разговоры, толки, кто-то неожиданно замѣтилъ:

— А батюшка-то нашъ еще не вернулся... Какъ ушелъ гулять—точно сгинулъ.

— Далеко, должно, зашелъ, вернется еще.

— Ну, ну, Акимъ Михайловичъ, какъ еще ему это удастся,—скептически откликнулся пожилой капитанъ, — какъ бы его и впрямъ не сцапали австріяки-то!

Разговоръ перешелъ на интересующія всѣхъ близкія темы о непріятелѣ, о походѣ, объ отно́шеніяхъ галиційскихъ крестьянъ, съ которыми приходилось теперь уже не разъ встрѣчаться и разговаривать.

— Кто ихъ знаетъ, ласково-то ласково насъ принимаютъ, а должно быть, боятся: кой у которыхъ я страхъ въ глазахъ подмѣтилъ.

— Да какъ не боятся, коли всякихъ небылицъ про русскихъ имъ разсказывали, что мы чуть-ли не каждаго встрѣчнаго убиваемъ.

— Узнаютъ насъ поближе, тогда убѣдятся, что не обижать ихъ мы сюда пришли, а освободить отъ австрійскаго ярма, умиротворительно замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ подполковникъ.

Всѣ сразу замолкли и принялись съ аппетитомъ хлебать варево. Кругомъ было попрежнему спокойно.

IV.

О. Левъ, дѣйствительно, зашелъ неблизко. Онъ совсѣмъ забылъ, гдѣ находится, идетъ себѣ да тихонько ирмосы напѣваетъ. Настоящій поэтъ въ душѣ былъ батюшка. Къ миру, къ тишинѣ влеклось его сердце, военная гроза была ему чужда, всѣ его мысли были переполнены мольбами къ Творцу о ниспосланіи умиротворенія между людьми.

Забылся о. Левъ; ароматъ спѣющаго хлѣба кружилъ ему голову, голубое небо, склоняющееся къ вечеру солнце—радовали

его душу. Все существо его было наполнено благоговѣніемъ и необычайной тишиной.

Вотъ, уже миновали хлѣбныя полоски, кое-гдѣ кустарники повстрѣчались, степь измѣнила свой характеръ. Большой дубъ раскинулся, должно быть, много лѣтъ растетъ онъ здѣсь, дупло даже въ немъ немалое. Спокойно стоитъ старый великанъ.

Подошелъ о. Левъ къ дереву поближе, разсмотрѣть его хотѣлъ, шаловливая бѣлка вверхъ шурухнула, вѣткой хрустнула. Посмотрѣлъ на нее священникъ, улыбнулся, подумалъ:

«Ишь, Божья тварь, солнышку радуется веселится».

Онъ заложилъ руки за спину и продолжалъ свой путь, снова погрузившись въ мирныя думы.

— Стой куда идешъ! -- неожиданно остановилъ его громкій голосъ. Фраза была сказана по русски, съ небольшимъ акцентомъ.

Изумленно поднялъ священникъ голову оглянулся: изъ-за близъ стоящаго дерева на него уставилось дуло винтовки. Сразу

онъ не могъ сообразить, почему его такъ грубо спросили, и простодушно отвѣтилъ:

— Да такъ просто, гуляю.

— Вотъ, гуляка-то,—насмѣшливо прозвучалъ тотъ же голосъ и батюшка почувствовалъ, какъ его крѣпко схватили за обѣ руки.

Понять было не трудно: онъ былъ застигнутъ и захваченъ австрійцами.

Покорился своей участи священникъ и пошель вмѣстѣ съ двумя австрійскими солдатами, державшими весьма старательно своего плѣнника.

Они прошли нѣсколько саженъ и очутились въ небольшомъ ложку, самой природой скрытымъ отъ чужихъ глазъ густыми кустарниками.

Тутъ стояло нѣсколько коней. Кавалеристы, держа, ихъ за поводья, сидѣли на уступахъ овражка, готовые каждую минуту вспрыгнуть на сѣдла и умчаться.

— Съ добычей,—громко привѣтствовали прибывшихъ товарищей сидѣвшіе.—Попа захватили.

— Ну, добыча-то не важна! Вотъ, казака бы поймать, такъ у того повыпытали бы много чего, — съ сожалѣніемъ произнесъ одинъ изъ сидѣвшихъ.

— Ну, казака нѣтъ, такъ попъ намъ его замѣнитъ! Поди — не хуже знаетъ, гдѣ русскіе расположились,—проговорилъ усатый, загорѣлый, худощавый солдатъ, видимо, старшій.

Остальные относились къ нему съ почтеніемъ, но, судя по мундиру, онъ тоже былъ солдатъ, офицеровъ въ отрядѣ не замѣчалось.

— Что-жъ отвѣчай, попъ, мы спрашивать тебя будемъ,—послышалось строгое, рѣзкое приказаніе.

Не приглашая плѣннаго садиться, фельдфебель уставился глазами на него и строго спросилъ:

— Сколько русскихъ тутъ поблизости?

— Не знаю,—послѣдовалъ тихій отвѣтъ.

— Ну, не ври, съ ихъ стороны же шелъ! Поди, вывѣдать о нашихъ войскахъ хотѣлъ?

— Да говори же скорѣе, чего тянешь то? А иначе, по другому съ тобой заговорятъ,—горячо крикнулъ молодой солдатъ, хватаясь за рукоять сабли.

Спокойно посмотрѣлъ на него священникъ и тихо, спокойно, беззлобно спросилъ:

— Должно быть, вы славяне, что такъ хорошо по русски говорите?

— Прежде всего, мы подданные его Цесарскаго Величества, австрійскаго императора Франца-Іосифа, поспѣшилъ отвѣтить за молодого солдата фельдфебель.

— Такъ, такъ, а все же славяне. А вѣру какую держите? Католики или къ православной каѳолической церкви принадлежите?—спокойно продолжалъ разспросы плѣнный іерей.

Сильное смущеніе появилось на солдатскихъ лицахъ. Они замялись.

— Православные, — виновато произнесъ одинъ изъ нихъ, невольно потупивъ голову.

Это признаніе ободрило о. Льва.

V.

Онъ быстро скинулъ чрезъ голову серебряную цѣпь, на которой висѣлъ крестъ, и благоговѣйно осѣнилъ славянъ крестомъ.

— Осѣняю васъ крестомъ во имя Того, Который на немъ пострадалъ и пролилъ неповинную кровь Свою во спасеніе рода человѣческаго, — раздался увѣренный голосъ священника.

Невольное смущеніе овладѣло солдатами.

— Почто подняли оружіе противъ своихъ братьевъ, кровь проливаете неповинную? Развѣ это намъ заповѣдывалъ Христосъ? Вы такіе-же русскіе, какъ и мы, а между тѣмъ—идете на насъ съ оружіемъ. Вѣдь это братоубійство! Гдѣ вы слыхали, чтобы такое дѣйствіе было благословено Творцомъ.

— Ну, ну, попъ, не разглагольствуй много,—пытался прервать его рѣчь угрюмый фельдфебель:—а то иначе съ тобой заговоримъ.

— Не боюсь я васъ, ни сабель вашихъ, ни ружей! Я говорю истину, одну только правду—все больше и больше воодушевлялся проповѣдникъ.—Вы погрязли въ австрійской лжи, она васъ, какъ паутина, окутала, выхода вы не можете себѣ найти... Я не вѣрю, что бы братья могли ополчиться на братьевъ!

— А, пожалуй, вѣрно попъ-то говорилъ, — неожиданно раздался согласный голосъ одного изъ солдатъ, до сихъ поръ молчавшаго. — Вѣдь, здорово наврали намъ нѣмцы, чего-чего только не насказали!..

Почувствовавъ себѣ помощника, о. Левъ еще болѣе воодушевился. Въ немъ сказалось невольное вдохновеніе, онъ былъ объятъ этой минутой.

— Вотъ, вы сейчасъ грозите мнѣ оружіемъ. Ну, убивайте, но не забудьте, что, убивъ меня, вы совершите великій грѣхъ: вы убьете пастыря той же религіи, къ которой вы сами принадлежите. И за что? За то, что онъ вамъ хочетъ раскрыть глаза, указать неправду, творимую вами по наущенію враговъ славянства, нѣмцевъ.

Фельдфебель теперь уже ничего не возражалъ. Понуривъ голову, онъ вмѣстѣ съ остальными своими товарищами слушалъ проникновенныя слова іерея.

— Дѣти, дѣти, убѣдитесь, что вы заблуждаетесь, проникнитесь правдой, выйдите изъ этой паутины лжи! Не враги вамъ русскіе, а братья, ближніе, друзья! Они пришли васъ освободить отъ вѣковыхъ узъ, отъ тяжелаго ярма Габсбургскихъ цезарей. Вмѣсто того, чтобы биться съ русскими, отстаивать нѣмцевъ, вы должны съ нами соединиться, чтобы спасти свою родину, возстановить попранную православную церковь.

— Вѣрно, вѣрно!—слышались кругомъ отклики солдатъ.

Они уже прониклись словами проповѣдника и нетерпѣливо ожидали, что онъ еще скажетъ.

Это былъ какой-то источникъ живой воды, къ которому стремились прильнуть жаждущіе славяне.

— Вспомните про своего древняго князя Даніила. Вѣдь онъ былъ русскій, Галиція, Червонная Русь была его удѣ-

ломъ, край — былъ исконный русскій! Нѣмцы заставили васъ думать по-нѣмецки, но чувства вашего, русскаго, вашей родной крови заглушить не могли. Поймите, братья: насталъ часъ, когда ваша отторженная отъ своей матери—родины земля должна съ нею возсоединиться. Заблудшія чада православной церкви должны придти въ лоно ея и стать такими же ея чадами, какъ и мы всѣ!

Странную картину представлялъ изъ себя этотъ, расположенный въ степной лощинкѣ, военный отрядъ, темная фигура проповѣдника, восторженно призывавшаго галичанъ соединиться съ русскими...

На мгновеніе замолкъ его громкій голосъ, неожиданно водворилось чуткое молчаніе,—то молчаніе, которое лучше словъ проникаетъ глубоко въ человѣческое сердце и будитъ въ немъ незримыя струны.

— Батюшка,—нарушилъ тишину голосъ фельдфебеля:—научи насъ, какъ мы должны поступить?

Взоръ священника оживился и ярко загорѣлся.

— Что дѣлать, сынъ мой? Единый правильный путь для васъ всѣхъ, галичанъ—бросить оружіе и итти навстрѣчу русскимъ.

— А мы-то что должны дѣлать?— послышались голоса солдатъ, столпившихся вокругъ.

— Ступайте за мной!—звонко прозвучалъ голосъ о. Льва, и весь отрядъ, вскочивъ на коней, помѣстивъ священника на сѣдло къ одному изъ нихъ, быстро направился по направленію къ расположенію русскихъ.

Сумерки на югѣ коротки, а въ особенности въ августѣ. Смолянистая ночь недалеко: она притаилась тутъ, въ низинѣ, готовая каждое мгновеніе затянуть и небо и землю своимъ густымъ покровомъ.

— И впрямь, должно быть нашего отца-то Льва австріяки захватили,—проговорилъ одинъ изъ офицеровъ:— вѣдь, съ кой поры еще ушелъ гулять-то! А все еще нѣтъ.

— Да немало времени прошло... Поди, теперь часа четыре гуляетъ, — неопредѣленно отозвался на эти слова второй.

— Чуется мнѣ, что нашъ батюшка вернется, — замѣтилъ капитанъ: — вотъ, попомните мое слово, скоро вы его здѣсь увидите! Непремѣнно увидите...

На потемнѣвшемъ небѣ сразу вырѣзалась яркая звѣздочка, за ней блеснула другая, третья, ночь надвигалась, была совсѣмъ близко.

Въ сгущающихся сумеркахъ донесся конскій топотъ, металлическое бряцаніе. Сторожевые насторожились, приготовили ружья, по всей линіи пробѣжала, точно искра, неожиданная тревога.

— Вотъ, говорилъ, что не потревожатъ австріяки, — укоризненно протянулъ первый офицеръ,—а они тутъ, какъ тутъ!.. Слышишь, скачутъ.

Приближеніе отряда слышалось все ближе и ближе. Вотъ, уже они на разстояніи выстрѣла; скрытые пикеты окликнули подъѣзжающихъ, но не подняли тревоги. Все ближе и яснѣе слышится конскій топотъ.

— Готовься!—прозвучалъ чей-то приказъ.

— Стойте, стойте, свои!—послышался знакомый толось священника. Не стрѣляйте!

Стрѣлки, не выпуская ружейныхъ стволовъ, крѣпко прижавъ палецъ на собачку, ожидали новой команды.

Но ея не послѣдовало. Передъ линіей ружейныхъ дулъ появилась фигура полкового священника, за нимъ, въ недалекомъ разстояніи, спѣшился отрядъ.

— Это вы батюшка?—изумленно спросилъ подполковникъ.—Да, никакъ съ провожатыми?

— Я, заблудшихъ овецъ привелъ,—прозвучалъ восторженно въ темнотѣ голосъ о. Льва. — Примите ихъ въ свое стадо.

— Эй, ступайте сюда,—обернувшись, крикнулъ онъ стоявшимъ неподалеку галичанамъ.

Смущенно опустивъ головы, продвинулись къ русскимъ окопамъ галицкіе братья и послушно стали бросать свое оружіе у самыхъ ногъ полковника.

Похоронный маршъ.

Веселая жизнерадостная Шампань...

Такъ всегда именовалась бытописателями, романистами эта страна искристаго, неподдѣльнаго вина, неподдѣльнаго веселья, гдѣ люди и природа, какъ это вино, точно также шумливы, остроумны, жизнерадостны.

Но теперь... теперь—это страна печали, страна горя, страна разрушенія и могилъ...

Все пусто, все замерло.

Городомъ Эпернэ овладѣли нѣмцы. Какъ лавина, ворвались они туда. Запрудили всѣ улицы стариннаго франкскаго поселка, захватили заложниковъ и бросились по домамъ мирныхъ жителей, мародерствуя, грабя и разрушая.

И это были гвардейцы, это были пруссаки, о которыхъ кайзеръ такъ восторженно отзывался и ставилъ ихъ въ примѣръ остальнымъ войскамъ.

Тяжелая необходимость заставила бургомистра Поля Рожэ покориться врагу.

— Вы здѣсь, бургомистръ? — величественно глядя на француза, небрежно кинулъ ему генералъ фонъ-Плетенбергъ, входя въ старинное помѣщеніе ратуши.

Молча кивнулъ ему въ отвѣтъ представитель города.

— Хорошо. Вы должны выдать нашимъ солдатамъ всѣ продовольственные запасы немедленно, а также...

Генералъ на мгновеніе остановился, по лицу его пробѣжало сомнѣніе.

— Погреба ваши должны быть закрыты, иначе наши солдаты перепьются. Для меня отпустите триста бутылокъ лучшаго шампанскаго, а чтобы потомъ не сказали, что германцы берутъ даромъ, нате, возьмите.

И онъ небрежно вынулъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій.

Роже даже не взглянулъ на нихъ. Сумма была до смѣшного ничтожна. Фонъ-Платенбергъ сдѣлалъ только красивый жестъ.

— Больше вамъ ничего отъ меня не надо?—сдержанно спросилъ бургомистръ генерала.

— Нѣтъ, нужно, вы сами,—надменно кинулъ ему Платенбергъ: — не забудьте, съ этой минуты вы арестованы:

Бургомистръ, предчувствовавшій арестъ, пожалъ только плечами.

— Въ такомъ случаѣ вы можете распоряжаться сами, генералъ. Находясь подъ арестомъ, я лишенъ этой возможности.

— Да, мы безъ васъ распорядимся. Вы остаетесь здѣсь заложникомъ. Фонъ-Шварцбахъ! — позвалъ онъ адъютанта. Разузнайте, кто въ городѣ изъ болѣе вліятельныхъ лицъ, арестуйте еще одиннадцать человѣкъ и вмѣстѣ съ этимъ господиномъ,—кивая на Рожэ, продолжалъ нѣмецъ:—сведите ихъ въ штабную квартиру, знаете, здѣсь, въ домѣ фабриканта.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.

И адъютантъ вмѣстѣ съ плѣннымъ бургомистромъ вышелъ изъ комнаты.

II.

Въ мирномъ городѣ, еще недавно опрятномъ, порядочномъ, началось хозяйство пруссаковъ. Въ короткое время Эпернэ трудно было узнать. Разбитыя окна, вывороченныя двери, сорванныя вывѣски непріятно рѣзали глаза.

Слѣды солдатскихъ штыковъ, мѣстами и офицерскихъ сабель виднѣлись на тяжелыхъ замкахъ и другихъ запорахъ старинныхъ подваловъ съ шампанскимъ, которымъ, такъ славится этотъ городокъ.

Всѣ эти погреба были бы скоро опустошены, но почему-то командиръ гвардіи фонъ-Плетенбергъ строго запретилъ солдатамъ и офицерамъ грабить подвалы съ виномъ.

— Какъ же быть-то? Я ужасно хочу попробовать вина этихъ негодяевъ, — задорно говорилъ молодой щегловатый лейтенантъ своему товарищу.

— Если ты хочешь наткнуться на непріятность съ нашимъ командиромъ,

ломай этотъ замокъ,—насмѣшливо отозвался послѣдній, который тоже, видимо, былъ не прочь пригубить шипучей влаги.

— Знаешь, Оскаръ, я видалъ здѣсь магазинъ разныхъ металлическихъ вещей, дверь въ немъ выломана, пойдемъ отыщемъ тамъ отмычку и съ помощью ея откроемъ замокъ, тогда не будетъ факта взлома, а съ нимъ вмѣстѣ и нашей вины,— хитроумно придумалъ первый.

Раздобыть желанную отмычку было не трудно. Небольшой магазинъ металлическихъ вещей, дѣйствительно, оказался открытымъ. Оба пруссака вошли въ него и скоро отыскали жалаемое.

Офицеры снова отправились къ двери соблазнявшаго ихъ погреба и начали пытаться его открыть.

Переломавъ цѣлую связку отмычекъ, имъ удалось, наконецъ, напасть на одну, легко открывшую тяжелый замокъ, они отодвинули засовъ, и по узкой каменной лѣстницѣ, со стертыми отъ времени ступенями, гвардейцы-мародеры спустились внизъ. Тутъ они ужъ не церемонились и открыли другія двери.

Спертымъ запахомъ, напоеннымъ винным ароматомъ, дохнуло на нихъ обоихъ, когда они вошли въ самое святилище вина. Здѣсь было темно. Отыскать газовые рожки было не трудно, подвалъ освѣтился, и восхищеные взоры обоихъ пруссаковъ остановились на раскинувшихся по обѣимъ сторонамъ узкаго прохода проволочнымъ сѣткамъ, на которыхъ лежали бутылки съ дарами Шампани.

— Что жъ, мы будемъ пить здѣсь?

— Фи, это было бы глупо съ нашей стороны. Жалко, я не взялъ съ собой деньщика, онъ унесъ бы въ корзинѣ отсюда вино,—сожалѣлъ лейтенантъ.

Но корзинка нашлась здѣсь же и, уложивъ въ нее достаточное количество бутылокъ, оба пруссака, тяжело сгибаясь подъ пріятной ношей, заботливо потушивъ газъ, чтобы не оставить слѣда, стали выбираться изъ подвала.

У нихъ хватило терпѣнія закрыть даже двери, какъ было раньше, на замокъ. Они боялись, чтобы кто-нибудь изъ товарищей случайно не наткнулся на эту «сокро-

вищницу», дары которой они такъ легко сумѣли раздобыть.

III.

Нѣмцы предпріимчивы. Прошло нѣсколько часовъ послѣ того, какъ они вступили въ городъ, но, судя по раскраснѣвшимся веселымъ лицамъ солдатъ, можно было убѣдиться, что они уже познакомились съ дарами Бахуса.

Это было не трудно: въ темныхъ улицахъ находилось немало подваловъ съ виномъ, гдѣ надзоръ не былъ такъ строгъ, и германскіе солдаты, истомленные отъ голода, начали въ нихъ хозяйничать.

— Какъ же мы будемъ пить вино? А ѣсть что?—недоумѣвалъ поблѣднѣвшій отъ послѣднихъ тяжелыхъ дней крѣпкій пруссакъ.

Товарищи его, приступившіе уже было къ питью, тоже задумались.

— И правда, надо впередъ чего-нибудь поѣсть, а на голодный желудокъ пить нельзя, сразу опьянѣешь!

— Я видѣлъ тутъ въ одной булочной сухари, сейчасъ сбѣгаю, принесу, прія-

тели,—предложилъ кто-то изъ пирующей компаніи.

Нѣсколько времени спустя, онъ уже вернулся, притащивъ съ собою корзинку сухарей и какой-то боченокъ.

— Ну, друзья, раздобылъ я не только сухари, но и масло!

— Ловкій ты человѣкъ, Шульцъ, благодаримъ!—отозвались солдаты, продолжавшіе сидѣть въ темнотѣ.

Захрустѣли сухари, ихъ опускали въ боченокъ съ масломъ и аппетитно чавкали. Голодный желудокъ сказывался. Пруссаки были рады, что добрались до ѣды. Отбивали горлышко и пили шампанское прямо изъ бутылокъ, находить стаканы—гдѣ тутъ было!

Пользуясь тишиной, отсутствіемъ начальства, нѣмцы долго продолжали свое пиршество, отяжелѣла голова послѣ громаднаго количества выпитаго шампанскаго и всѣ питухи уснули крѣпкимъ сномъ тамъ, гдѣ находились.

Въ погребѣ ихъ набралось человѣкъ тридцать.

Широко распахнутыя двери уединеннаго подвала невольно привлекали другихъ солдатъ и число посѣтителей увеличивалось все больше и больше.

Богатый подвалъ подвергся страшному опустошенію. Повсюду лежали разбитыя бутылки, между ними валялись тѣла пьяныхъ нѣмцевъ.

Наступилъ вечеръ и въ подвалъ, какъ тѣнь, промелькнула фигурка дѣвочки. Точно мышонокъ, знающій всѣ закоулки, она проскользнула внизъ, сбѣжала по ступенямъ и испуганно прижалась къ стѣнѣ, услышавъ доносящееся со всѣхъ сторонъ храпѣніе.

Минута раздумья, и маленькая француженка стрѣлой помчалась наверхъ. Въ дѣтской головкѣ назрѣвалъ планъ.

Отыскать одну изъ своихъ подругъ, такого же подростка, какъ она сама, было не трудно.

— Режинъ, тамъ въ погребѣ лежатъ пьяные нѣмцы, ахъ, какъ я бы желала отомстить имъ за Францію. Но, что я могу сдѣлать!

Вторая дѣвушка, постарше судорожно сжала руки подруги и шопотомъ промолвила:

— Пойдемъ туда, я придумала.

Обѣ дѣвочки снова скользнули безшумно въ черную пасть виннаго подвала, въ немъ все оставалось по прежнему.

Пьяные пруссаки храпѣли еще громче.

Режина подбѣжала къ газовому рожку и повернула винтикъ. Глядя на подругу, примѣру послѣдовала и другая дѣвочка. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ всѣ газовые рожки были открыты и ядовитыя струйки находившагося въ плѣну газа, шипя, поползли изъ отверстія, наполняя подвалъ своимъ удушливымъ дыханіемъ.

Дѣвочки поспѣшно выбѣжали вонъ и плотно закрыли всѣ двери въ подвалъ.

Темнота улицъ поглотила бѣглянокъ.

IV.

Всѣ двѣнадцать заложниковъ томились, запертые въ одной изъ комнатъ квартиры фабриканта шеколада. Тутъ же рядомъ, въ большой залѣ помѣщалось нѣсколько нѣмецкихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ

находились и оба вчерашніе лакомки, навѣщавшіе одинъ изъ лучшихъ погребовъ города.

Командующій гвардіей, фонъ-Плетенбергъ отсутствовалъ.

— Что мы будемъ дѣлать съ этими свиньями, французами?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ, указывая на сосѣднюю комнату, гдѣ находились заложники.

— Какъ что? — усмѣхнулся широкоплечій, рыжій адъютантъ:—мы ихъ разстрѣляемъ, вотъ и все.

— Чтобы разстрѣлять, нужно найти причину,—послышался чей-то голосъ изъ офицеровъ.—А до сихъ поръ въ городѣ не было никакихъ непріязненныхъ дѣйствій противъ насъ.

— Найдутся, только поискать, а то не трудно ихъ и придумать! Я выйду вотъ на улицу и выстрѣлю изъ револьвера, а затѣмъ скажу, что въ меня стрѣляли, этого вполнѣ достаточно, чтобы развязаться съ ними,—смѣясь, сообщилъ свой планъ одинъ изъ вчерашнихъ мародеровъ.

— Ну, ну, Юстусъ, ты, кажется, слишкомъ много на себя берешь, впрочемъ, отъ

тебя всего можно ожидать,—отозвался рыжій офицеръ.

— Не Юстусъ, такъ я сумѣю найти способъ,—хвастливо проговорилъ Оскаръ.—Хотите, я сейчасъ это сдѣлаю? Здѣсь стоитъ превосходный рояль, я вамъ покажу!

И лейтенантъ, подойдя къ инструменту, сѣлъ и заигралъ нѣмецкую пѣсню, и запѣлъ.

Пѣсня была цинично-грязная и состояла изъ хвастливыхъ ругательствъ по отношенію къ Франціи, но находившіеся въ сосѣдней комнатѣ плѣнники упорно молчали.

— Перестань, какъ тебѣ не стыдно! снова послышался чей-то голосъ.

Вошедшій въ комнату Платенбергъ изумленно остановился на порогѣ и громко крикнулъ:

— Что это за безобразіе, господа офицеры, вы тутъ забавляетесь музыкой и не знаете, что нѣсколько десятковъ нашихъ солдатъ измѣннически умерщвлены!

Музыка сразу оборвалась. Офицеры вскочили и насторожились. Прерывистымъ отъ волненія голосомъ Платенбергъ разска-

залъ имъ о томъ, какъ погибли нѣмецкіе солдаты, попавшіеся въ погребъ и задушенные тамъ газомъ. Онъ не сталъ выяснять причину, почему нѣмцы находились тамъ и вылилъ все негодованіе на предательство французовъ.

— Нужно, ихъ строго за это наказать, закончилъ онъ свой разсказъ.

— Ваше превосходительство, здѣсь находятся заложники,—выскочилъ Юстусъ.

Ему представлялся прекрасный случай исполненія задуманнаго плана покончить съ ненавистными французами.

— Ахъ да, я и забылъ! Хорошо! Завтра мы ихъ разстрѣляемъ.

— Къ чему же медлить, ваше превосходительство, они только для насъ обуза, занимаютъ комнату, это можно сдѣлать сейчасъ!—въ свою очередь высказался Оскаръ.

— Хорошо, сдѣлайте распоряженіе, мнѣ сейчасъ некогда. Господа, идемте за мною, а вы, лейтенантъ, приведите въ исполненіе мой приказъ!—обратился онъ къ Оскару.

Черезъ нѣсколько времени вызванный для экзекуціи французскихъ заложниковъ

отрядъ солдатъ находился уже подъ окнами богатаго особняка фабриканта. Два часовыхъ, приставленные у дверей комнаты, ожидали приказа вывести французовъ во дворъ.

— Господа, я не хочу, чтобы вы умирали, не послушавъ надлежащей музыки,— протянулъ лейтенантъ, входя къ осужденнымъ.

— Вотъ взгляните, на дворѣ наши солдаты уже совершенно готовы оказать вамъ послѣднюю услугу, но я все-таки желаю васъ напутствовать хоть музыкой, такъ какъ представители вашей религіи отсутствуютъ.

Оскаръ, дѣлая серьезный видъ, подошелъ къ роялю, опустился на стулъ и еще разъ заявилъ:

— Теперь, господа, вниманіе! Я играю очень недурно и моя музыка какъ разъ подходитъ къ случаю: Вы не можете сказать, что вамъ не было оказано военныхъ почестей!

И роскошный залъ фабриканта огласился мрачными аккордами похороннаго марша Шопена...

Въ бабьемъ плѣну.

Погожее лѣто выдалось нынѣшній годъ, ведряное. Хоть и прорывалось оно дождиками, но теплыми, обильными и короткими.

Хлѣба поднялись чуть не въ ростъ человѣка, зерно точно наливное хорошо высохло, колосъ звенѣть сталъ. Чуть вѣтеркомъ повѣетъ, вся нива зашумитъ, золотомъ отольется.

Истинно,—золото народное, хлѣбъ батюшка!

Жнитва въ полномъ ходу.

Къ полдню время подошло, ишь солнышко-то на небѣ прямо надъ головами стоитъ, такъ и жжетъ, золотые лучи, какъ дождемъ, спины работницъ обливаютъ.

Еще тяжелѣе стало работать, зной одолѣваетъ, огнемъ палитъ. Босыя ноги всѣ исколоты твердой соломой, руки намозолились, а никто изъ бабъ вздоха тяжелаго не издастъ, слова жалобнаго не скажетъ. Всѣмъ обществомъ работаютъ, одна за другую.

Много ужъ работы надѣлали, хлѣба посняли.

Ребятки съ деревни къ матерямъ и къ сестрамъ прибѣжали, тоже кой-что помогаютъ, таскаютъ слабыя дѣтскія руки снопы, осторожно волочатъ, чтобы зерно не опало, урону не было.

Весь загорѣвшій отъ солнца Грицко, сынъ вдовы Федоски, около матери вертится, зерна упавшія бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами перекусываетъ, жуетъ...

— Сыночекъ милый, негоже зернышки жевать, смотри, какъ бы въ горлышкѣ не застряли, — предупреждаетъ его женщина,—лучше поди, принеси мнѣ кувшинъ водицы да похолоднѣй, въ родничкѣ зачерпни, а не изъ кадки наливай, тамъ теплая.

Послушно побѣжалъ мальченка къ деревнѣ, захвативъ съ собой кувшинъ.

Вѣдомо ему, что знойно, нелегка работа у родимой, облегчить ее нужно, водой освѣжить.

Зачерпнулъ кувшинокъ, да не спѣша назадъ возвращается, чтобы не расплескать, лишнюю каплю не потерять. Хоть и самому жарко, залыхался, а пить изъ кувшина не рѣшается, думаетъ:

«Пусть больше мамкѣ останется, ишь, она съ кой поры работаетъ, спину гнетъ».

Ужъ близко поле, вонъ и мамкинъ красный платъ на головѣ виднѣется.

Что-то въ вышинѣ затрещало, словно большой журавль на ходу клювомъ застучалъ.

Вскинулись зоркіе глазенки Грицка къ небу и широко раскрылись.

Журавль не журавль летитъ, а что-то большое шумитъ, съ крыльями.

Приглядѣлся, какъ будто кто тамъ изъ людей сидитъ, вонъ и ноги виднѣются.

Екнуло сердце у мальчонки, на чорта подумалъ, да вспомнилъ, что бѣсамъ воли не дано днемъ появляться, народъ честной смущать.

А тотъ все ниже.

Крикнулъ Грицко, присѣлъ и, какъ стрѣла, пустился къ работающимъ бабамъ.

— Тетка Параська,—визгливо крикнулъ онъ одной изъ бабъ, работавшей недалеко отъ матери,—чортъ летитъ! вонъ спускается!

— Ну, что-ты тамъ глупости выдумалъ, парнишка, не мѣшай работать!—сердито огрызнулась баба.

— Мамонька, глянь-ко, глянь-ко, вонъ онъ сейчасъ на Петрусову межу сѣсть норовитъ! — снова раздался крикъ мальчика.

Всполошились бабы, головы обернули, на диковинную машину смотрятъ, что къ нимъ спускается, дивуются. Фроська даже хихикнула.

— Ишь, черти какіе, по воздуху летать вздумали!—да сейчасъ опамятовалась, въ руки себя взяла, смѣшекъ затаила, къ ста́ршой тихохонько подбѣжала, на ухо ей шепчетъ:

— Тетенька, милая, нѣмецъ-супостатъ здѣсь, ишь, налетѣлъ, поджигать деревню, должно, хочетъ.

Степенно обернулась Марица, посмотрѣла на спускавшійся аэропланъ, брови насупила, складки по лбу волной разбѣжались, рукой сосѣдокъ бабъ къ себѣ поманила, также шопотомъ имъ сказываетъ:

— А, ну, бабочки, смекается мнѣ, что и впрямь нѣмецъ сюда залетѣлъ, кружкомъ то его оберните, авось, спугнемъ.

— Чего тутъ, тетенька, его спугивать,—вмѣшалась снова Фроська,—подберемтесь-ка дружнѣе да и возьмемтесь за него.

Испугались бабы такого смѣлаго предложенія дѣвушки, да сейчасъ же въ себя пришли, куда оторопь вся пропала. Лица даже просіяли.

— И впрямь Фроська дѣло говоритъ, а ну-ка, дѣвоньки, посмѣлѣе.

Точно стая разноцвѣтныхъ птицъ, налетѣлись бабы на аэропланъ, къ самому ему не подошли, боязливо что-то, шагахъ въ десяти остановились.

Двое летчиковъ съ машиной справляются, одинъ еще сидитъ, а другой уже на поле выпрыгнулъ, аэропланъ осматриваетъ, нѣтъ ли въ немъ какой неисправности.

Подбѣжавшихъ бабъ сейчасъ замѣтили, къ себѣ манятъ.

Замѣшкались тѣ. Только Фроська впередъ вышла, къ нѣмцамъ приблизилась.

Книжечку вытащилъ одинъ изъ летчиковъ и ломанымъ русскимъ языкомъ спрашивать началъ: какъ деревню зовутъ, есть ли въ ней казаки, много ли мужиковъ осталось, гдѣ войска стоятъ.

Смекаетъ дѣвушка, къ чему онъ ей эти вопросы задаетъ, въ умѣ придумываетъ, что отвѣтить. Богъ разумомъ ее не обидѣлъ.

— Антиресно тебѣ, господинъ, знать, должно-быть, все это?—задала она наивный вопросъ, а сама глазъ съ обоихъ нѣмцевъ не спускаетъ.

Пучитъ нѣмецъ голубые глаза, не можетъ понять, что она ему говоритъ, а понять хочетъ.

— Козакенъ, козакенъ?—бормочетъ онъ и для большаго пониманія вытягиваетъ руку, чтобы напомнить о пикѣ.

Усмѣхнулась Фроська.

— Ишь ты, какой любопытный господинъ! У насъ тутъ дѣвушки больше, а

казаки тамъ,—неопредѣленно указываетъ она руками въ другую сторону и чуть замѣтно киваетъ бабамъ головой, чтобы тѣ подходили.

— Тамъ? — повторяетъ ея слова летчикъ и передаетъ по-нѣмецки полученный отвѣтъ своему товарищу.

Тотъ продолжаетъ копошиться съ машиной и въ свою очередь кидаетъ бабамъ, подошедшимъ вплотную къ аэроплану, вопросъ:

— Бензинъ?

Бабы не понимаютъ этого вопроса и уже совсѣмъ близко придвинулись къ крыльямъ.

Подошла и тетка Марица, съ нею рядомъ стоитъ и грузная Ониска.

— А ну, съ Богомъ, понавались, дѣвоньки,—слышится голосъ Фроськи. Она говоритъ это, не оборачиваясь къ бабамъ, но тѣ уловили ея приказаніе, и, какъ шмели, набросились на обоихъ летчиковъ. Хлопотавшаго около машины нѣмца онѣ сейчасъ же схватили, не дали ему даже выхватить руки. Съ другимъ пришлось повозиться. Удалось ему вытащить изъ

кармана браунингъ, грозиться онъ имъ пробовалъ, даже стрѣльнулъ одинъ разъ, во-время только Ониска его подъ локоть ударила, пуля къ верху пролетѣла. Тутъ его и обработали бабы. Сами держатъ, свободы обоимъ нѣмцамъ не даютъ, а ужъ на село другихъ товарокъ своихъ посылаютъ.

— Добѣги, Ольгуша, до нашихъ, пусть придутъ сюда, веревокъ принесутъ, свяжемъ непрошенныхъ гостей, нечего имъ тутъ кичиться.

Видятъ нѣмцы, что плохо, пытаются бабъ уговорить, на плохомъ русскомъ языкѣ деньги имъ сулятъ, а когда тѣ смѣхомъ имъ на это отвѣтили, грозиться стали, кайзера поминаютъ.

Не поддаются ихъ уговорамъ бабы, точно клещами вцѣпились, народъ крѣпкій, дюжій, на родномъ хлѣбушкѣ расли, зныку нѣмцамъ не даютъ, потомъ тѣ обливаются, а высвободиться не могутъ. Только другъ съ другомъ переговариваются, да проклятія русскимъ шлютъ.

— Вонъ и наши бѣгутъ,—весело крикнула Ониска, замѣтивъ бѣжавшихъ отъ деревни нѣсколькихъ мужиковъ,

Подбѣжали. Хоть и старый все народъ, а ничего, обработали какъ слѣдуетъ нѣмцевъ, какъ ребятъ малыхъ веревками перевязали, а тамъ и въ деревню погнали.

Не знаютъ только, что теперь съ машиной дѣлать, какъ съ ней быть. Потащили такъ, благо по полю, на колесахъ ровно катится.

Тутъ кстати и урядникъ привернулся.

Плѣнныхъ велѣлъ на телѣгу посадить и въ городъ отправить. Оба австрійскими офицерами оказались. На другую подводу взвалили осторожно и машину, чтобы не поломать. Все въ городъ въ порядкѣ доставили.

А бабамъ благодарность отъ начальства вышла: пусть онѣ и напредь такихъ заморскихъ птицъ побольше ловятъ, спасибо имъ большое за это отъ родины будетъ.

Вотъ, какъ поймали бабы двухъ нѣмецкихъ летчиковъ недавней порой.

Внѣ человѣческаго познанія...

I.

Въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Москву, лѣтъ 10-12 тому назадъ, мы направились съ однимъ моимъ пріятелемъ скульпторомъ подъ Сухаревку.

— Ты только посмотри на наше торжество, прямо диву дашься, чего, чего только тамъ нѣтъ,--объяснялъ мнѣ пріятель.

Въ то время трамваи еще не перерѣзывали эту мѣстность, и воскресные торговцы покрывали все пространство Сухаревской башни своими животрепещущими лотками и балаганчиками.

— Прежде всего пойдемъ побродить по старьевщикамъ и букинистамъ, у нихъ много чего попадается интереснаго,— предложилъ спутникъ.

Зимній день коротокъ. Мы вышли изъ дома послѣ поздняго завтрака, свѣту оставалось мало, а вечеромъ весь торгъ подъ Срхаревкой прекращался. Погода въ концѣ ноября стояла убійственная: мокрый снѣгъ валилъ хлопьями, вездѣ лужи, грязь.

Бродить долго намъ не пришлось.

— Эхъ, незадача!—вырвалось у Сергѣя Ммхайловича.—Ну, что-жъ, пойдемъ прямо къ Меркулычу, у него поглядимъ, пороемся, да и къ домамъ!

Меркулычъ... Кто не зналъ въ то время Ивана Меркулыча, букиниста-старьевщика!

Чистенькій старичекъ, съ румянымъ, еще моложавымъ, лицомъ, затуманенными отъ лѣтъ голубыми глазами, съ круглой сѣдой бородой и бѣлыми, густыми еще волосами, тоже немного пожелтѣвшими отъ времени, Меркулычъ производилъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе. Тулупчикъ на лисьихъ бедеркахъ, крытый темносѣрымъ камлотомъ, небольшой картузикъ на головѣ и крѣпкіе, хорошо подшитые кожей, валенки составляли его одежду.

— Меркулычу наше почтеніе! —шутливо привѣтствовалъ торговца мой спутникъ, протягивая ему руку.

— Батюшка, Сергѣй Михайловичъ, что долго не навѣдывался? Ужъ я по вашей милости и впрямь заскучалъ!— отозвался въ отвѣтъ старикъ.

Привѣтливая улыбка обнажила его крѣпкіе, еще бѣлые зубы. Глаза въ большихъ серебряныхъ очкахъ смотрѣли дружелюбно.

— Ну, показывай, Меркулычъ, что новаго есть, чѣмъ хвастать будешь!

— Что новаго-то у меня спрашиваете, коль мы старьемъ торгуемъ! Оно, положимъ, и старенькое бываетъ новенькимъ, да я этимъ дѣломъ не занимаюсь, не пристало мнѣ въ мои годы баловство заводить! Пусть молодые шингарятъ и людей обманываютъ! Вотъ, смотрите сами: есть пара подсвѣчниковъ бронзовыхъ, принесъ мнѣ одинъ человѣкъ, сказывалъ, что послѣ Наполеона въ утайкѣ были, а потомъ нашлись въ сараѣ у одного барина!

Сергѣй Михаиловичъ съ видомъ знатока осмотрѣлъ старинную бронзу, зачѣмъ-то прикусилъ ее, стеръ большимъ пальцемъ въ одномъ мѣстѣ зелень, позвонилъ и поставилъ на мѣсто.

— Подсвѣчники-то правильные, настоящіе того времени, только рисунокъ мнѣ не нравится; а больше ничего, Меркулычъ, не имѣется для меня подходящаго?

— Какъ будто что-то есть, да сюда не вынесъ, самъ видишь, какая погода, хорошую вещь жаль портить!

— Посмотрѣть-бы въ самомъ дѣлѣ,— заинтересовался любитель.

— Ишь ты какой, посмотрѣть! Что-жъ, вотъ сейчасъ закрываться, должно, надо, какая теперь торговля, я мальченкѣ скажу, чтобъ собираться началъ.

— Въ трактиръ что-ль, попить подъ машину чайку пойдемъ?

Задумался на минуту старьевщикъ.

— Знаешь что, Сергѣй Михайловичъ, неспособно это дѣло для меня, пойми, нонѣ Рождественскій постъ, съ сахаромъ я чай не пью, а потомъ одинъ человѣчекъ нуж-

ный прибѣжать ко мнѣ, какъ посумничаетъ, обѣщалъ. Лучше пойдемъ съ твоимъ пріятелемъ ко мнѣ, я васъ чаемъ хорошимъ напою, у меня доброжелатель отъ Зензинова достаетъ, похвалиться могу.

— Пожалуй что и такъ, пойдемъ,— не спрашивая моего согласія, — отвѣтилъ скульпторъ.

Немного спустя, ларекъ былъ собранъ, его отодвинули въ сторону, и мы всѣ отправились въ одинъ изъ ближнихъ переулковъ, выходящихъ на Срѣтенку.

II.

На заднемъ дворѣ, въ самомъ углу, мы поднялись по темной лѣстницѣ и черезъ обитую клеенкой дверь вошли въ жилище букиниста.

Невелико оно, всего двѣ комнатки, да кухня, въ которой копошилась стряпка едва-ли моложе своего хозяина.

Я оглядѣлся: та же аккуратность и чистота, которыя замѣчались во всей фигурѣ Меркулыча, царили и здѣсь. Крашеные полы блестѣли, черезъ нихъ тянулась холщевая дорожка, всѣ стѣны были

заставлены книгами, повсюду тянулись полки, какіе-то ящики.

Въ первой комнаткѣ—зальцѣ, на небольшомъ столикѣ у дивана скоро зашумѣлъ самоваръ, хозяинъ копошился, доставая изъ китайскаго ящика чай, а старуха зажигала висячую лампу. Вторая комнатка, въ которую мнѣ удалось заглянуть, была заставлена различными бронзовыми вещами. Попадался и фарфоръ, но рѣже. За невысокой ширмой стояла чисто убранная кровать хозяина, въ углу старинный кіотъ изъ краснаго дерева, передъ которымъ, въ затѣйливомъ паникадилѣ венеціанской работы, теплилась лампада.

Въ первой комнатѣ, вѣроятно, изъ опасенія пожара, у образа она отсутствовала.

— Любопытствуете, господинъ почтенный?—мягкимъ теноромъ протянулъ Меркулычъ, замѣтивъ, что я разглядываю его жилище. — Что-жъ, посмотрите, узоровъ особыхъ не имѣется, а все-жъ живемъ въ достаткѣ, тихо, по Божьему велѣнію. Я вѣдь только такъ, по старой привычкѣ въ

воскресъ-день подъ Сухаревку выбираюсь, а то больше дома сижу. И годы не тѣ, да и что зря здоровье свое расходовать.

— А много тебѣ лѣтъ, Иванъ Меркулычъ? — неожиданно спросилъ скульпторъ.

— Да какъ вамъ сказать, въ точку я и самъ не помню, а должно быть, за семьдесятъ слишкомъ перевалило, вѣдь я помню, какъ государь Александръ второй короноваться сюда пріѣзжалъ, а Николая Павловича видѣлъ, обликъ его все же запамятовалъ.

Старикъ заварилъ чайникъ и поставилъ его подъ салфетку.

— Хорошій чай не нужно на самоваръ ставить, а пусть онъ самъ, въ своемъ духу, разопрѣетъ.

— Самъ ходишь что-ль по давальцамъ? Или они за тобой присылаютъ?—любопытствовалъ мой пріятель.

Легкая усмѣшка промелькнула около губъ хозяина.

— Ахъ ты, другъ ты мой любезный, старъ я для того, чтобъ ноги свои трудить, да и молодъ когда былъ, давальцы

ко мнѣ ѣздили. И Петръ Ивановичъ за старинкой наѣзжалъ, да и Алексѣй Алексѣевичъ, тогда еще молодымъ человѣкомъ былъ, какую-нибудь театральную вещицу пріѣзжалъ ко мнѣ отыскивать.

Я вопросительно посмотрѣлъ на говорившаго.

— Это намъ, москвичамъ, понятно, а для васъ, петербуржцевъ, все это чужіе люди; первое имя, которое Меркулычъ назвалъ,—это Щукинъ, владѣлецъ большого музея въ Грузинахъ, а второй Бахрушинъ, извѣстный любитель театра,— пояснилъ мнѣ скульпторъ.

— Былъ у меня однажды одинъ человѣкъ, вельможа, можно сказать, покойный князь Лобановъ-Ростовскій, за двумя бумажками ко мнѣ пріѣзжалъ, вотъ здѣсь, гдѣ вы изволите сидѣть, сидѣлъ, а я подаль стоялъ, онъ бумажки такъ и сякъ разсматриваетъ, читаетъ, а потомъ говоритъ?

— Знаешь ли ты, Меркулычъ, что эти двѣ бумажки стоятъ?

Какъ было мнѣ не знать: мы на этомъ дѣлѣ сызмальства, насквозь все видимъ. Зналъ хорошо, а все-жъ послукавилъ:

— Гдѣ, молъ, намъ вѣдомо, ваше сіятельство, маленькіе люди.

Усмѣшечкой его губы такъ и затрепетали.

— Вотъ, говоритъ, на вѣсы, положи эти двѣ бумажонки, а на другую чашку брилліантовъ насыпь, вотъ имъ цѣна какая!

— Что жъ ты брилліанты-то, Иванъ Меркулычъ, взялъ, что-ль? — подтрунилъ скульпторъ.

— Взялъ я то, что мнѣ самому эти бумажонки стоили, да десять процентовъ за комиссію накинулъ, вотъ и вся моя цѣна была. Не грабитель я, въ самомъ дѣлѣ, что ты думаешь,—возмутился старикъ.—Знаешь меня съ коихъ поръ, а какую каверзу въ умѣ держишь.

Стали пить чай. Хорошій чай, лянсинъ настоящій! Въ точеномъ бурачкѣ медъ поставилъ хозяинъ, душистый, настоящій самотекъ, за свѣжими баранками Сенька мальчишка сбѣгалъ, настоящій пиръ устроили, сидимъ, толкуемъ и о времени забыли.

Ужъ больно уютно было въ комнаткахъ старика.

III.

Всѣ вещички, о которыхъ онъ говорилъ Сергѣю Михайковичу, осмотрѣли, но купить, ничего не купили.

Я самъ не считаю себя знатокомъ старыхъ вещей, меня больше заинтересовали книги, разсматривалъ я по полкамъ, много чего интереснаго отыскалось.

Одну книжку принесъ я къ столу. Искоса посмотрѣлъ на нее хозяинъ.

— Вижу, знаете толкъ въ книжонкахъ-то, «Панселвина» или «Духа тьмы» вытащили,—указалъ онъ мнѣ на книжку и прибавилъ:—Рѣдкая одно время книжонка была, памфлетъ на свѣтлѣйшаго князя Потемкина осуществляетъ. Теперь много экземпляровъ ея отыскалось, а раньше сто цѣлковыхъ за книжку платили.

— Нѣтъ ли, въ самомъ дѣлѣ, чего нибудь у васъ рѣдкаго, интереснаго, порадуйте, покажите,—обратился я къ нему съ просьбой.

На гладкомъ лбу старика пробѣжали волною складки.

— Есть одна книжонка, рѣдкая, годовъ-то ей не особенно много, а только это единственный экземпляръ остался...

— А ну, хвастай, Меркулычъ!—пріятельски приказалъ Сергѣй Михайловичъ.

Меркулычъ степенно прошелъ во вторую комнату, открылъ деревянный ящикъ, вродѣ тѣхъ, въ которыхъ возятъ развѣшанный чай, порылся и, немного спустя, принесъ намъ небольшую книжку.

— Не угодно ли, полюбопытствуйте, господа, я любителямъ не прещу, пусть каждый знаетъ, какія у меня рѣдкости обрѣтаются!

Я взялъ книжку. Переплетъ на ней былъ кожаный, мѣстами проточенный усердными червями. На корешкѣ наклеенъ кусочекъ зеленаго сафьяна, на которомъ стояло названіе.

— Вертоградъ Струйный, — прочиталъ я.

На первомъ листѣ синеватой толстой, шероховатой бумаги стояло то же самое названіе, внизу, ниже фронтесписа, было напечатано: «Львовъ», еще ниже «Друкарня Подповича» и годъ изданія.

Не скажу, чтобъ меня очень заинтересовала книга, обыкновенный альманахъ того времени. Въ немъ было не больше пяти-шести листовъ.

Я небрежно перелистывалъ страницы, онѣ были довольно свѣжи. Видно, что никто не читалъ этой книги.

— Поди, непонятно вамъ, почему я этой книжечкой хвалюсь, а вотъ вы на послѣднемъ листикѣ извольте прочесть, и тогда вамъ все яснѣе яснаго станетъ,— послышался голосъ Меркулыча.

Я поспѣшно открылъ указанную страницу; выцвѣтшими чернилами на ней стояло:

«Сія книга чрезвычайно рѣдкостная, можно сказать, единственная, ибо остальныя, выпущенныя совмѣстно съ нею, уничтожены. По приказу Цесарскаго правительства книжица сія рукою палача сожжена на городской площади во Львовѣ».

Затѣмъ добавлено:

«См. стр. 29 и каждому читающему ясно станетъ, почему цесарцы уничтожили сей Вертоградъ Струйный».

Иванъ Меркулычъ, внимательно слѣдившій за выраженіемъ моего лица, когда я читалъ эти строки, поспѣшно проговорилъ:

— Изволили прочесть, государь милостивый, теперь прошу страничку указанную посмотрѣть и тогда вполнѣ убѣдитесь, что сія книга чрезвычайно рѣдкостная и достойна большого вниманія... Позвольте, однако — остановилъ онъ меня,—на послѣднемъ листкѣ, вотъ здѣсь, у переплета еще одно указаніе имѣется, напервое и его глазомъ прокиньте.

Я исполнилъ его желаніе и прочиталъ:

«Книжицу сію раздобылъ мнѣ дворовый человѣкъ моего брата, Ивана Петровича, Афанасій Гусакъ. Онъ проживалъ нѣкое время во Львовѣ и таможды гдѣ-то разыскалъ ее».

— А я пріобрѣлъ ее, господинъ, отъ какого-то несуразнаго человѣка, принесъ онъ мнѣ на продажу всякую книжную рухлядь; исторію—аббата Мильтона, старинныя Екатерининскія руководства къ ариѳметикѣ и другія малоцѣнныя книжонки, межъ ними и эта отыскалась.

— Сколько же бы за нее заплатили?

— Что-то не запомню хорошо, а, должно быть, за все гривенъ сорокъ отдалъ,—уклончиво отвѣтилъ букинистъ и прибавилъ:—Да вы теперь прочитайте ту статейку-то, на которую указано.

IV.

Бережно, мягкимъ карандашомъ была очерчена часть указанной страницы. На полѣ стояли вопросительный и восклицательный знаки. Старинныя буквы рѣзко пробили синеватую толстую бумагу, замѣтно было, что это одинъ изъ первыхъ экземпляровъ. Шрифтъ былъ не сбитъ.

«Не должно кичиться ни родомъ высокимъ, ни богатствомъ пріобрѣтеннымъ, ни здоровьемъ, обаче всего незыблемостью троновъ.

«Вотъ, что сказано въ дневникѣ, отошедшаго къ праотцамъ, отца протоіерея Даніила, найденномъ недавно въ подвалѣ храма, въ коемъ онъ священствовалъ:

«Сколь превратна судьба не только людей, но и царствъ! Всю свою долгую жизнь наблюдалъ я Божьи планеты и дошелъ до нѣкоторой степени знанія.

Многое сокровенное стало мнѣ открытымъ. Минувшей ночью передъ разсвѣтомъ состояніе звѣздъ было таково, что мнѣ удалось составить слѣдующія предзнаменованія.

Галиційская земля искони наслѣдіе Московской Руси. Червонная Русь, хотя и стоитъ сейчасъ подъ цесарскимъ скипетромъ, но придетъ время, когда она снова возсоединится съ своей кровной матерью—Россіей. Это будетъ еще нескоро, а все же точно непреложнымъ теченіемъ звѣздъ установлено и примѣты указаны. Годомъ возсоединенія обозначено то время, когда честный праздникъ Срѣтенія Господня вмѣсто 2-го числа февруарія будетъ праздноваться наканунѣ того дня, а Пасха Господня красная произойдетъ раньше ранняго. 500 лѣтъ этого не происходило, и послѣ 7 вѣковъ пройдутъ до новаго дня такого празднества. Что сіе вѣрно и Божьимъ знаменіемъ предопредѣлено, въ томъ обѣщаюсь я своимъ іерейскимъ словомъ и подписуюсь»..

— Странное предсказаніе!—невольно вырвалось у меня, когда я прочиталъ эти строки.

— Дай ка мнѣ сюда, — заинтересовался, въ свою очередь, книжкой мой спутникъ и принялся читать.

Старичекъ Меркулычъ уставился на меня. На лицѣ его появилась какая-то таинственность.

— Эхъ, жаль, не дожить мнѣ до этого, а впрямь ужъ больно интересно Подумать только, перемѣна-то какая! Оторванная снова примкнетъ, удѣлъ Червонный сольется съ остальной Русью.

— Вы вѣрите этому предсказанію?

— Эхъ, батюшка, много чего есть на свѣтѣ такого, которому, кажись, повѣрить нельзя, а потомъ и сбывается, недаромъ я на свѣтѣ прожилъ такіе годы, всего перевидѣлъ, немало наслышался.

— Вы то, вѣрно, до этого времени доживете, ясно вамъ будетъ, — промолвилъ старикъ.

— А какой же это годъ можетъ быть?

— А мы сейчасъ книгу Пасхалій возьмемъ, тамъ все ясно сказано.

Меркулычъ затрусилъ къ одной изъ полокъ, досталъ книгу и принялся отыскивать.

— Вотъ видите, самая ранняя Пасха 22-го марта, а празднуется она въ 7423 году отъ Рождества Христова, перекиньте-ка теперь на нынѣшнее время и узнаете.

Но прежде, чѣмъ мнѣ удалось сосчитать, старый букинистъ торжествующе воскликнулъ:

— Въ 1915 году это случится, вотъ-съ когда, милостивый государь! Ой, времени до той поры много еще осталось, не дожить!

Водворилось молчаніе. Самоваръ пересталъ уже шумѣть, въ сосѣдней комнатѣ слышно было, какъ потрескивала въ лампадѣ свѣтильня, да сопѣлъ мой спутникъ.

— Ну, идемъ что-ли, ишь мы до кой поры засидѣлись, дома обѣдать ждутъ не дождутся, — нарушилъ молчаніе Сергѣй Михайловичъ и шумно поднялся изъ-за стола.

Я поблагодарилъ гостепріимнаго хозяина. Распрощались съ нимъ и вышли изъ уютной квартирки. Непріятный косой дождь сразу охватилъ насъ, онъ чередовался съ сырымъ снѣгомъ, было скверно, ѕоскливо, сыро...

Могъ-ли я въ то время подозрѣвать, что предсказанія какого-то, невѣдомаго міру, священника, въ дѣйствительности, сбудутся и что самое время этой великой перемѣны звѣзды такъ точно опредѣлили числами.

22-го марта 1915 года въ слѣдующемъ году будетъ праздноваться день Святой Пасхи, а праздникъ Срѣтенія Господня переносится со 2-го февраля на 1-ое

Почему это случается, я, какъ не знатокъ въ этомъ случаѣ, отказываюсь отвѣтить.

Попрятались.

I.

Не сидится казакамъ безъ «работы». Рвутся чѣмъ-нибудь навредить врагу, не дать ему покоя. А изъ дисциплины выйти не смѣютъ. Строго наказано: «не двигаться, ожидать приказа».

Подмываетъ станичниковъ. Рвутся они...

— Ваше благородіе, разрѣшите,—умоляюще обратился «старшóй» къ сотнику.—Засидѣлись мы больно, второй день...

Усмѣхнулся офицеръ.

— Экіе непосѣды, не сидится вамъ! Ну, ладно, подбери, Денисовъ, товарищей да тихохонька разъѣздомъ и пошарьте поближе къ городу!

— Слушаю, ваше благородіе, вотъ обрадодали, и сказать не можемъ,—ожи-

вленно отозвался казакъ и сейчасъ же побѣжалъ сообщить товарищамъ радостную вѣсть.

Недолго собирались. Черезъ полчаса все готово. Оружіе прилажено, лошади въ порядкѣ, подпруги подтянуты, и казаки взлетѣли на сѣдла.

— Съ Богомъ! Только помни, чтобы ни звука,—скомандовалъ «старшóй».

Казачій разъѣздъ безшумно вытянулся по опушкѣ лѣса, направляясь къ польскому городку, занятому нѣмцами.

II.

Вечерѣло. Но солнце еще маячило между старыми деревьями лѣса. Тихо было. Казалось, что ничто не нарушало обычную жизнь. только изрытыя окрестности показывали, что недавно еще здѣсь проходили войска; окопы и ровики желтѣли среди сочныхъ, зеленыхъ лѣсныхъ полянъ. Вершины старыхъ сосенъ попрежнему разговаривали съ пролетавшимъ вѣтромъ, дѣлившимся съ ними своими новостями, по вѣтвямъ прыгали любопытныя бѣлки. Ихъ обманула наступившая тишина, а передъ

этимъ онѣ боязливо прятались въ густыя вѣтви, потайныя дупла.

Гдѣ-то далеко чуть слышно прозвучалъ отголосокъ трубы и быстро растаялъ въ вечернемъ воздухѣ. Безлюдно. Точно все вымерло. Далеко тянется лѣсъ, но до самаго города не доходитъ. Нѣсколько деревень лежитъ между лѣснымъ пространствомъ и захваченнымъ непріятелемъ городомъ.

— Какъ пойдемъ по деревнѣ-то,—прошепталъ «старшóй»:—замѣтятъ, неравно!

— Ну кому замѣтить-то? нѣмцевъ здѣсь нѣтъ, а мужики развѣ станутъ доносить непріятелю!—отозвался одинъ изъ станичниковъ. Отрядъ медленно тянулся дальше. Вотъ ужъ деревня, чистенькіе домики замелькали между деревъ. Казаки, зорко осматриваясь, поѣхали вдоль улицы.

Сейчасъ же на порогѣ нѣкоторыхъ домиковъ появились люди.

Признали казаковъ, руками замахали, къ себѣ зóвутъ. Все еще сохраняя осторожность, разъѣздъ подъѣхалъ къ нимъ.

— А мы-то васъ и ждемъ,—привѣтливо сказалъ солтысъ (сотскій):—нѣмца вамъ сдать нужно.

— Сколько наловили?—спокойно спросилъ Денисовъ.

— Да девять человѣкъ сидятъ у насъ въ пустой избѣ, перевязали мы ихъ.

— А ну, показывай! — послышался приказъ, и казаковъ повели къ избѣ, гдѣ сидѣли нѣмцы.

III.

— Вчера, вотъ объ это время нѣмцы къ намъ наѣхали, ночевать запросились,— разсказывалъ солтысъ.—Гдѣ-то провіанту себѣ они раздобыли, въ городъ везли нѣсколько возовъ. Отказать мы имъ не смѣли, двѣ избы для нихъ очистили, ужинъ, по приказу ихъ, приготовили.

— Какъ же они къ вамъ попались-то?—нетерпѣливо спросилъ кто-то изъ казаковъ.

— Да такъ, сумѣли мы справиться! Пятерыхъ караульныхъ они поставили, двоихъ у домовъ, а трое возы караулили, остальные спать ушли.—Живо мы собрались, поговорили межъ собою и отправились бить нвабовъ. Тѣхъ троихъ, что у возовъ были, живыми забрали, ружья у

нихъ поотняли, а вотъ этихъ двухъ карауль-ныхъ застрѣлить пришлось. А потомъ въ окна въ остальныхъ стрѣлять стали, сперва попытались они намъ отвѣчать, да какъ крикнули мы имъ: «Казаки!»—сейчасъ всѣ и сдались. Выбросили свои винтовки черезъ окна, а тутъ мы имъ руки посвязали и захватили.

— Ну, молодцы же ребятки,—одобрилъ крестьянъ Денисовъ.

— Возьмите ихъ съ собою, не держать же намъ ихъ здѣсь, какъ бы нѣмцы другіе не пришли да не отбили ихъ,—простодушно предложилъ кто-то изъ крестьянъ.

— Сейчасъ не до нихъ, вотъ какъ поцъ утро вертаться станемъ, такъ въ ту пору и захватимъ,—согласился старшóй.—А пока подержите ихъ, да зря-то голодомъ морить не надо, дайте имъ поѣсть, проголодались, должно быть!

Нѣмцевъ убрали огратно въ домъ, а казачій разъѣздъ, пользуясь наступившей темнотой, отправился дальше.

IV.

Попрежнему безъ шума пробираются станичники. Другую деревню проѣхали, по задворкамъ потайно проскользнули, даже собака ни одна не тявкнула. Ловокъ казакъ, всѣ ходы и лазы знаетъ. Снова на дорогу выѣхали, на перекрестокъ выбрались.

— А нѣмца-то нѣтъ, попрятался въ городѣ, должно, эхъ, незадача? Погулять не удастся!—съ сожалѣніемъ воскликнулъ одинъ изъ казаковъ.—Рука такъ и зудится.

— Подожди, Андрюша, еще найдемъ, ихъ тутъ не мало, вотъ темень, такъ они и попрятались,—успокаивалъ его товарищъ.

Еще ниже спустилась темная пелена. Засыпалось небо звѣздами, луна еще не всходила. Звонко прокатился выстрѣлъ, недалеко по дорогѣ, другой ему отозвался, рявкнули еще нѣсколько и замолчали...

— Шалятъ такъ, зря, пугаютъ,—презрительно отозвался «старшой».

Разъѣздъ все еще находился на перекресткѣ, раздумывая, какой избрать путь.

Гдѣ-то вдалекѣ заскрипѣли тяжелые возы, шумъ приближался. Козаки насторожились, Слышно было, какъ ѣхало нѣсколько возовъ.

— Вотъ, скучалъ, что съ нѣмцемъ не перевѣдаешься, кажись, они сами сюда идутъ,—шепнулъ одинъ изъ станичниковъ.

Разъѣздъ растянулся вдоль дороги, ожидая появленія обоза. Недолго пришлось ждать. Затопали кони, застучали колеса. Минута, другая, и изъ темнаго покрова, окутавшаго всѣ окрестности, вынырнула голова лошади, напряженно тащившей какой-то громадный возъ.

— Сѣно? Вотъ что. А я думалъ и впрямь нѣмецкій обозъ,—съ сожалѣніемъ прошепталъ старшой.

Около возовъ шли крестьяне-возчики.. Поровнялись съ разъѣздомъ.

V.

— Эй, братики, откуда и куда сѣно везете?—окрикнулъ ихъ Денисовъ.

Поснимали шапки хлопцы, лошадей задержали, сами видятъ—казаки.

— Да нѣмцы позабрали у насъ въ деревнѣ сѣно, такъ вотъ къ нимъ доставляемъ, строго наказали, чтобы мы везли, а то говорятъ, убьемъ.

— Эхъ, вы трусы! Ну чего везти было, А теперь вертайте возы, вонъ налѣво! прямо къ намъ, сѣно-то какое хорошее, душистое!—съ видомъ знатока, вырвавъ клокъ, разсматривалъ казакъ сѣно,—богатые у васъ тутъ луга, должно быть!

— Какъ его повезешь-то,—почесавъ затылокъ, протянулъ возчикъ,—вѣдь вся дорога нѣмцами занята, все ровно, отберутъ.

— И правду ты говоришь. Какъ же съ нимъ быть-то? неужто нѣмцамъ отдать?

— Чего отдавать? Свалимъ его здѣсь у дороги и подожжемъ,—посовѣтовалъ Андрюша.

— Ну, еще сваливать, жги такъ, лошадей только отпряжемъ,—отозвался еще кто-то изъ разъѣзда.

— А ну, зачинай коли такъ!

Чиркнула сѣрничка, вспыхнулъ голубоватый огонь, слабо затрещалъ. Станичникъ бросилъ ее на возъ и сѣно слабо занялось.

Возчики послушно отошли въ сторону, отпрягши лошадей, и ждали.

Огненная змѣйка побѣжала по сухой травѣ, а черезъ мгновеніе зашевелилась копна, точно ожила.

— Да что у тебя гадюки тамъ что ли попрятались?—шутливо спросилъ старшóй возчика, держа наготовѣ пику.

Изъ горящаго сѣна высунулась человѣческая голова, съ дико вытаращенными глазами, за ней другая, третья, и на дорогу, какъ встрепанные, выскочили трое дюжихъ нѣмецкихъ солдатъ.

— Э, вона какія гадюки у тебя забрались сюда!—наставляя пики къ груди нѣмцевъ, шутливо крикнулъ Денисовъ:

— Сдавайтесь что ли!

Нѣмцы не стали сопротивляться. Дрожа отъ ужаса, они смотрѣли на занявшійся огнемъ возъ. Огненная смерть пугала ихъ больше, чѣмъ что-либо, хотя, взглянувъ на казаковъ, о которыхъ слышали немало страшныхъ разсказовъ, они пали предъ ними на колѣна и стали молить о пощадѣ.

— Чего жъ тѣ два воза жечь-то будемъ а ну, ребятки, пощупайте ка ихъ пиками,

можетъ, и тамъ гадюки завелись?—послышался приказъ старшого

Казацкія пики сдѣлали свое дѣло: изъ остальныхъ возовъ тоже выбрались мародеры-солдаты. Двѣнадцать ихъ оказалось.

VI.

— Эхъ, неладно, ребятки, что вы такой грузъ повезли, а намъ не сказывали, не погладятъ васъ по головѣ за это,—строго замѣтилъ казакъ возчикамъ.

Испугались тѣ.

— Не виноваты мы, панъ казакъ, противъ воли нашей забрались они въ сѣно, боялись чтобы на васъ не наткнуться...

— Учуяли насъ, швабы-то! Ишь, какой нюхъ-то у нихъ,—пошутилъ одинъ изъ станичниковъ.

— Смертью намъ грозились, коли выдадимъ, насъ трое, а ихъ двѣнадцать, поневолѣ молчали.

— Куда ѣхали? Сѣно куда везли?—разспрашивалъ старшой плѣнниковъ.

Одинъ изъ плѣнниковъ оказался понимающимъ по-русски.

— Въ городъ везли, приказано было,— угрюмо отозвался солдатъ.

— Васъ двѣнадцать человѣкъ, чего же вы боялись-то?

— Что мы могли сдѣлать двѣнадцать противъ васъ, казаковъ!—покорно сознался нѣмецъ.

— Ну, маршъ, чего тутъ еще болтать,— послѣдовалъ приказъ станичника.

И плѣнные, строго наблюдаемые разъѣздомъ, потащились по указанной дорогѣ.

— А вамъ заказъ, хлопцы, въ другой разъ такихъ гадюкъ не возите,—обратился къ возчикамъ Денисовъ и, махнувъ рукой, отпустилъ ихъ.

Казаки продвигались обратно, гоня передъ собою захваченныхъ швабовъ. Дойдя до деревни, въ которой находились уже раньше пойманные нѣмцы, станичники соединили ихъ вмѣстѣ и погнали дальше, къ своему стану.

— Птицъ привезли, ваше благородіе, сажайте въ клѣтку!—весело доложилъ старшóй сотнику, когда подъ утро разъѣздъ вернулся изъ экспедиціи.

„Амапу“.

Это было прошедшей зимой въ январѣ...

Мнѣ пришлось проѣхать изъ Бордигеры на одинъ день въ Геную. Были кое-какія дѣла. Устроивъ все, что мнѣ было необходимо, я не зналъ, что мнѣ дѣлать, чѣмъ убить время до отхода ночного поѣзда. Идти въ оперу меня не манило, «компанія» артистовъ, судя по газетнымъ отзывамъ, выдалась въ этотъ сезонъ не блестящая, и «Гугеноты» шли довольно слабо.

Другой оперный театръ бездѣйствовалъ.

Ходить по стариннымъ улицамъ города мнѣ надоѣло, было достаточно сыро и прохладно.

Въ галереѣ Манцони я остановился передъ залитымъ электричествомъ входомъ кафе-концерта. Широковѣщательная афиша гласила объ участіи знаменитостей чуть ли не всего міра. Тутъ были и негры-эксцентрики изъ Занзибара, и японцы-изумительные гимнасты, всевозможные «атрекшенъ»-пѣвицы, фокусники и т. д. и т. д.

Между прочими номерами я обратилъ вниманіе на строку, напечатанную жирнымъ шрифтомъ. Въ ней стояло:

«Бразиліанскій танецъ Амапу. Исполнитъ знаменитая французская создательница этого танца Регина Эрколь при участіи своего партнера Паоля Джусто».

Не помню сейчасъ, заинтересовало ли меня это сообщеніе, но я, чтобы убить время, вошелъ въ залъ кафе-концерта, и, усѣвшись за однимъ изъ столиковъ, спросилъ себѣ краснаго вина и сыру и сталъ слушать и смотрѣть, что происходило на кричаще обставленной сценѣ.

Не скажу, чтобы пестрый, шумный калейдоскопъ, который въ продолженіе двухъ часовъ я наблюдалъ, особенно мнѣ понра-

вился. Скорѣе даже онъ мнѣ надоѣлъ. Всѣ эти японцы, негры, клоуны, diseuses и трансформаторы утомили мое зрѣніе и слухъ. Я готовъ былъ уже покинуть залъ и постучалъ даже по стакану, чтобы позвать лакея для уплаты, но глаза мои, скользнувъ по лежащей на столикѣ программѣ, снова остановились на словѣ «амапу». Я вспомнилъ о знаменитомъ бразильскомъ танцѣ и рѣшилъ остаться его посмотрѣть, тѣмъ болѣе, что ожидать этого номера приходилось недолго.

Послѣ появленія какой-то португальской неимовѣрно тяжеловѣсной пѣвицы, начался небольшой антрактъ, видимо, устроенный съ предвзятою цѣлью, чтобы подготовить зрителей къ выдающемуся зрѣлищу. Но публика, состоявшая большей частью изъ постоянныхъ посѣтителей этого веселаго уголка, стала неистово стучать ногами, колотить палками по столамъ и громко кричать:

— Амапу, амапу!

Небольшой оркестрикъ насторожился, глухо заворчалъ контрабасъ, издавая ка-

кіе-то подземные звуки. Къ нему присталъ фаготъ, усиливая мрачность мелодіи.

Внезапно въ этотъ замысловатый дуэтъ пролилась тоскливая мелодія віолончели, пискнули скрипки, но ихъ вступленіе не смягчило мрачнаго колорита,—напротивъ того, еще болѣе усилило.

Я не могъ себѣ представить возможности танцовать подъ такой грустный мотивъ, все время переливающійся въ септъ-аккордахъ и рѣжущій ухо странными диссонансами.

На сценѣ появилась стройная молодая дѣвушка, шатенка. Она выплыла къ рампѣ перегибающейся походкой. Лицо ея было спокойно, даже немного грустно.

Изъ-за боковой кулисы приблизился къ ней ея партнеръ, черноволосый молодой человѣкъ, яркій типъ итальянца. Онъ взялъ ея руку, протянутую за спиной, и какъ-то почтительно, видимо сознавая ея превосходство, ловкимъ движеніемъ уронилъ на полъ.

Но танцовщица не упала, а только чрезвычайно низко склонилась назадъ, причемъ ея пышные волосы коснулись пола,

и она сейчасъ же выпрямилась, точно подъ вліяніемъ электрическаго тока, и, закинувъ голову, вызывающе посмотрѣла на своего партнера.

Этотъ жестъ вызвалъ общее одобреніе, но шумныхъ аплодисментовъ не было слышно, только по залу пролетѣло, какъ шумъ отъ листьевъ, «браво».

Танецъ начался.

Грустная мелодія капризно перешла въ страстно кипучую. Жгучіе аккорды срывались со струнъ примкнувшей къ оркестру гитары, которая теперь заглушала остальные инструменты, только ей аккомпанировавшіе.

Еще за минуту серьезное лицо танцовщицы преобразилось. Блѣдность ея исчезла, глаза широко раскрылись, томность нѣги смѣнялась жаркимъ порывомъ, ярко-красныя губы ея были полуоткрыты, порой она закусывала ихъ бѣлыми зубами, плечи, залитыя желтоватымъ шелкомъ характернаго бразиліанскаго костюма, подергивались.

Танецъ все больше и больше захватывалъ зрителей, забывшихъ о своихъ стаканахъ, не обращавшихъ вниманія на погасшія сигареты и не отрывавшихъ глазъ отъ извивавшейся, какъ змѣя, молоденькой танцовщицы.

Недалеко отъ меня въ первомъ ряду, почти у самаго мостика, перекинутаго со сцены въ залъ, по которому артисты и артистки спускались и присаживались то тамъ, то сямъ къ посѣтителямъ, сидѣлъ краснощекій молодой, видный мужчина; котелокъ его былъ сдвинутъ на затылокъ, блѣдно-голубые глаза устремлены на сцену, онъ въ тактъ музыки ударялъ по столику рукою, въ то время, какъ лѣвая рука держала закуренную сигару.

Рядомъ съ нимъ помѣщался его товарищъ, сухощавый молодой человѣкъ, тоже блондинъ, съ поднятыми а-ла-кайзеръ усами, съ нагло улыбавшимся лицомъ. На немъ была фуражка морского образца. Лицо слегка красноватое, загорѣлое, лѣвая рука его, далеко высунувшаяся изъ манжеты, была украшена затѣйливой татуировкой.

По общему виду можно было предположить, что онъ морякъ.

Оба пріятеля громко разговаривали по-нѣмецки, не стѣсняясь обмѣнивались впечатлѣніями, указывали пальцами на исполнителей, а когда началъ танцовать французъ, то оглушительно захохотали и застучали ногами.

Публика обращала вниманіе на этихъ двухъ невѣжъ, шикала имъ, но они не унимались и, презрительно окинувъ глазами сидящихъ позади нихъ, продолжали свои насмѣшки и вызывающія замѣчанія.

«Амапу» меня захватилъ. Оригинальность музыки, страстность и нервность движеній танцовщицы, ея какое-то проникновеніе этимъ танцемъ очаровали меня.

Когда она окончила, и раздались громкіе аплодисменты, я все время находился подъ этимъ впечатлѣніемъ, мнѣ хотѣлось, чтобы она опять повторила свой танецъ, въ особенности начало его, такое мрачное, если можно такъ выразиться, жестокое...

Но несмотря на всѣ вызовы и крики: «Бисъ», уставшая француженка только

отрицательно качала головой и разводила руками.

Я понялъ, что она не была въ силахъ повторить танецъ,—минута захвата, мгновеніе экстаза ее уже покинули. Лицо снова поблѣднѣло, темные глаза не горѣли...

Усталый взглядъ танцовщицы уловилъ чей-то призывный знакъ въ глубинѣ зала, и она сейчасъ же по мостику направилась къ намъ.

Только что танцовщица стала спускаться съ маленькой лѣсенки, какъ сидѣвшій за столикомъ молодой нѣмецъ, поднялъ голову, наглымъ взглядомъ посмотрѣлъ на танцовщицу и громко произнесъ:

— Ну что, французская ломака,— слово было произнесено, на самомъ дѣлѣ, куда болѣе рѣзкое:—выплясываешь теперь деньги для будущей контрибуціи намъ, нѣмцамъ?

Маленькая рука француженки точно впилась въ бархатный поручень лѣсенки. Она опять преобразилась, лицо залилъ румянецъ, глаза уже не были теперь пол-

ны нѣжной страстью, они загорѣлись жгучей ненавистью, грудь порывисто вздымалась, нога въ шелковомъ башмакѣ стукнула о ступень.

Еще мгновеніе, и танцовщица спрыгнула на полъ, точно хищная птица сорвалась съ вѣтки.

Она остановилась передъ нагло смѣющимся нѣмцемъ и, собравъ всѣ свои силы, ударила его по щекѣ.

Котелокъ свалился съ бѣлокурой головы. Наглецъ, не ожидавшій такой расплаты, оцѣпенѣлъ.

Его товарищъ бросился на танцовщицу и крѣпко схватилъ ее за обѣ руки, точно опасаясь, что она повторитъ свой ударъ.

— Французская каналья! Вотъ вы всѣ, проклятыя, таковы! Дождетесь отъ нѣмцевъ хорошаго кнута!

Онъ говорилъ шипящимъ шопотомъ, захлебываясь, точно отыскивая слова, которыя могли бы сильнѣе подѣйствовать и отомстить.

Но зато посѣтители кафе-концерта отнеслись совершенно иначе къ смѣлой француженкѣ.

Трудно было разслышать что-нибудь въ этомъ хаосѣ голосовъ, криковъ «браво», слившихся въ общее одобреніе и удовольствіе по поводу посрамленія нѣмецкой наглости.

— Руки прочь! Не смѣть держать ее!— крикнулъ кто-то изъ зрителей, сидящихъ ближе къ нѣмцамъ. Итальянцы вырвали изъ рукъ моряка танцовщицу и готовы были съ нимъ расправиться.

Но въ вестибюлѣ уже раздались характерные свистки полицейскихъ, предупредительно вызванныхъ администраціей театрика.

Мнѣ не хотѣлось ввязываться во всю эту исторію и я, воспользовавшись общимъ смятеніемъ, вышелъ изъ кафе-концерта, тѣмъ болѣе, что до отхода поѣзда оставалось сравнительно недолго.

Вотъ что я прочиталъ недавно въ одной изъ французскихъ газетъ:

«Наша извѣстная исполнительница характерныхъ танцевъ, мадемуазель Регина Эрколь, такъ и многія другія служительницы искусства, рѣшила на время войны, какъ достойная дочь Франціи, оставить сценическіе подмостки и поступить въ сестры милосердія, чтобы оказывать помощь нашимъ раненымъ».

Газета еще дальше продолжала восхваленіе французскихъ артистокъ, толковала объ ихъ милосердіи, о нѣжномъ чувствѣ состраданія, но для меня было достаточно и этой маленькой замѣтки.

Передо мной, какъ живая, возстала январьская сцена въ генуэзскомъ кафе-концертѣ.

Я вспомнилъ танцовщицу, ея грубаго оскорбителя, нѣмецкаго конторщика какой-то фирмы, какъ потомъ писали въ генуэзскихъ газетахъ; званіе его товарища тоже было выяснено,—онъ состоялъ помощникомъ капитана на одномъ изъ пароходовъ германскаго ллойда, ходившихъ въ Америку.

Я узналъ также потомъ, что пощечина, данная француженкой наглому нѣмцу,

не имѣла для нея никакихъ послѣдствій. Посѣтители кафе-концерта явились чуть ли не всѣ свидѣтелями въ судъ и показали въ пользу французской артистки.

Это мнѣ передалъ одинъ генуэзскій журналистъ, поселившійся въ томъ же пансіонѣ, гдѣ я жилъ.

Замѣтка о поступленіи Регины въ сестры милосердія промелькнула въ газетахъ, и я снова забылъ о ней.

Но недавно мнѣ попался одинъ изъ послѣднихъ нумеровъ одной лондонской газеты. Корреспондентъ ея, находящійся при арміи главнокомандующаго генерала Френча, пространно описываетъ всѣ мельчайшія подробности походной жизни англичанъ, попутно зарисовывая бельгійскихъ и французскихъ героевъ.

Вотъ что я прочелъ:

«Въ нашемъ лагерномъ госпиталѣ Краснаго Креста помѣщено, кромѣ нашихъ храбрыхъ соотечественниковъ, немало героевъ бельгійцевъ и... по грустной необходимости намъ пришлось оказать пріютъ также и этимъ звѣрямъ, врагамъ цивилизаціи, нѣмцамъ.

«Ихъ лежало во время моего посѣщенія въ госпиталѣ на этихъ дняхъ двѣнадцать человѣкъ.

«Они обращались съ нашими сестрами милосердія повелительно, точно они здѣсь были хозяевами и могли приказывать и распоряжаться. Когда я замѣтилъ объ этомъ главному хирургу, онъ со своей обычной мягкой улыбкой отвѣтилъ мнѣ:

— «Ахъ, не забудьте, что это раненые, они тоже страдаютъ.

«Я не вполнѣ согласенъ съ его мнѣніемъ. Они сами заставляли страдать другихъ гораздо больше. Глядя на этихъ злодѣевъ, я невольно вспомнилъ о тѣхъ звѣрствахъ, которыя они совершили въ Бельгіи.

«Мнѣ кажется, что однѣ только англичанки могутъ быть настолько сострадательны, чтобы ухаживать за этими варварами. Я поспѣшилъ подѣлиться этой мыслью съ нашимъ хирургомъ.

— «Мое уваженіе передъ нашими соотечественницами чрезвычайно велико, я преклоняюсь передъ ихъ самоотверженіемъ,—отвѣтилъ мнѣ хирургъ,—но дол-

женъ отдать также справедливость и женщинамъ другихъ націй.

— «Развѣ у васъ въ лазаретѣ есть сестры милосердія другой національности?

— «Да, нѣсколько бельгіекъ и двѣ француженки...

«И хирургъ указалъ мнѣ на мѣсто, гдѣ работали иностранки.

«На долю бельгіекъ выпало ухаживать, а можетъ быть, онѣ и сами просили объ этомъ, за своими соплеменниками. Одна изъ француженокъ перевязывала руку нашему шотландцу, когда я вошелъ въ это отдѣленіе палаты, а другая стояла у койки раненаго плѣннаго нѣмца.

«Я подошелъ къ ней. Она подавала германцу пить въ эту минуту. Правая рука у него была отнята, лицо съ одной стороны было затянуто повязкой. Несимпатичныя мнѣ нѣмецкія черты были ясно выражены въ этомъ блѣдномъ, но довольно полномъ лицѣ.

«Я не могъ скрыть своего непосредственнаго впечатлѣнія.

— «Неужели вы, миссъ, не чувствуете мести?.. Вѣдь, можетъ быть, онъ убилъ

вашихъ друзей, разграбилъ дома вашихъ близкихъ, внесъ горе въ ихъ семьи?..

«Француженка подняла на меня глаза и спокойно тихимъ голосомъ отвѣтила:

— «Возражать противъ этого, сэръ, я не буду,—онъ, можетъ быть, все это сдѣлалъ, но теперь я вижу въ немъ только страдающаго человѣка, которому нужно во что бы то ни стало помочь, забывая обо всѣхъ обидахъ. Это завѣтъ Христа!

«Я молча поклонился ей и, кинувъ послѣдній взглядъ на раненаго тевтона, единственный глазъ котораго былъ закрытъ, отошелъ въ сторону...

«Долженъ прибавить интересную подробность. Подруга этой французской сестры милосердія сообщила мнѣ слѣдующее:

— «Случай, странное совпаденіе, какъ вы хотите, называйте, но моя подруга и раненый германецъ встрѣчались уже раньше, и встрѣча эта была не изъ пріятныхъ... Она дала ему пощечину за нахальство, за дерзость и за вызывающее замѣчаніе объ ея родинѣ. Эта сестра милосердія — извѣстная артистка Регина Эрколь».

Такъ вотъ каковъ эпилогъ той бурной сцены, которую мнѣ пришлось наблюдать прошедшій годъ въ генуэзскомъ кафе-концертѣ, и мнѣ кажется, что даже самая пылкая фантазія романиста едва ли придумаетъ такое благородное окончаніе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Передъ поднятіемъ занавѣса . . .	3
Вѣщее	19
Турханчикъ	27
Подъ звуки колоколовъ	45
За обѣдомъ у императора	50
Казачье	70
Пастырь герой	83
Современный пиръ Валтасара . .	97
Удальцы	109
Доброволецъ изъ Канады	123
За крестомъ	146
Похоронный маршъ	165
Въ бабьемъ плѣну	179
Внѣ человѣческаго познанія . . .	188
Попрятались	206
„Амапу“	217

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Книги для дѣтей, съ рисунками.

Всѣ дѣтскія книги получили почетные отзывы на научно-промышленной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ и на международной въ Льежѣ (Бельгія).

Всѣ значащіяся въ этомъ отдѣлѣ изданія одобрены Особ. Отд. Уч. Ком. М. Н. Пр., допущены въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатн. народн. библіотеки-читальни.

Сказки и были. Роскошное изданіе съ рис. худ. В. В. Спасскаго. Цѣна **2** р. **50** к.

Царскій духовникъ. Истор. разск. Роскошное изданіе съ рис. худ. С. И. Панова. Ц. **2** р. **25** к.

Братъ на брата. Ист. повѣсть съ рис. худ. В. В. Спасскаго. Цѣна въ роск. пер. **1** р. **75** к.

Подъ удѣльной властью. Ист. повѣсть съ рис. худ. С. И. Панова. Цѣна въ роск. пер. **1** р. **75** к.

Княжой отрокъ. Историч. повѣсть. Цѣна **50** коп. 2-е изд.

Трошка. Разсказъ. Цѣна **40** коп.

Золотыя руки. Разсказъ. Цѣна **30** коп.

Оружейникъ царицы. Ист. разсказъ. Цѣна **25** коп.

Среди дѣтей. К. А. Максимова. 3 разсказа съ рисунками. Цѣна **25** коп.

О быломъ. Истор. разсказы съ рисунк. Цѣна въ папкѣ **1** р. **35** к.

Пойга. Исторія финскаго мальчика, съ рисунк. худ. Апсита. Цѣна **25** коп.

Варины думки и Тинины сказочки. Цѣна **65** коп. 2-е изд.

Маленькіе работники. Историческій разск. Цѣна **25** коп. 2-е изд.

Екатерина Великая. Что крѣпче? Историческіе разсказы. Цѣна **25** коп. 2-е изд.

Царевъ Варганистъ.— Пэранита. Ист. разск. Ц. **25** к. 2-е изд.

Рекомендованы Гл. Упр. Военно-Учебн. Завед. Воен. Мин. для чтенія кадетъ I и II класса кадетск. корпусовъ.

Геннадка-мореходъ. Повѣсть, съ рисунк. Цѣна **50** коп.

Маленькіе кустари. Разсказы, съ рисунк. Цѣна **50** коп.

Москва подъ рукой Наполеона. Ист. пов. Ц. **60** к.

Упорнымъ трудомъ. Разск. Ц. **40** к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

По морямъ въ старину. Ист. разсказы.

Что иногда бываетъ. Разсказъ.

ТИП. И. ШУРУХТЪ, СПБ. КРЮКОВЪ КАН. 28.

Цѣна 1 р. 25 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Петроградъ, Гатчинская, 17, кв. 7.
Тел. № 522-51.